

Димитрий

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Фр. К. Гр.

Издана в Петербурге

1860

№ 1

1860

В ПЕТЕРБУРГЕ

В типографии Императорского университета

№ 1

b-74

[Faint, illegible handwriting]

№ 101
88.37
к 33

ХАРАКТЕРЪ
И

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Фр. Кейра.

Переводъ съ французскаго подъ редакціей

Р. И. Сементковскаго.

Даръ

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 40 коп.

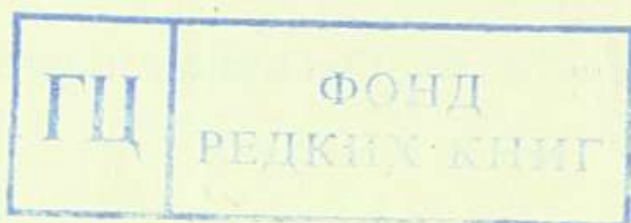
ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1897.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

250 р. ф. ✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Февраля 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Вступленіе	2
<hr/>	
I. Элементы и формы характера	17
II. Чистые типы	26
III. Смѣшанные типы	35
IV. Уравновѣшенные типы	43
V. Неправильные типы	53
VI. Патологическіе типы	62
VII. Сравнительная оцѣнка разныхъ характеровъ	75
VIII. Воспитаніе характера	82

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Я поставилъ себѣ задачею дать критическое опредѣленіе характера, изучить главныя его формы, выяснитъ тѣ качества, которыя воспитатель долженъ развивать въ своихъ воспитанникахъ, и указать на болѣе дѣйствительныя въ этомъ отношеніи средства. Примѣры, которыми я подкрѣплялъ свои соображенія, взяты мною преимущественно изъ исторіи, потому что у историческихъ дѣятелей черты характера, притомъ же всѣмъ извѣстныя, проявляются рѣзче и яснѣе. Читатель можетъ отыскать въ окружающей его средѣ аналогичныя примѣры. Если предложенная мною классификація достаточно полна, чтобы обнять всю сложность человѣческой природы, если она позволяетъ безъ особенныхъ затрудненій уяснить себѣ, какой общій типъ преобладаетъ въ данномъ индивидуѣ, и если она слѣдовательно представляетъ нѣкоторую практическую пользу вслѣдствіе возможности видоизмѣнить въ томъ или другомъ смыслѣ установленный такимъ образомъ характеръ даннаго лица, то цѣль моя вполне достигнута.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Этологія и Дж. Ст. Милль.—Аналитическій обзоръ главныхъ классификацій темпераментовъ и характеровъ.

Высказываясь за необходимость созданія науки о характерѣ, Дж. Ст. Милль писалъ въ 1843 г.: «Я предложилъ бы назвать этологіею (отъ греческаго слова «этось», наиболѣе соответствующаго нашему выраженію «характеръ») науку, выясняющую, какъ создается характеръ извѣстною совокупностью условій, физическихъ или духовныхъ, согласно съ общими психологическими законами... Такой науки еще не существуетъ, но ея созданіе теперь наконецъ стало возможнымъ. Правда, разнообразіе естественныхъ индивидуальныхъ особенностей еще не подведено подъ общія категоріи, и причины его, коренящіяся въ физической природѣ человѣка, еще не выяснены. Но это обстоятельство менѣе существенно, если имѣть въ виду большое число людей или средняго человѣка. Къ тому же я полагаю, что компетентныя лица теперь допускаютъ, что общіе законы основныхъ элементовъ человѣческой природы установлены настолько, насколько это необходимо, чтобы вывести изъ этихъ общихъ законовъ данный типъ, создаваемый совокупностью тѣхъ или другихъ условій. Такимъ образомъ созданіе науки о характерѣ, основанной на психологическихъ законахъ, возможно, хотя до сихъ поръ для этого сдѣлано еще слишкомъ мало. Предметомъ изысканій должно быть происхожденіе и источники тѣхъ человѣческихъ качествъ, которыя насъ интере-

сують, какъ факты, которые мы хотѣли бы вызвать или избѣжать, или просто только понять. Цѣлью же новой науки будетъ установленіе на основаніи общихъ психологическихъ законовъ въ связи съ общими условіями, окружающими человека въ мірѣ, того сочетанія наличныхъ или возможныхъ условій, которыя могутъ вызвать эти качества или ихъ задерживать».

Независимо отъ огромнаго своего теоретическаго значенія, такая наука окажется и въ практическомъ отношеніи плодотворною. Милль прибавляетъ: «Когда такимъ образомъ возникнетъ этологія, воспитаніе будетъ сведено къ простому видоизмѣненію ея началъ и созданію параллельной системы правилъ съ приложеніемъ ихъ къ совокупности условій, окружающихъ индивида въ данномъ случаѣ». Такимъ образомъ «этологія является наукою, соотвѣтствующею педагогикѣ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, т. е. включая въ нее воздѣйствіе какъ на коллективный или національный характеръ, такъ и на индивидуальный. Конечно нельзя рассчитывать, что, какъ бы точно ни были установлены законы образованія характера, когда-либо удастся настолько выяснить въ данномъ случаѣ всѣ условія, чтобы можно было съ достовѣрностью предсказать, какой характеръ получится именно при наличности этихъ условій. Но не слѣдуетъ забывать, что выясненіе этихъ условій, даже если подобнаго рода предсказанія невозможны, часто имѣетъ довольно большое практическое значеніе. Чтобы вліять на тѣ или другія явленія, нерѣдко достаточно составить себѣ весьма неполное представленіе о причинахъ, которыя ихъ вызываютъ въ данномъ случаѣ. Достаточно знать, что извѣстныя причины склонны вызывать данное послѣдствіе и что другія наоборотъ задерживаютъ его. Когда мы можемъ уяснить себѣ въ болѣе или менѣе значительной степени условія, въ которыя поставлены индивидъ или нація, и знаемъ, къ чему эти условія могутъ привести, мы поставлены въ возможность придать имъ направленіе болѣе благопріятное для нашихъ видовъ, чѣмъ какое они приняли бы сами по себѣ. Болѣе значительнаго вліянія мы приоб-

рѣсти не можемъ, но и въ этихъ предѣлахъ оно имѣеть существенное значеніе».

На первый взглядъ кажется страннымъ, что такая полезная наука до сихъ поръ еще не получила признанія и должнаго развитія. Но не трудно уяснить себѣ причины этого явленія, даже независимо отъ приведеннаго мнѣнія Милля. Этологія является только дополнительною наукою къ психологіи, а послѣдняя наука новая, и основная ея цѣль, именно выясненіе законовъ духовной организаціи человѣка, еще не достигнута. Между тѣмъ теоретическое изученіе характера можетъ оказаться успѣшнымъ только въ томъ случаѣ, если духовная организація человѣка будетъ въ достаточной степени изучена, такъ какъ помимо этого нѣтъ возможности привести установленные общіе законы въ связь съ тѣми спеціальными условіями, которыя создаютъ индивидуальный характеръ. Созданіе этологіи слѣдовательно немислимо безъ предварительной должной разработки психологіи.

Тѣмъ не менѣе давно уже замѣчено, что люди въ сходныхъ случаяхъ ведутъ себя различно. Нельзя кромѣ того отрицать, что фактъ этотъ подвергся болѣе или менѣе систематическому изслѣдованію. За недостаткомъ психологическихъ законовъ фізіологи объясняли его преобладаніемъ тѣхъ или другихъ составныхъ частей въ физической организаціи человѣка и установили соотвѣтственную классификацію темпераментовъ. Съ разными видоизмѣненіями эта классификація продержалась до нашихъ дней. Объясняется это тѣмъ, что психологи пользовались ею для предварительной классификаціи характеровъ, такъ какъ, устанавливая физическія особенности разныхъ темпераментовъ, она въ то же время отмѣчала ихъ соотвѣтственное вліяніе на умственную жизнь и поведеніе людей.

Греческіе врачи, преимущественно же Гиппократъ, различали въ человѣческомъ тѣлѣ четыре основныя жидкости: кровь, желчь, лимфу или черную желчь. Всѣ остальныя жидкости въ человѣческомъ тѣлѣ, по мнѣнію греческихъ врачей, состояли изъ смѣшенія этихъ четы-

рехъ основныхъ, и смотря по тому, какая изъ нихъ преобладала, получался тотъ или другой темпераментъ. Соответственно они признавали четыре темперамента: во-первыхъ, сангвиничный, отличающійся въ духовной сферѣ подвижностью, быстрыми измѣненіями въ выраженіи лица, легкомысліемъ, непостоянствомъ, веселымъ и пріятнымъ нравомъ; во-вторыхъ, желчный или холеричный, отличающійся упорствомъ, честолюбіемъ и трудолюбіемъ; въ-третьихъ, лимфатичный или флегматичный, отличающійся медлительностью въ движеніяхъ, серьезностью, миролюбіемъ, нерѣшительностью, слабою воспримчивостью, неспособностью выдерживать тяжелый трудъ, и, въ-четвертыхъ, меланхолический, отличающійся безпокойствомъ, грустью, нерасположеніемъ или отвращеніемъ къ жизни, сосредоточенностью и т. д.

Когда въ дѣло вмѣшалась анатомія и выяснила основное значеніе нервной системы, когда съ другой стороны черная желчь оказалась мифомъ, эта традиціонная классификація темпераментовъ подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Кабанисъ прибавилъ къ ней нервный темпераментъ (быстрота и ловкость въ движеніяхъ, способность выдерживать физическій трудъ, пылкое воображеніе, страстность) и мускульный темпераментъ (физическая сила, притупленная чувствительность, мало развитыя умственные способности и нравственные качества). Фоссати свелъ темпераменты къ нервному, сангвиничному, желчному и лимфатичному, допуская впрочемъ, что эти четыре основные темперамента рѣдко встрѣчаются въ чистомъ видѣ и путемъ смѣшенія образуютъ темпераменты нервно-желчный, нервно-сангвиничный, нервно-лимфатичный и т. д. Фурко допускаетъ три типа, вызываемые преобладаніемъ нервной, кровеносной или клеточной системы и поражающіе путемъ разныхъ комбинацій семь новыхъ типовъ: тучный, хрящеватый или костлявый, мышечный, гастролимическій или голодный, гастропатическій или меланхолический, эротический.

Первоначальная классификація нашла себѣ сторонниковъ въ Германіи. Мюллеръ признаетъ ее «превосходной», но подъ условіемъ, чтобы въ ней усматривали

скорѣе психологическую, чѣмъ фізіологическую теорію, т. е. классификацію четырехъ основныхъ типовъ настроенія или характера людей. По его мнѣнію, ею исчерпываются разныя формы проявленія радости и печали у различныхъ индивидовъ. Кантъ также присоединяется къ ней, и Лотце считаетъ ее вѣрною, замѣняя только для точности слово «меланхолія» словомъ «сентиментальность» (современные врачи во избѣженіе смѣшенія употребляютъ терминъ «липеманія»). Наконецъ и Вундтъ защищаетъ ее, выясняя, что если имѣть въ виду свойственный отдѣльному человѣку характеръ душевныхъ движеній, то можно различать энергію этихъ движеній и быстроту, съ какою они смѣняются. Холерикъ и меланхоликъ склонны къ сильнымъ душевнымъ движеніямъ, лимфатикъ и сангвиникъ къ слабымъ. Сангвиникъ и холерикъ склонны быстро переходить отъ одного душевнаго движенія къ другому; меланхоликъ и лимфатикъ наоборотъ переходятъ отъ одного душевнаго движенія къ другому медленно. Этому основному различію точно соответствуютъ другія особенности. Такъ на примѣръ, энергичные субъекты, т. е. холерики и меланхолики, какъ убѣждаетъ ежедневный опытъ, склонны предаваться печали; слабые наоборотъ смотрятъ на жизнь въ розовомъ цвѣтѣ. Далѣе, быстрые темпераменты, т. е. сангвиничные и желчные, подчиняются преимущественно минутнымъ впечатлѣніямъ, и слѣдовательно всякое новое представленіе вызываетъ въ нихъ склонность къ дѣйствию; наоборотъ, медленные темпераменты, не подчиняясь минутному впечатлѣнію и живя жизнью сосредоточенною, думаютъ преимущественно о будущемъ. Наконецъ лимфатики и холерики—дѣятельные темпераменты и составляютъ противоположность темпераментамъ воспримчивымъ, каковы меланхолики и сангвиники. Упомянемъ еще, что Генлэ въ свою очередь пытался объяснить эту классификацію темпераментовъ интенсивностью дѣятельности двигательныхъ и чувственныхъ нервовъ.

Но какъ бы то ни было, главный недостатокъ теоріи четырехъ темпераментовъ въ ея примѣненіи къ психо-

логи заключается въ томъ, что она слишкомъ отвлеченна и даже, когда допускаетъ смѣшанные темпераменты, недостаточно точна, а вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ вѣрнаго разграниченія и правильной классификаціи разнообразныхъ индивидуальныхъ особенностей. Однако въ ней есть и нѣкоторая доля истины, такъ что намъ представится случай къ ней вернуться.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ, когда Дж. Ст. Милль предложилъ создать специальную науку о характерѣ и написалъ ту главу своей «Логики», изъ которой мы цитировали нѣсколько мѣстъ. На его призывъ Бэнъ отвѣтилъ въ 1861 г. книгою, озаглавленною: «Исслѣдованіе о характерѣ». Занявъ чисто-психологическую точку зрѣнія, онъ различаетъ три основныхъ типа: интеллектуальный, эмоціональный и волевой или энергичный. Во Франціи докторъ Бурдэ уже въ 1858 г. въ своей книгѣ: «Болѣзни характера», содержащей въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, предложилъ, впрочемъ не особенно точную, классификацію характеровъ. Неточность ея заключается въ томъ, что онъ перечисляетъ такія свойства, которыя могутъ встрѣчаться у очень различныхъ субъектовъ и не составляютъ отличительнаго признака характера. По его мнѣнію, можно насчитать 36 характеровъ, обусловливаемыхъ 12-ю основными качествами (храбростью, щедростью, великодушіемъ, пышностью и т. д.) и преувеличеніемъ или отсутствіемъ этихъ качествъ (дерзостью и трусостью; щедростью и скупостью, расточительностью и чрезмѣрною бережливостью, высокомеріемъ и угодливостью и т. д.). Что же касается до болѣзненнаго состоянія, вызывающаго аномальные характеры, то оно бываетъ троякаго рода: ипохондрія, меланхолія и невропатія.

Въ 1887 г. другой врачъ, проф. Азанъ, вернулся къ этому вопросу и сдѣлалъ попытку установить основныя черты характера животныхъ, преимущественно лошади и собаки, потомъ основныя черты характера разныхъ народовъ и наконецъ—отдѣльныхъ индивидовъ, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи. Въ здоровомъ состояніи характеры, по его мнѣнію, распада-

ются на три категоріи. Онъ различаетъ людей хорошихъ: веселыхъ, тихихъ, привѣтливыхъ, спокойныхъ, умѣренныхъ, снисходительныхъ, степенныхъ, скромныхъ, живыхъ, откровенныхъ, экспансивныхъ, сдержанныхъ, великодушныхъ, щедрыхъ, стойкихъ, преданныхъ и т. д.; людей дурныхъ, завистливыхъ, ревнивыхъ, скрытныхъ, любопытныхъ, лицемерныхъ, угодливыхъ, эгоистичныхъ, обидчивыхъ, насмѣшливыхъ, недоверчивыхъ, грубыхъ, раздражительныхъ, угрюмыхъ, упрямыхъ, мстительныхъ, безстыдныхъ, расточительныхъ, безпокойныхъ, боязливыхъ, капризныхъ, хвастливыхъ, рисующихся, высокомерныхъ, вздорныхъ, беспечныхъ, нерадивыхъ, недоброжелательныхъ, сварливыхъ и т. д.; наконецъ людей хорошихъ или дурныхъ, смотря по обстоятельствамъ: апатичныхъ, холодныхъ, сосредоточенныхъ, разсѣянныхъ, упорныхъ, смѣлыхъ, рѣшительныхъ, робкихъ, независимыхъ, прихотливыхъ, и т. д. Въ общемъ онъ различаетъ болѣе 120 характеровъ; но очевидно, что, вопреки этому обстоятельному анализу, тутъ многое надо объединить. Въ заключительной части своего труда, быть можетъ наиболѣе интересной, Азанъ изслѣдуетъ измѣненія, которымъ подвергается характеръ при хроническихъ и нервныхъ болѣзняхъ, на примѣръ, въ случаѣ общаго паралича, раздвоенія личности, падучей болѣзни и т. д.

Съ тѣхъ поръ предложены еще четыре новыя классификаціи характера, болѣе систематичныя и научныя, изъ которыхъ первая принадлежитъ Пересу, вторая—Рибо, третья—Полану и четвертая, новѣйшая,—Фулье.

Пересъ основываетъ свою общую классификацію характеровъ на темпѣ движеній. Онъ признаетъ движенія выраженіемъ сокровенной личности и въ то же время элементами и факторами простыхъ и сложныхъ проявленій нравственной личности. Такимъ образомъ онъ въ сферѣ движеній находитъ нѣсколько общихъ формъ, соотвѣтствующихъ извѣстному числу характеровъ. Быстрота движеній даетъ намъ первый типъ, — типъ людей живыхъ; обратное свойство—типъ людей медлительныхъ; сильно выраженная энергія — людей пламенныхъ; въ связи съ живостью, когда она преобладаетъ, энергія

даетъ посредствующій типъ людей живыхъ и пламенныхъ; въ связи же съ медлительностью — людей одновременно медлительныхъ и пламенныхъ. Къ этимъ пяти классамъ слѣдуетъ прибавить людей уравновѣшенныхъ, представляющихъ внутреннюю гармонію, благодаря которой въ нихъ не получаетъ рѣшительнаго преобладанія ни живость, ни медлительность, ни горячность. Каждое изъ этихъ свойствъ, на которыхъ основываются шесть нами перечисленныхъ типовъ, можетъ въ то же время служить и основаніемъ для опредѣленія индивидуальных характеровъ, какъ соответственное число комбинацій и разновидностей. Однако въ одномъ и томъ же индивидѣ могутъ встрѣчаться противоположныя свойства: пылкое воображеніе, быстрая сообразительность и рѣшительность въ связи съ медлительностью движеній, или медленная рѣчь, лѣнивое воображеніе и умственная косность въ связи съ быстрыми движеніями. Такое сочетаніе несомнѣнно встрѣчается, но довольно рѣдко, потому что «природа, хотя ей и приписываютъ особенное пристрастіе къ разнообразію, воздерживается отъ соединенія такихъ сильныхъ противорѣчій. Къ тому же эти противорѣчивыя явленія, какого бы рода они ни были, указываютъ только, что въ сферѣ явленій, касающихся характера и дѣятельности двигательныхъ нервовъ, есть разныя степени». Чтобы уяснить себѣ эти противоположности, достаточно изучить второстепенные типы живости, медлительности и горячности. Дѣйствительно, «мы имѣемъ тутъ дѣло только съ оттѣнками, съ одними только оттѣнками». Пересъ затѣмъ дѣлаетъ для каждаго изъ шести классовъ бѣглый обзоръ главныхъ измѣненій, вызываемыхъ нравственной личностью съ точки зрѣнія наиболѣе существенныхъ ея чертъ, т. е. чувства, ума и воли, а каждое изъ его изслѣдованій подкрѣпляется двумя искусно нарисованными портретами, представляющими естественную иллюстрацію къ высказываемымъ имъ соображеніямъ.

Эта классификація имѣетъ совершенно объективное основаніе. Поэтому ее можно сблизить съ работами физиономистовъ, графологовъ и тѣхъ изслѣдователей, которые занимались вопросомъ о внѣшнемъ выраженіи

чувствъ. Лафатеръ, отецъ физиогномики, предлагалъ составлять себѣ сужденіе о характерѣ людей по чертамъ лица. У одного человѣка лицо открытое, откровенное, другой смотритъ изподлобья; у одного мечтательный видъ, у другого рѣшительный или чувственный. Мало того, нѣкоторые люди представляютъ большое сходство съ тѣмъ или другимъ животнымъ, на примѣръ съ медвѣдемъ, бараномъ, кошкой, львомъ, лисицей или хищной птицею. Этой физической аналогіи соответствуетъ и аналогія психологическая. «Черты лица Конде всѣмъ извѣстны: носъ чрезмѣрной величины, большіе глаза, которые вѣроятно были красивы, но на выкатѣ, отсутствіе щекъ, такъ что лицо его представляло какъ бы два склеенныхъ профиля, некрасивый ротъ, приподнятый выдающимися зубами, въ общемъ: носъ, два глаза и—больше ничего... Это собственно голова орла, подобно тому, какъ у Мирабо была голова льва, у Робеспьера—голова лисицы, у Людовика XVI—голова барана». Эта характеристика принадлежитъ Леметру. Съ большею точностью пытался Ломброзо установить физическій типъ преступника: узкій лобъ, уклоняющійся назадъ, выдающіяся надглазныя дуги, большія орбиты, выдающіяся челюсти, широкія уши, отодвинутыя назадъ, мутный и неподвижный взглядъ у убійцы, косой и безпокойный у воровъ и т. д.,—вотъ его отличительныя черты. Однако, хотя эта характеристика отчасти вѣрна, надо остерегаться придавать ей значеніе и помнить изрѣченіе французскаго баснописца, что не слѣдуетъ судить людей по ихъ внѣшнему виду. Какъ часто на примѣръ дѣти съ грубымъ, зауряднымъ лицомъ обладаютъ солидными умственными способностями и душевными качествами, тогда какъ дѣти съ привлекательнымъ и умнымъ лицомъ въ сущности мало одарены. Что касается до графологовъ, пытающихся опредѣлить характеръ людей по почерку, то ихъ теорія еще менѣе состоятельна. Мы допускаемъ, что можетъ существовать нѣкоторая связь между умственнымъ складомъ человѣка и его почеркомъ, какъ существуетъ связь между характеромъ и манерою держать себя. Но можно-ли отсюда выводить, по примѣру нѣ-

которыхъ изслѣдователей человѣческаго почерка, что тотъ, кто правильно раздѣляетъ буквы и строки, непременно обладаетъ ровнымъ характеромъ, что тотъ, кто пишетъ наклонными буквами, непременно чувствителенъ, кто расчеркивается слѣва направо (центробѣжное движеніе), тотъ эгоистъ, пишетъ твердо—человѣкъ энергическій, а нерѣшительно проводящій поперечныя черты—человѣкъ слабый.

Но возвратимся къ классификаціи Переса. Какъ мы уже отмѣтили, она имѣетъ чисто объективную основу. Пересъ смотритъ на человѣка со стороны, и отдѣльныя рубрики его классификаціи расположены въ одномъ ряду. Классификація же Рибо имѣетъ чисто субъективное основаніе, и ея рубрики расположены одна надъ другой. Исключивъ людей аморфныхъ (самый распространенный типъ), такъ какъ они не представляютъ собою особой формы личности въ истинномъ значеніи этого слова, и людей неустойчивыхъ, представляющихъ собою отбросъ цивилизаціи, Рибо устанавливаетъ классификацію характеровъ, распадающуюся на четыре рубрики. «На первой ступени мы встрѣчаемъ самыя общія условія, почти пустые кадры, не соответствующіе дѣйствительнымъ характерамъ и напоминающіе семейства животныхъ и растений въ ботаникѣ и зоологіи; на второй ступени (соответствующей родамъ) мы имѣемъ остальные типы характеровъ, чистыя формы, но уже реальныя, оправдываемыя и подтверждаемыя слѣдовательно опытомъ; на третьей ступени—сложныя или смѣшанныя формы, соответствующія видамъ, и менѣе опредѣленныя, чѣмъ предыдущія; на четвертой ступени наконецъ—неопредѣленныя формы (ихъ можно также назвать неполными), все болѣе отдаляющіяся отъ чистаго типа, но замѣняющія его въ глазахъ многихъ людей».

Психическая жизнь въ самой отвлеченной своей формѣ сводится къ двумъ основнымъ проявленіямъ: человѣкъ чувствуетъ и дѣйствуетъ. Отсюда два основныхъ подраздѣленія первой категоріи на людей, отличающихся исключительнымъ преобладаніемъ чувства, и людей съ естественною и все возрождающеюся склонностью къ

дѣйствию. На ряду съ этими двумя положительными категориями, надо поставить отрицательную, но очень реальную категорию людей апатичныхъ, существенною чертою которыхъ служить косность. Если отъ этихъ семействъ перейти къ родамъ, то вступаетъ въ силу новый факторъ, именно та или другая умственная склонность, которая, косвенно измѣняя индивидуальный складъ человека, даетъ намъ для перваго семейства, т. е. людей съ преобладаніемъ чувства, во-первыхъ, людей приниженныхъ (большая чувствительность, среднія умственные способности, отсутствіе энергіи), во-вторыхъ, людей созерцательныхъ (большая чувствительность, острый умъ, отсутствіе дѣятельности) и, въ-третьихъ, людей впечатлительныхъ (къ крайней впечатлительности, къ тонкому умственному анализу присоединяется дѣятельность, но дѣятельность перемежающаяся и подчасъ судорожная, т. е. такая, въ которой чередуются бурная энергія и внезапная прострація). Смотря по силѣ умственныхъ способностей, семейство дѣятельныхъ людей подраздѣляется на людей посредственныхъ и выдающихся. Классъ людей апатичныхъ состоитъ, смотря по силѣ умственныхъ способностей, также изъ двухъ родовъ: чистаго типа людей апатичныхъ и людей разсудительныхъ или разсчетливыхъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ служитъ сильный, но практической умъ. Затѣмъ, переходя отъ родовъ къ видамъ, Рибо предлагаетъ слѣдующія группы: люди воспріимчивые и дѣятельные, во-вторыхъ, апатичные и дѣятельные, въ-третьихъ, апатичные и воспріимчивые, въ-четвертыхъ, умѣренные; наконецъ, все болѣе удаляясь отъ простыхъ, ясныхъ, опредѣленныхъ формъ, мы приходимъ къ послѣдней группѣ, къ типу неполному, который можно охарактеризовать слѣдующей формулою: типъ аморфный съ сильно преобладающимъ умственнымъ настроеніемъ или сердечнымъ влеченіемъ.

Такова сущность этой глубокой классификаціи. Уже ея сложность, хотя въ ней и исключены патологическія формы или формы безпорядочныя и противорѣчивыя, показываетъ намъ, «какъ разнообразны и разнородны индивидуальныя особенности, которыя мы привыкли объе-

динять подь общимъ терминомъ характера. Тутъ единство названія прикрываетъ разнообразіе фактовъ».

Указавъ на сущность задачи, состоящей въ томъ, чтобы «опредѣлить главные индивидуальныя типы, руководствуясь тѣмъ, какъ человекъ дѣйствуетъ и реагируетъ вслѣдствіе своихъ чувствъ и желаній», Рибо однако удовольствовался «простою попыткою установить классификацію характеровъ». Поланъ пошелъ дальше и приступилъ къ рѣшенію задачи, указанной Дж. Ст. Миллемъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Умственная дѣятельность» онъ предложилъ цѣлую теорію жизни нашего духа и совокупность отвлеченныхъ законовъ въ примѣненіи къ общей психологіи. Въ послѣдующемъ же своемъ трудѣ: «Психологія характера» онъ постарался «выяснить, какъ различныя проявленія этихъ отвлеченныхъ законовъ вызываютъ различныя категоріи психическихъ типовъ», другими словами, онъ постарался «свести всѣ черты характера къ наименѣе сложнымъ психическимъ элементамъ и къ наиболѣе простымъ формамъ великихъ психологическихъ законовъ, выясняя приэтомъ сущность комбинацій, ихъ создающихъ».

Когда мы оцѣниваемъ характеръ человека, «указываемые нами достоинства или недостатки не могутъ принадлежать всѣ къ одной категоріи; они иногда не похожи другъ на друга и не противоположны, а показываютъ намъ даннаго индивида или разныхъ индивидовъ въ совершенно разнородномъ освѣщеніи. Такъ напримѣръ, говорятъ о человекѣ, что онъ непослѣдователенъ или капризенъ, о другомъ, что онъ лакомка, о третьемъ, что у него мягкій или подвижной характеръ, о четвертомъ, что онъ — обидчивъ. Это не только четыре различныя сужденія, но и четыре различныхъ вида опредѣленія характера и оцѣнки человека. Точнѣе изслѣдуя эту оцѣнку, Поланъ устанавливаетъ четыре различныхъ класса психическихъ свойствъ.

Первый классъ обнимаетъ типы, вызываемые различными формами ассоціаціи идей. Въ этотъ классъ входятъ общіе типы, вызываемые своеобразнымъ осуществленіемъ въ данномъ индивидѣ законовъ систематиче-

ской ассоціаціи (таковы натуры уравновѣшенныя и цѣльныя); типы, вызываемые преобладаніемъ систематической задержки (люди, владѣющіе собою, и люди разсудительные); типы, вызываемые ассоціаціей по противоположности (натуры безпокойныя, нервныя, склонныя къ противорѣчію); типы съ преобладаніемъ ассоціаціи по смежности и сходству; типы съ самостоятельною дѣятельностью духовныхъ элементовъ (импульсивныя, сложныя, истеричныя, воспріимчивыя ко внушеніямъ, слабыя, разсѣянныя, вѣтренныя, легкомысленныя натуры).

Второй классъ обнимаетъ типы, вызываемые различными свойствами стремленій и духа. Эти типы обусловливаются широтою личности и стремленій, обиліемъ въ нихъ элементовъ (широкія, узкія и мелочныя натуры), чистотою психическихъ элементовъ (натуры съ помутненными чувствами и спокойныя), силою стремленій (натуры страстныя, предприимчивыя, и противоположныя типы), устойчивостью стремленій (натуры своевольныя, упрямыя, постоянныя, измѣнчивыя), гибкостью стремленій (натуры мягкія, суровыя и жесткія), чувствительностью психическихъ элементовъ (натуры подвижныя, впечатлительныя, холодныя и дряблыя).

Третій классъ обнимаетъ типы, обусловливаемые органическими стремленіями. Эти стремленія касаются органической жизни (обжоры, люди воздержные, натуры сладострастныя, холодныя) или духовной жизни (люди умственные, люди сердечные и т. д.).

Четвертый классъ обнимаетъ типы, обусловливаемые социальными стремленіями. Эти типы вызываются преобладаніемъ личныхъ стремленій (эгоисты, альтруисты и т. д.), преобладаніемъ безличныхъ стремленій (натуры свѣтскія и профессиональныя, люди тупые, экономныя, расточительныя, тщеславныя, спѣсивыя, смиренныя, властолюбивыя, покорныя и т. д.) или синтетическихъ тенденцій (пессимисты, аскеты, жуиры и т. д.).

«Чистые типы, — говоритъ Поланъ: — встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Каждый типъ данной серіи можетъ комбинироваться съ большимъ числомъ типовъ другой серіи; равнымъ образомъ могутъ соединяться нѣсколько

типовъ одной и той же серіи. Этимъ объясняется безконечное разнообразіе людей, изъ которыхъ ни одинъ не походить на другого, но которые либо вслѣдствіе равновѣсія ихъ стремленій, либо вслѣдствіе преобладанія того или другого стремленія все же принадлежать къ той или другой категоріи указанныхъ абстрактныхъ или конкретныхъ типовъ».

Поэтому для правильности діагноза характера даннаго лица, надо прежде всего уяснить себѣ различныя стремленія или противоположныя системы желаній, встрѣчающіяся у него; затѣмъ установить характеръ отношеній этихъ стремленій между собою, ихъ одностороннее или обоюдное подчиненіе другъ другу; кромѣ того надо выяснитъ ихъ значеніе и наконецъ принять во вниманіе возможное развитіе или замѣну однихъ стремленій другими.

Въ заключеніе своего труда Поланъ пользуется установленными имъ принципами для опредѣленія характера Флобера.

Признавая классификацію, предложенную Рибо, слишкомъ узкою, выдающійся писатель Фулье пытался доказать, что «умственная дѣятельность не можетъ быть исключена изъ числа основныхъ факторовъ, опредѣляющихъ характеръ, что, напротивъ, она составляетъ одинъ изъ элементовъ, наиболѣе его отличающихъ отъ темперамента, и что слѣдовательно ее необходимо принять во вниманіе при классификаціи различныхъ типовъ». На этомъ же основаніи онъ различаетъ три главныя категоріи: людей впечатлительныхъ, умственныхъ и энергичныхъ. «Всякій изъ насъ, говорилъ Платонъ, носитъ въ себѣ гидру, льва и человѣка: многоголовая гидра это—страсть, левъ это—воля, человѣкъ это—умъ. Къ этому можно прибавить,—замѣчаетъ Фулье:—что нашъ нравственный обликъ измѣняется, смотря по преобладанію одного изъ этихъ трехъ элементовъ».

Категорія людей впечатлительныхъ подраздѣляется на три класса: люди впечатлительные, у которыхъ умъ и воля мало развиты, люди впечатлительные, у которыхъ развита воля, но не умъ, и люди впечатлительные, у

которыхъ слабая воля, но сильный умъ. Категория разсудочныхъ людей содержитъ въ себѣ типъ людей чисто разсудочныхъ, встрѣчающійся впрочемъ очень рѣдко, людей, у которыхъ развитой умъ соединяется съ значительною впечатлительностью, и тѣхъ людей, выдающіяся умственные способности которыхъ не парализуютъ волю, какъ у скептиковъ или диллетантовъ, но, наоборотъ, укрѣпляютъ ее. Наконецъ, «люди, у которыхъ воля преобладаетъ, распадаются на три класса: люди съ слабою впечатлительностью и неразвитымъ умомъ, т. е. упорные и упрямые; люди очень впечатлительные, но мало развитые, т. е. вспыльчивые, бурные, и люди съ сильнымъ умомъ, но мало впечатлительные, т. е. люди холодные, но энергичные, которыхъ ничто не можетъ удержать отъ осуществленія ихъ плановъ; таковы дѣятели вродѣ Тюрена или Мольтке».

Такимъ образомъ изученіе характера, хотя возникло очень недавно, уже породило большое число трудовъ, въ томъ числѣ весьма замѣчательныхъ. Поэтому мы и рѣшаемся вступить на путь несомнѣнно трудный, но уже расчищенный выдающимися психологами. Мы слѣдовательно можемъ воспользоваться ихъ выводами. Необходимо однако по возможности упростить классификацію характеровъ, чтобы педагогика могла ею воспользоваться. Это служить оправданіемъ нашей попытки создать новую классификацію, но прежде чѣмъ къ ней приступить, мы для большей ясности постараемся установить, каковы основные элементы характера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

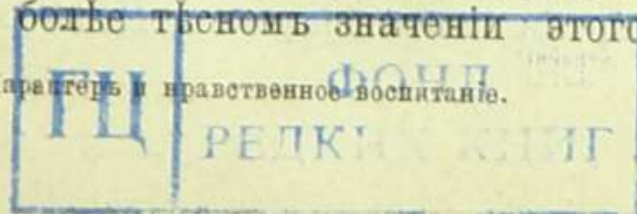
Элементы и формы характера.

Характеръ. Различное значеніе, придаваемое этому термину психологами и моралистами. Какъ мы его понимаемъ. — Основные его элементы: во-первыхъ, нравъ (доля участія въ немъ темперамента и наслѣдственности) и, во-вторыхъ, привычка. — Опредѣленіе характера. Различныя его формы у разныхъ индивидовъ. — Классификація формъ характера. Таблица этой классификаціи.

250 р. ар.
Въ психологическомъ смыслѣ терминъ «характеръ» имѣетъ три значенія, представляющія нѣкоторое различіе. Надо прежде всего ихъ установить.

О человѣкѣ говорятъ, что у него есть характеръ, когда онъ въ своихъ намѣреніяхъ и поступкахъ всегда проявляетъ энергію, рѣшительность, выдержку; наоборотъ, что у него нѣтъ характера, если онъ, подчиняясь обстоятельствамъ, постоянно проявляетъ измѣнчивость и нерѣшительность. Въ этомъ смыслѣ характеръ можетъ считаться внѣшнимъ проявленіемъ воли. «Имѣть характеръ, — говоритъ Кантъ: — значитъ обладать такою волею, благодаря которой человѣкъ собственнымъ умомъ выработалъ себѣ неизмѣнные принципы, прилагаемые имъ въ своей практической дѣятельности». Нѣмецкій философъ прибавляетъ: «Хотя эти принципы могутъ быть иногда ложны и несостоятельны, тѣмъ не менѣе настроеніе руководствоваться въ своей дѣятельности опредѣленными принципами (а не перелетать, подобно мухѣ, съ одного предмета на другой) заслуживаетъ уваженія и тѣмъ болѣе вызываетъ удивленіе, что встрѣчается рѣдко».

Въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова о человѣкѣ

говорять, что у него есть характер, когда его личность резко выступает, благодаря сильным стремлениям, глубоко укоренившимся привычкам, тому постоянству во вкусахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ, которое придаетъ его жизни явное единство. О характерѣ въ этомъ смыслѣ Рибо совершенно вѣрно замѣчаетъ: «Для характера необходимы и достаточны слѣдующія условія: единство и постоянство. Единство состоитъ въ томъ, что человѣкъ дѣйствуетъ и реагируетъ всегда въ одномъ и томъ же направленіи. Истинная личность отличается тѣмъ, что ея стремленія бьютъ въ одну точку или по крайней мѣрѣ подчиняются одному преобладающему стремленію. Если на человѣка смотрѣть, какъ на совокупность инстинктовъ, потребностей и желаній, то у человѣка съ характеромъ они тѣсно связаны между собою и дѣйствуютъ въ одномъ направленіи. Постоянство — то же единство, но проявляющееся долго. Если оно кратковременно, объединеніе желаній не можетъ служить признакомъ характера. Надо, чтобы оно долго сохранялось или постоянно повторялось при аналогичныхъ или тождественныхъ обстоятельствахъ. Отличительнымъ признакомъ истиннаго характера служитъ тотъ фактъ, что онъ проявляется уже въ дѣтствѣ и сохраняется въ теченіе всей жизни. Мы напередъ знаемъ, что человѣкъ сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ въ рѣшительный моментъ. Все это доказываетъ, что истинный характеръ врожденъ человѣку». Но этотъ новый взглядъ на характеръ представляется намъ слишкомъ узкимъ. Самъ Рибо спѣшитъ прибавить: «Очевидно, что среди безчисленнаго множества людей встрѣчаются такіе — и они составляютъ большинство — у которыхъ нѣтъ ни постоянства, ни единства» въ вышеуказанномъ строгомъ смыслѣ. Значитъ ли это, что у нихъ нѣтъ свойственнаго имъ характера? «Самый заурядный характеръ, — говоритъ Лабрюйеръ: — тотъ, когда у человѣка нѣтъ характера». Совершенно вѣрно; но именно этотъ характеръ встрѣчается чаще всего.

Такимъ образомъ мы должны еще установить третье значеніе термина «характеръ». Оно, правда, наименѣе точное, но въ то же время самое широкое. Подъ характ

ромъ мы разумѣемъ еще типическую окраску естественныхъ влечѣній, чувствъ, образа дѣйствій, привычекъ, мыслей и сужденій человѣка. «У всѣхъ людей однѣ и тѣ же части лица, но различныя ихъ размѣры въ своемъ соединеніи вызываютъ тотъ фактъ, что у всѣхъ людей—различныя лица. Равнымъ образомъ мы всѣ въ духовной области обладаемъ существенными чертами человѣческой природы, но въ различной степени и въ различныхъ комбинаціяхъ... Вотъ чѣмъ объясняется безконечное разнообразіе фізіономій и характеровъ. Поставленные въ одинаковыя условія, двое людей мыслятъ и дѣйствуютъ различно, и наоборотъ, если человѣкъ въ различное время поставленъ въ одинаковыя условія, онъ по существу дѣла мыслить, чувствуетъ, дѣйствуетъ одинаково... У него свойственныя именно ему страсти, настроеніе, воображеніе, образъ мыслей, способности, степень энергіи. Все это образуетъ болѣе или менѣе сплоченную среду, въ которой по большей части преобладаетъ одно главное стремленіе, объединяющее жизнь человѣка и налагающее на него опредѣленный отпечатокъ» (Де-ла-Готьеръ).

Мы будемъ придерживаться того общаго значенія термина «характеръ», которое наиболѣе соотвѣтствуетъ поставленной нами себѣ цѣли; и такъ какъ намъ надо прежде всего установить, какими причинами обусловливается характеръ и почему онъ столь различенъ у различныхъ людей, то мы остановимся послѣдовательно на двухъ его существенныхъ элементахъ: на нравѣ и привычкѣ.

Нравъ это — настроеніе, свойственное каждому человѣку: люди бываютъ веселые, печальные, неприступные, общительные, смѣлые, робкіе, дѣятельные, лѣнивые. Это настроеніе, обнаруживаемое въ достаточной степени комплексією и выраженіемъ лица, присуще человѣку, врождено ему, потому что оно зависитъ отъ нашего организма. Дѣйствительно, живость, бойкость, косность, лѣность, впечатлительность, гнѣвъ, страстность, раздражительность, терпѣніе, умѣренность, жадность и т. д., все это достоинства или недостатки, находящіеся въ тѣсной связи съ нашею физическою организацією,

кровообращеніемъ, состояніемъ нервной системы, пищеварительнымъ процессомъ. Вотъ что безусловно вѣрно въ старой теоріи о темпераментахъ.

Бэнъ, напримѣръ, прекрасно выяснилъ, что веселый или подвижной нравъ зависитъ преимущественно отъ комплексіи. Первымъ его доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что «веселый нравъ совпадаетъ съ молодостью, здоровьемъ и обильною пищею. Нравъ этотъ наиболѣе свойственъ людямъ физически крѣпкимъ; онъ проявляется сильнѣе во время каникулъ, въ здоровомъ климатѣ и при занятіяхъ, благопріятствующихъ здоровью; наоборотъ, онъ утрачивается, когда человѣкъ утомленъ, подвергается лишениямъ и физическому истощенію. Если веселое настроеніе сохраняется и при физическомъ истощеніи у аскетовъ, изнуряющихъ себя постомъ и т. д., то это не опровергаетъ общаго принципа, а только выдвигаетъ другой принципъ, именно, что одна часть организма можетъ процвѣтать въ ущербъ другой, т. е. преждевременно истощая послѣднюю. Другое доказательство даетъ намъ ежедневный опытъ. Веселый нравъ обыкновенно находится въ связи съ ясными отличительными признаками физической энергіи. У веселыхъ людей тѣлосложеніе обыкновенно вполнѣ удовлетворительное: крѣпкое, хорошо развитое; кровообращеніе и пищеварительный процессъ происходятъ у нихъ дѣятельно; они легко переносятъ утомленіе, страданіе и удовольствія». Извѣстные примѣры такой организаціи представляютъ Фоксъ и Пальмерстонъ, поражавшіе своихъ современниковъ общительностью, игривостью, веселымъ нравомъ, способностью переносить безъ утомленія свѣтскія удовольствія. «Соперничать обыкновенному человѣку съ ними въ бодрости и оживленіи столь же невозможно, какъ переварить пищу при помощи чужого желудка или совершить двѣнадцать работъ, заданныхъ Геркулесу».

Отсюда логически слѣдуетъ, что различныя причины, вродѣ климата, питанія, вентиляціи, вліяющія на темпераментъ, въ то же время вліяютъ и на склонности человѣка. Нельзя ожидать отъ человѣка сырой и лимфатической комплексіи, напримѣръ, отъ голландца, питаю-

шагося молокомъ и пивомъ, что онъ проявить пылкую оживленность итальянца, выросшаго подъ жгучими лучами солнца въ Тосканѣ или Неаполѣ; но съ другой стороны мы у лѣнивыхъ южныхъ народовъ не встрѣтимъ упорной энергіи сѣверныхъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развита болотная лихорадка, жители часто страдаютъ умственною косностью и общею апатіею. «Это отражается на характерѣ и на общемъ настроеніи. Такъ, тупой фатализмъ жителей Солони, на которую указываетъ Монфальконъ, встрѣчается и у арабовъ. Иногда онъ проявляется и у французскихъ солдатъ въ колоніяхъ и значительно затрудняетъ успѣхи колонизаціи. Мы не живемъ, а умираемъ,—сказали жители римскаго побережья путешественнику, удивлявшемуся ихъ нищенской жизни. Но какъ эти сыны древнихъ римлянъ, жители Солони и арабы не прилагаютъ никакихъ усилій, чтобы выйти изъ своего печальнаго положенія. Въ Солони администрація констатировала ничтожное число преступленій, совершенныхъ въ аффектѣ, и отсутствіе семейной привязанности»

Къ этому вліянію темперамента на нравъ слѣдуетъ прибавить еще другое вліяніе, объясняющее намъ, почему двое людей одинаковой комплексіи могутъ отъ рожденія быть предрасположены къ различнымъ чувствамъ и наклонностямъ, т. е. къ различному характеру. Этотъ новый факторъ—наслѣдственность. Мы болѣе или менѣе обязаны людямъ, давшимъ намъ жизнь, нашими умственными способностями и нравственными стремленіями. «Физическая наша организація, эта основная причина нашего нравственнаго настроенія, передаетъ характеръ отъ отца къ сыну въ теченіе вѣковъ. Аппіи всегда были горды и непреклонны, а Катоны — строги. Весь родъ Гизовъ состоялъ изъ людей безумно храбрыхъ, склонныхъ къ заговорамъ, преисполненныхъ нахальной спѣси и въ то же время побѣждавшихъ сердца своею любезностью» (Вольтеръ).

Тѣмъ не менѣе дѣти не всегда представляютъ простую копію своихъ отцовъ, матерей или предковъ. «Я являюсь,—пишетъ Маріонъ,—продуктомъ длиннаго ряда поколѣній; на мнѣ, слѣдовательно, отразилось множество

вліяній, одни сильнѣе другихъ, но всё дѣйствующія въ скрытомъ видѣ. Смѣсь ихъ и создала личныя мои особенности. При такихъ условіяхъ было бы очень странно, если бы мой характеръ вполне совпадалъ съ характеромъ одного изъ моихъ предковъ, за исключеніемъ всѣхъ остальныхъ. Хотя и есть примѣры полного сходства подобнаго рода, вызывающіе общее удивленіе, тѣмъ не менѣе они встрѣчаются очень рѣдко, и если ближе вникнуть въ дѣло, то все-таки совпаденіе не можетъ считаться безусловнымъ. Вѣроятно, мы общими нашими наклонностями обязаны всѣмъ нашимъ предкамъ, а особенныя наши наклонности мы наслѣдуемъ отъ болѣе близкихъ. Вотъ почему, вообще говоря, мы болѣе всего походимъ на близкихъ, и сходство должно быть болѣе полное, чѣмъ больше у насъ общихъ предковъ. Съ широкой точки зрѣнія двое французовъ изъ одной и той же мѣстности будутъ болѣе походить другъ на друга въ физическомъ и духовномъ отношеніи, чѣмъ французъ и нѣмецъ. Далѣе, между членами одной семьи по большей части встрѣчается сходство, и въ частности это сходство въ среднемъ выводѣ будетъ значительнѣе между родными, чѣмъ между двоюродными братьями».

Передача характера по наслѣдству составляетъ только частный случай закона наслѣдственности. Она объясняется сохраненіемъ и передачею нравовъ и привычекъ въ нисходящей линіи. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію второго существеннаго элемента характера, т. е. индивидуальныхъ привычекъ.

Человѣкъ, особенно въ ранній періодъ своей жизни, сильно подчиняется воздѣйствію примѣра и воспитанія. Смотря по тому, въ какой семьѣ онъ родился, въ какое время и въ какомъ обществѣ онъ живетъ, у него складываются очень различныя привычки. Не подлежитъ сомнѣнію, что дитя европейцевъ, воспитанное среди какого-нибудь дикаго племени, представить въ своемъ характерѣ много общихъ чертъ съ дѣтьми этого племени, и наоборотъ, если маленькій дикарь будетъ перенесенъ въ цивилизованную среду, онъ сильно измѣнится. Иначе и быть не можетъ, потому что, если бы мы рождались съ характеромъ неизмѣннымъ, то мы ни въ чемъ не

могли бы приспособиться къ мѣстнымъ, политическимъ
 и другимъ условіямъ и навсегда остались бы чужими
 въ средѣ, въ которой не родились. Равнымъ образомъ
 такъ какъ нравственные недостатки и достоинства, вродѣ
 правдивости, склонности къ мошенничеству, послуша-
 нія, предупредительности, вѣжливости, гордости, скром-
 ности и т. д., чужды нашей физической организаціи и по-
 рождаются привычками, вызванными нашею кормилицею,
 матерью и вообще всѣми, кто вліяетъ на насъ въ хо-
 рошемъ или дурномъ направленіи, то очевидно, что каж-
 дый изъ насъ былъ бы инымъ, если бы его кормилица,
 мать, учителя и вообще окружающія лица были замѣ-
 нены людьми изъ другой среды. Вотъ эта-то эластичность
 права, весьма измѣнчивая у разныхъ индивидовъ, и при-
 даетъ особенное значеніе воспитанію и уполномочиваетъ
 многихъ писателей утверждать безъ особеннаго преуве-
 личенія, что нашъ характеръ не что иное, какъ первыя
 наши привычки. Уже Монтэнъ писалъ: «Наша порочность
 слагается еще въ дни нашего дѣтства, и поэтому силь-
 нѣе всего на насъ вліяютъ наши кормилицы». Фенелонъ
 выразилъ ту же мысль: «Раннія наши привычки — са-
 мыя сильныя», а Ж. Ж. Руссо писалъ: «Воспитаніе че-
 ловѣка начинается въ моментъ его рожденія». Но мы
 не будемъ распространяться объ этомъ вопросѣ, потому
 что намъ представится еще поводъ вернуться къ нему.

Таково въ общемъ вліяніе права и привычекъ на
 образованіе характера. Поэтому можно опредѣлить ха-
 рактеръ слѣдующимъ образомъ: онъ представляетъ со-
 бою кристаллизацію привычекъ вокругъ зерна, какимъ
 является первоначально темпераментъ.

Въ указанномъ нами общемъ смыслѣ характеръ яв-
 ляется синтезомъ трехъ главныхъ психическихъ способ-
 ностей: впечатлительности, склонности къ дѣятельности,
 разсудочности, и поэтому различныя его формы всѣ болѣе
 или менѣе совпадаютъ съ одной изъ этихъ основныхъ спо-
 собностей. У одного ребенка преобладающими чертами
 являются дѣятельность, движеніе или, наоборотъ, косность,
 медлительность; у другого — легкомысліе, вѣтренность или,
 наоборотъ, прилежаніе, склонность къ труду; у третьяго —
 послушаніе, доброта, воодушевленіе или, наоборотъ, строп-

тивность, злость, апатія. Вотъ почему обыкновенно опредѣляютъ характеръ, руководствуясь тою способностью, которая, повидимому, преобладаетъ въ человѣкѣ. Его, на примѣръ, называютъ страстнымъ или чувствительнымъ, мечтательнымъ или дѣятельнымъ. Тѣмъ не менѣе цѣльные характеры встрѣчаются рѣдко. По большей части указанные нами элементы представляютъ разнообразныя соединенія. Этимъ и вызываются многочисленныя формы характера, причины которыхъ мы старались выяснить, и теперь намъ предстоитъ задача свести ихъ къ нѣсколькимъ главнымъ категоріямъ, чтобы ихъ послѣдовательно изучить.

Такихъ категорій, по моему мнѣнію, двѣнадцать. Либо ясно преобладаетъ одинъ изъ трехъ психическихъ элементовъ: впечатлительность, склонность къ дѣятельности, разсудочность, причемъ два другихъ элемента играютъ въ этомъ случаѣ совершенно второстепенную роль; либо эти элементы, по очереди соединяясь, преобладаютъ два вмѣстѣ, а третій остается въ тѣни; либо все три элемента дѣйствуютъ безразлично, хотя и въ различной степени, такъ какъ они могутъ быть сильно или слабо развиты или же совершенно атрофированы; либо же, наконецъ, одинъ изъ элементовъ, на примѣръ, склонность къ дѣятельности или впечатлительность, можетъ то проявляться очень сильно, то ослабѣвать и временно совершенно исчезать.

Такимъ образомъ получается слѣдующая таблица:

✓ Классификація формъ характера.

I. Ясно выраженное преобладаніе способности или стремленія.

1. Впечатлительные характеры.	2. Дѣятельные.	3. Созерцательные или разсудочные.

II. Одновременное преобладаніе двухъ свойствъ.

1. Характеры дѣятельно-впечатлительные или страстные.	2. Дѣятельно-созерцательные или энергичные.	3. Созерцательно-впечатлительные или сентиментальные.

III. Преобладаніе въ различной степени трехъ свойствъ.

1. Характеры уравновѣшенные. 2. Аморфные. 3. Апатичные.

IV. Неправильное или перемежающееся дѣйствіе одного или нѣсколькихъ стремленій.

1. Характеры неустойчивые. 2. Нерѣшительные. 3. Противорѣчивые.

Послѣднія три формы могутъ быть уже признаны полу-патологическими. Къ нимъ присоединяются еще три формы, вполне патологическія, вызываемыя, такъ сказать, гипертрофіею одной изъ вышеуказанныхъ формъ:

V. Болѣзни характера.

1. Ипохондрія. 2. Меланхолія. 3. Истерія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ч И С Т Ы Е Т И П Ы .

Значеніе каждой изъ формъ характера. Характеры, обусловливаемые рѣзкимъ преобладаніемъ способности или стремленія.— Люди впечатлительные. Существенныя черты ихъ характера. Примѣръ: случай, указанный Мишлэ. — Люди дѣятельные. Отличительныя ихъ черты. Цезарь. Другіе примѣры.— Люди разсудочные. Врожденность этого типа, подтверждаемая примѣромъ Бальзака. Отличительныя черты этого характера. Его разновидности. Лейбницъ. Кантъ. Борда-де-Муланъ. Карлъ Максъ. Другіе примѣры.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію различныхъ характеровъ, мы должны уяснить себѣ нѣкоторые вопросы, такъ какъ ихъ выясненіе разъ навсегда предупредитъ возможные недоразумѣнія и поможетъ намъ установить, насколько различаемые нами типы могутъ быть признаны общими.

Отмѣтимъ прежде всего, что ни одинъ изъ характеровъ, вызываемыхъ преобладаніемъ того или другого стремленія, не встрѣчается въ безусловно чистомъ видѣ, т. е. что ни одинъ человекъ не можетъ быть исключительно разсудочнымъ, дѣятельнымъ или впечатлительнымъ. Специальный терминъ, который мы имъ присваиваемъ, означаетъ только, что одинъ изъ трехъ психическихъ элементовъ достаточно развитъ, чтобы подчинить себѣ другіе. То же можно сказать о смѣшанныхъ типахъ: созерцательно-дѣятельномъ, дѣятельно-впечатлительномъ и впечатлительно-созерцательномъ. Люди, принадлежащіе къ этимъ типамъ, не лишены вполне третьяго стремленія, не оно остается въ тѣни. Поэтому, если

надо опредѣлить, къ какой категоріи характеровъ принадлежит данное лицо, мы должны устранять менѣе рѣзко выраженныя черты и принимать во вниманіе только существенныя, ясно обозначенныя.

Сдѣлаемъ еще другое замѣчаніе. Одинъ и тотъ же типъ можетъ представлять множество разновидностей или, точнѣе говоря, ступеней. Напримѣръ, у уравновѣшеннаго человѣка стремленія могутъ быть развиты и сильны или же находиться въ состояніи слабаго развитія. Въ первомъ случаѣ мы получимъ выдающихся людей съ гармоничною натурою, обширнымъ кругозоромъ; во второмъ—посредственныя, тупыя натуры, автоматовъ, не отдающихъ себѣ отчета въ томъ, что они живутъ (Поланъ). Посредствующіе типы служатъ связью между первыми и вторыми. Такимъ образомъ, одна и та же форма характера можетъ представлять большое разнообразіе, вызываемое болѣе или менѣе развитыми стремленіями.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что преобладаніе того или другого психическаго элемента проявляется, смотря по обстоятельствамъ, весьма различно: сила воли сказывается какъ въ терпѣливомъ противодѣйствіи, такъ и въ упорной дѣятельности; можно быть страстнымъ въ пороки и добродѣтели и, конечно, отъ обстоятельствъ зависитъ главнымъ образомъ, чѣмъ становится человѣкъ. Нѣкоторые извѣстные преступники одного закала съ великими людьми (Вирэ).

Эти соображенія нужно имѣть въ виду при изученіи различныхъ формъ характера.

Мы прежде всего остановимся на свойствахъ трехъ типовъ съ преобладаніемъ одного стремленія.

Натуры впечатлительныя или эмоціональныя, которыя можно назвать и натурами чувствительными или афективными, отличаются ненормальнымъ развитіемъ впечатлительности. Рибо характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Необычайная впечатлительность, ограниченное или слабое пониманіе, отсутствіе энергии, — вотъ ихъ основные элементы. Всякій изъ насъ знакомъ съ этими типами, потому что они часто встрѣчаются въ

жизни. Преобладающая ихъ черта—робость, боязливость и всѣ чувства, которыя парализуютъ дѣятельность. Какъ заяцъ въ басняхъ Лафонтэна, они постоянно чего-то страшатся. Они опасаются за самихъ себя, за свою семью, за маленькое свое дѣло или за свое мѣсто; ихъ страшитъ и настоящее, и будущее. Они тревожно прислушиваются къ мнѣнію всякаго человѣка, даже встрѣчаемаго ими случайно. Они дрожатъ въ ожиданіи загробной жизни, а въ земной они не умѣютъ найтись въ окружающемъ ихъ общественномъ строѣ, который давитъ ихъ всею своею тяжестью, и котораго они не понимаютъ. Всякая житейская непріятность ихъ глубоко разстраиваетъ, потому что они чувствуютъ себя безсильными, неспособными къ дѣйствию, къ инициативѣ». Прибавьте къ этому, что они суевѣрны, иногда предупредительны и преданны, иногда недоувѣрчивы и озлоблены. Въ общемъ они «до крайности впечатлительны, походятъ на вѣчно вибрирующую струну и живутъ преимущественно внутреннею жизнью». По большей части они «пессимисты, потому что вѣковой опытъ насъ убѣждаетъ, что впечатлительные люди страдаютъ сильнѣе, чѣмъ радуются большому счастью».

Мишлэ описываетъ намъ человѣка, занимавшагося производствомъ картинъ изъ раковинъ. Онъ посѣтилъ его во время своего путешествія въ Гранвиль. Это — типъ впечатлительнаго человѣка, особенно интересный, потому что отличительныя черты людей этого рода тутъ очень ясно выражены. Вотъ что пишетъ Мишлэ: «Онъ не былъ еще старъ, но вѣчно болѣлъ и страдалъ лихорадками. Въ августѣ мѣсяцѣ окна у него уже были законопачены. Разсматривая его работы и бесѣдуя съ нимъ, я убѣдился, что у него слабая голова. Онъ былъ потрясенъ семейнымъ несчастіемъ. Его братъ погибъ въ морѣ, и онъ всегда смотрѣлъ на эту стихію, какъ на враждебную силу, которая старалась ему всячески вредить. Зимой она непрерывно обдавала его ледянымъ вѣтромъ и, покрывая его окна хлопьями снѣга, лишала его свѣта. Она не давала ему спать. Она ударяла во время длинныхъ ночей постоянно въ скалу, на которой стоялъ его

домъ. Лѣтомъ она наносила бури, сверкала молніей. Во время приливовъ было еще хуже. Море поднималось на 60 футовъ; его пѣна, взбираясь еще выше, ударяла въ окна. Отъ него можно было всего ожидать. Въ своей ненависти оно могло причинить ему какое-нибудь несчастіе. Но куда было уйти бѣдному человѣку, а можетъ быть море безсознательно приковывало его къ себѣ. Онъ не рѣшался враждовать съ грозною силой. Онъ относился къ ней съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Онъ рѣдко говорилъ о ней и по большей части не называлъ ее, какъ исландецъ не называетъ сказочное чудовище, пожирающее суда, изъ страха, что оно его услышитъ и явится. Я и теперь еще вижу его блѣдное лицо, когда онъ, глядя на море, говорилъ: «Мнѣ страшно».

✓ Въ фізіологическомъ отношеніи этотъ типъ повидимому обуславливается извѣстною нѣжностью организаци съ преобладаніемъ органическихъ чувствъ и чрезвычайною впечатлительностью нервной системы.

✓ Отличительнымъ признакомъ дѣятельныхъ натуръ служитъ ясно выраженное и все возрождающееся стремленіе къ дѣятельности. «Это — крѣпкіе организмы, обладающіе большою жизненною силою и скрытою энергіею. Взгляните на лавочника, лишеннаго особенныхъ умственныхъ способностей и образованія и принадлежащаго къ этому типу. Онъ то и дѣло находится въ движеніи, предлагаетъ свои услуги, тараторитъ безъ умолку. Однако, онъ не подчиняется исключительно страсти къ наживѣ, а скорѣе подчиняется своей натурѣ: ему надо что-нибудь дѣлать. Поставьте впечатлительнаго человѣка на его мѣсто; тотъ будетъ дѣлать только самое необходимое или же то, что его интересуеть».

Дѣйствительно, сравнивая оба типа, Бэнъ пишетъ: ✓ «Дѣятельный человѣкъ лучше работаетъ, потому что трудъ его не страшитъ, въ то время какъ впечатлительный человѣкъ пренебрегаетъ всѣмъ, что его не интересуеть живо. Одинъ можетъ совершать прогулки исключительно для того, чтобы сохранить здоровье; другой не выходитъ изъ дому, если у него нѣтъ ружья, удочки, товарища или если ему не на что посмотреть».

✓ Крайняя подвижность, бахвальство, экспансивность, тщеславіе, склонность къ интригамъ,—вотъ черты болѣе или менѣе характеризующія людей дѣятельныхъ.

Къ этой категоріи принадлежатъ «всѣ тѣ, въ комъ есть богатый запасъ физической энергіи и соответственная потребность ея расходовать: спортсмены, люди, ищущіе приключеній, такъ сказать, для того, чтобы размять члены; путешественники, рыскающіе по свѣту на всѣхъ парахъ безъ всякой опредѣленной цѣли или дѣла, ничего не изучая или наблюдая, и возобновляющіе свои странствованія тотчасъ по возвращеніи домой. Прибавимъ къ нимъ безобидныхъ спорщиковъ, постоянно вступающихъ въ полемику, чтобы найти приложеніе своимъ силамъ. Въ то время, когда еще существовали наемныя войска, они вѣроятно всецѣло состояли изъ людей этого типа; это можно сказать о шайкахъ кондотьеровъ, которыхъ въ средніе вѣка нанимали итальянскія республики, объ этихъ красивыхъ типахъ физической энергіи и безотчетной страсти къ дѣятельности; въ болѣе благородномъ смыслѣ о конквистадорахъ XVI в., объ испанскихъ полководцахъ (Кортесъ, Пизаро, военныя экспедиціи которыхъ отличаются романическимъ характеромъ: съ ничтожною кучкою смѣлыхъ людей они низвергали огромныя имперіи и казались побѣжденнымъ какими-то богами)» (Рибо).

Къ дѣятельнымъ натурамъ слѣдуетъ причислить еще Монлюка и тѣхъ историческихъ личностей, о которыхъ говоритъ Монтэнъ въ своихъ «Опытахъ»: «Кто когда-либо добивался безопасности и спокойствія съ такою страстностью, съ какою Цезарь искалъ тревоженій и опасностей». О томъ же великомъ завоевателѣ Монтэнъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: «Онъ всегда готовъ былъ жертвовать своими удовольствіями и разными занятіями, чтобы не пропустить случая работать на пользу своего возвеличенія. Эта страсть овладѣла его душою и такъ подчинила себѣ всѣ остальные, что она давала направленіе всей его жизни». Квинтиліанъ, оцѣнивая его, какъ оратора, говоритъ: «Въ немъ столько энергіи, живости, воодушевленія, что въ ораторѣ мы тотчасъ замѣчаемъ

побѣдоноснаго война». Луканъ, наконецъ, имѣлъ его въ виду, когда написалъ слѣдующій стихъ: «Ему казалось, что онъ еще ничего не сдѣлалъ, если ему оставалось еще сдѣлать что-нибудь». Это лучшая характеристика дѣятельной натуры. Но возвратимся къ Монтаню. Онъ пишетъ еще: «Терасъ, отецъ Ситальцеса (фракійскаго царя), говаривалъ, что когда онъ не ведетъ войны, ему кажется, что нѣтъ никакой разницы между нимъ и его конюхомъ. Консулъ Катонъ запретилъ жителямъ нѣкоторыхъ испанскихъ городовъ носить оружіе, чтобы держать ихъ въ повиновеніи. Многіе изъ нихъ прибѣгли къ самоубійству, потому что этотъ дикій народъ не вѣрилъ, чтобы можно было жить, не сражаясь. Сколько намъ извѣстно людей, покидающихъ спокойный семейный очагъ, чтобы подвергаться ужасамъ жизни въ необитаемыхъ странахъ».

✓ Въ противоположность впечатлительнымъ натурамъ, дѣятельныя «походятъ на непрерывно дѣйствующія машины и живутъ преимущественно внѣшнею жизнью... ВЪ общемъ и въ чистой своей формѣ онѣ — оптимисты, потому, что чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы преодолевать препятствія, и потому, что борьба доставляетъ имъ удовольствіе» (Рибо). Что касается до физиологической основы этого типа, то она состоитъ въ большомъ запасѣ энергіи и жизненныхъ силъ, обусловливаемыхъ хорошимъ питаніемъ.

Дѣятельность человѣка не всегда проявляется въ такой внѣшней формѣ. ✓ Нѣкоторые люди весьма склонны къ физическимъ движеніямъ, но другіе особенно пристрастны къ умственнымъ занятіямъ. Если первые любятъ дѣйствовать, то вторые любятъ размышлять, и у нихъ любознательность превращается въ страсть. Это люди разсудочные, умственные, которыхъ можно назвать и мечтательными или созерцательными.

Многіе усматриваютъ въ этой новой формѣ характера нѣчто искусственное. Однако, съ этимъ нельзя согласиться, потому что нѣкоторые люди съ ранней молодости находятъ высшее наслажденіе въ мірѣ идей. «Когда я еще былъ ребенкомъ—говорится въ «Возвращенномъ

Раѣ» Мильтона,—дѣтскіе игры мнѣ не нравились. Вся моя душа была серьезно настроена: мнѣ хотѣлось только учиться и приобрести знанія, чтобы работать на общее благо, мнѣ казалось, что я для этого рожденъ, что мое назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать торжеству правды и справедливости».

Бальзакъ, описывая молодые годы Ламбера, т. е. собственные, говоритъ: «Ламберъ началъ читать Ветхій и Новый Заветъ, когда ему было пять лѣтъ отъ роду, и эта книга, въ которой содержится столько книгъ, рѣшила его судьбу. Неизвѣстно, постигло ли уже его дѣтское воображеніе таинственную глубину Писанія, или же его прельстилъ только фантастическій характеръ чисто восточной поэзіи... Но, какъ бы то ни было, чтеніе библии привело къ слѣдующему: мальчикъ ходилъ по всему городу, выпрашивая книги, и не получалъ отказа, прельщая людей тѣмъ обаяніемъ, которое присуще дѣтямъ и которому противиться такъ трудно. Такъ, читая книги и предоставленный самому себѣ, онъ достигаетъ десятилѣтняго возраста». Его посылаютъ къ дядѣ съ материнской стороны, довольно образованному священнику, старику, который беретъ его воспитывать въ теченіе трехъ лѣтъ. «Онъ обыкновенно проводитъ въ родительскомъ домѣ вакаціи. Но вмѣсто того, чтобы, какъ всѣ школьники, предаваться ничего-недѣланью, соблазняющему людей всякаго возраста, онъ съ ранняго утра бралъ съ собою хлѣба и книги, чтобы въ лѣсномъ уединеніи читать и мечтать, вдали отъ матери, которая опасалась слишкомъ усидчиваго чтенія. Съ этого времени чтеніе превращается для мальчика въ своего рода неутолимый голодь: онъ пожиралъ всякаго рода книги, безразлично богословскія, историческія, философскія или естествоисторическія. Онъ мнѣ рассказывалъ, что съ большимъ наслажденіемъ читалъ словари за недостаткомъ другихъ книгъ, и я охотно ему вѣрилъ... Впрочемъ, страсть ребенка къ чтенію была вполне удовлетворена. Его дядя священникъ имѣлъ бібліотеку въ 2 — 3.000 книгъ... Въ три года мальчикъ ознакомился съ содержаніемъ всѣхъ книгъ своего дяди, заслуживавшихъ, по его мнѣнію, вниманія».

✓ Люди умственные по большей части осмотрительны и, поглощенные своими мыслями, мало общительны, холодны, часто разсѣянны и какъ бы отсутствуютъ.

Впрочемъ, этотъ типъ видоизмѣняется смотря по направленію ума. Поланъ различаетъ слѣдующія категоріи: «Одинъ изъ этихъ типовъ порождается пристрастіемъ къ составленію естество-историческихъ коллекцій, причемъ коллекціонеръ бываетъ иногда больше художникомъ, чѣмъ ученымъ, и увлекается столько же видомъ и цвѣтомъ своихъ насѣкомыхъ или раковинъ, сколько и умственнымъ удовольствіемъ, которое они ему доставляютъ». Переходя отъ отвлеченныхъ типовъ къ конкретнымъ, мы затѣмъ встрѣчаемъ «ученыхъ, подвергающихъ научныя явленія анализу и синтезу; химиковъ, физиковъ, біологовъ, изучающихъ одновременно факты и ихъ толкованіе. Къ этой категоріи принадлежатъ: Клодъ Бернаръ, Гельмгольцъ, Бертоло, такіе естествоиспытатели-философы, какъ Дарвинъ, философы съ явнымъ пристрастіемъ къ фактамъ и частностямъ, какъ Спенсеръ, историки, подвергающіе анализу и факты, и теоріи, какъ Фюстель де-Куланжъ. Къ той же категоріи могутъ быть причислены беллетристы и драматурги, поэты, часто прибѣгающіе къ наблюденію и анализу и охотно комбинирующіе разныя чувства, изобрѣтательные и предприимчивые комерсанты и фабриканты. Третья категорія обнимаетъ собою преимущественно людей, питающихъ пристрастіе къ очень отвлеченнымъ и общимъ законамъ логики, метафизики, математики, всѣхъ тѣхъ, кто приводитъ въ связь разныя научныя положенія и формулы или выводитъ одни изъ другихъ... Но, какую бы форму ни приняло пристрастіе къ умственной жизни, оно налагаетъ ясный отпечатокъ на весь характеръ чловека».

Къ этой группѣ принадлежатъ преимущественно Архимедъ, Ньютонъ, Гаусъ, Спиноза, Лейбницъ, Мирандоль, Магліабекки, Бэйль, Бальэ, Монтескье, Кювье, Гиббонъ, Амперъ, Вальтеръ-Скоттъ, Тэнъ, Борда де-Мулэнъ. О Лейбницѣ рассказываютъ, что онъ часто не ложился въ постель и спалъ на стулѣ, на которомъ иногда занимался цѣлые мѣсяцы, не покидая его. «На что со-

зданъ міръ?—спрашивалъ Амперъ.—Надо давать людямъ идеи,—вотъ и все». Таковъ разсудочный человекъ,—замѣчаетъ по этому поводу Фулье:—таковъ его взглядъ на мірозданіе. Тотъ же Амперъ не задолго до смерти обсуждалъ съ однимъ изъ своихъ друзей философскіе вопросы, и когда тотъ посоветовалъ ему щадить силы и здоровье, онъ воскликнулъ: «Мое здоровье! Есть о чемъ заботиться. Занимать насъ должно одно лишь вѣчное». Борда де-Мулэнъ роздалъ свой скудный скарбъ и, почти умирая съ голода, расходовалъ послѣдніе свои гроши на абониментъ въ библіотекѣ; всю свою жизнь онъ занимался въ подчердачномъ помѣщеніи и умеръ дѣвственникомъ, не найдя времени любить. «Только алгебра,—разсказываетъ о Карлѣ Марксѣ зять его Лафаргъ:—могла доставить ему утѣшеніе въ самые печальные моменты его бурной жизни. Во время болѣзни своей жены, когда онъ опасался ее потерять, онъ написалъ трактатъ по исчисленію бесконечно-малыхъ величинъ и отрѣшался такимъ образомъ отъ овладѣвавшей имъ скорби, уходя въ свѣтлыя сферы отвлеченной мысли». Кто не знакомъ съ портретомъ Канта, нарисованнымъ Мишлэ? «Въ глубинѣ сѣверныхъ морей жило странное и могучее существо. Человекъ ли?—Нѣтъ. Система, живая, жесткая, грубая схоластика, скала, подводный камень, вырѣзанный заостренными алмазами изъ балтійскаго гранита. Его звали Имануиль Кантъ; самъ онъ называлъ себя критикою. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ это совершенно отвлеченное существо, не поддерживавшее никакихъ сношеній съ людьми, выходило изъ дому всегда въ одинъ и тотъ же часъ и, не вступая ни съ кѣмъ въ разговоръ, совершало въ теченіе опредѣленнаго числа минутъ всегда одну и ту же прогулку, напоминая желѣзную куклу, которая выходитъ изъ старинныхъ башенныхъ часовъ, бьетъ данный часъ и снова скрывается»... Кантъ остался холостымъ и никогда не выѣзжалъ изъ родного города.

Физиологическая основа этого типа вѣроятно — лимфатическій темпераментъ въ связи съ особеннымъ предрасположеніемъ къ мозговой работѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Смѣшанные типы.

Характеры, обусловливаемые одновременнымъ преобладаніемъ двухъ способностей. Впечатлительно-дѣятельныя или страстныя натуры. Ихъ отличительныя черты. Бенвенуто Челлини. Другіе примѣры. — Созерцательно-дѣятельныя или энергичныя натуры. Ихъ отличительныя черты. Превосходство этого типа надъ предыдущимъ. Фридрихъ II. Другіе примѣры. — Созерцательно-впечатлительныя или сентиментальныя натуры. Ихъ отличительныя черты. Виргилій и Титъ Ливій. Разные примѣры.

Типы, которые мы рассмотримъ въ этой главѣ, отличаются преобладаніемъ не одного стремленія, а одновременно двухъ. Мы займемся ими послѣдовательно, сперва тѣми, у которыхъ склонность къ дѣятельности соединяется съ впечатлительностью или разсудочностью, а затѣмъ и тѣми, у которыхъ эти два послѣднія свойства выступаютъ вмѣстѣ, а склонность къ дѣятельности остается въ тѣни.

У дѣятельно-впечатлительныхъ натуръ, съ которыхъ мы начинаемъ и которыхъ можно проще назвать страстными, сильная впечатлительность и живое воображеніе соединяются съ энергическимъ темпераментомъ. Главными чертами этой формы характера служатъ: веселость, храбрость, даже удайство, вспыльчивость и бурность, иногда упорство и фанатизмъ, вообще пылкія страсти.

Въ числѣ разновидностей этого типа можно указать, какъ «на тусклые образцы безъ всякой оригинальности, на людей, которые, не обладая значительными умственными способностями, живутъ въ свое удовольствіе и

ощущаютъ лишь чисто-эгоистическую потребность быть въ дѣятельности и наслаждаться. Выше стоятъ мученики и бурные герои, не находящіе себѣ покоя и склонные жертвовать собою для вѣры или отечества, выдающіеся мистики, основатели орденовъ или реформаторы (св. Тереза, св. Францискъ Ассизскій), великіе религіозные проповѣдники (Петръ Пустынникъ, Лютеръ), люди, посвящающіе себя съ большою страстностью дѣламъ благотворительнымъ (св. Винцентъ де-Паула),—словомъ, всѣ тѣ, кого въ обширномъ значеніи этого слова называютъ апостолами, затѣмъ Саванаролы, Джіордано Бруно, Чаннинги. Въ эту же группу входятъ военные дѣятели вродѣ Алкивіада, Александра, Марія, Суллы, Карла Смѣлаго, Юлія II, Франциска I, Кондэ, Наполеона, народные трибуны вродѣ Ріенци, крупные революціонеры, какъ Мирабо и Дантонъ, поэты вродѣ Байрона и Альфіери, писатели вродѣ Рамюса, Бомарше, Ламенэ, Прудона, Валеса, ораторы вродѣ Питта, О'Коннеля и Гамбетты, художники вродѣ Микеля Анжело, Бенвенуто Челлини, Берліоза.

Челлини въ высокой степени олицетворяетъ собою типъ дѣятельно-впечатлительной натуры. «Прежде всего въ немъ поражаетъ внутренняя мощь, энергическій и смѣлый характеръ, рѣшительность, инициатива, привычка принимать внезапныя и крайнія рѣшенія, изумительная способность дѣйствовать и страдать, словомъ, неукротимая сила нетронутаго темперамента... Просто непонятно, какъ онъ остался въ живыхъ: то и дѣло онъ появляется на улицахъ или на большихъ дорогахъ со шпагою, мушкетомъ или кинжаломъ въ рукахъ, въ борьбѣ съ своими личными врагами, распущенными солдатами, разбойниками, всякаго рода соперниками; онъ защищается, но по большей части самъ нападаетъ. Самое удивительное изъ его приключеній это — бѣгство изъ замка Святого Ангела. Его заключили туда за убійство. Онъ спустился съ громадной вышины по веревкѣ, сдѣланной изъ простынь, натолкнулся на часового, оробѣвшаго однако при видѣ грозной его рѣшимости и притворившагося, что онъ его не замѣтилъ, при помощи

бревна взобрался на вторую стѣну, прикрѣпилъ къ ней остатокъ своей веревки и началъ спускаться. Но веревка оказалась слишкомъ короткою, онъ упалъ и сломалъ себѣ ногу пониже колѣна. Онъ самъ сдѣлалъ себѣ перевязку ноги и доползъ, истекая кровью, до городскихъ воротъ. Они однако оказались запертыми, онъ подкопался подъ нихъ своимъ кинжаломъ и благополучно пролѣзъ. Но тутъ на него напали собаки: одной изъ нихъ онъ распоролъ животъ и, встрѣтившись съ носильщикомъ, попросилъ его довести до своего друга, посланника. Онъ считалъ себя въ безопасности, вѣря въ обѣщаніе папы. Но вдругъ его снова схватили и препроводили въ грязную темницу, въ которую солнечный свѣтъ проникалъ только въ теченіе двухъ часовъ. Пришелъ палачъ, но тронутый видомъ его страданій, пощадилъ его въ этотъ день. Съ тѣхъ поръ довольствовались тѣмъ, что держали его въ заперти, въ этой ужасной темницѣ, въ которую просачивалась вода. Солома, на которой онъ лежалъ, гнила, раны его не закрывались. Въ такомъ положеніи онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но сильный организмъ превозмогъ все. Такое тѣло, такая душа какъ бы высѣчены изъ гранита, въ то время какъ мы скорѣе ходимъ на людей, вырѣзанныхъ изъ мѣла... Когда человѣческій организмъ такъ мощенъ, душа такъ богато одарена, когда человѣческая дѣятельность такъ непрерывна и грандіозна, — жизне-радостность, оживленіе, веселіе естественны. Такъ на-примѣръ, Челлини послѣ цѣлаго ряда трагическихъ и ужасныхъ происшествій, какъ ни въ чемъ не бывало, предпринимаетъ путешествіе, и все время, какъ онъ самъ рассказываетъ, «онъ только пѣлъ и смѣялся». Внезапныя нападенія, взломы магазиновъ, опасности, которымъ онъ подвергается со стороны убійцъ и отравителей, — вотъ чѣмъ полна его жизнь въ Римѣ, а между тѣмъ безконечною вереницею смѣняются ужины, маскарады, потѣшныя выходки и любовныя похождения, такія грубыя и откровенныя, что напоминаютъ обнаженные фигуры, изображенныя современными ему венеціанскими и флорентійскими живописцами... Характеръ дѣятельности,

свойственный людямъ того времени, — страстный, бурный. Люди прямо доходили до крайности, до побоищъ, крови и убійства. Въ жизни Челини такихъ походовъ не оберешься... У него жестъ и ударъ немедленно слѣдуютъ за мыслью, какъ взрывъ — за искрою. Внутреннее безпокойство исключаетъ разсудительность, опасенія, чувство справедливости, словомъ всѣ соображенія, которыя у флегматической природы какъ бы образуютъ мягкую подушку между первымъ взрывомъ гнѣва и окончательнымъ рѣшеніемъ» (Тэнъ).

✓ Дѣятельно-созерцательные или, иначе выражаясь, люди съ сильною волею отличаются отъ предыдущаго типа тѣмъ, что у нихъ дѣятельность не проявляется въ бурной или страстной формѣ, а напротивъ спокойно, обдуманно, она подчиняется уму. Тутъ прежде всего проявляется не чувство, а мысль. Поэтому стремленія «зарождаются не сами по себѣ, а возникаютъ косвенно. Человѣкъ не подчиняется своей волѣ, а попеременно то пускаетъ ее въ ходъ, то задерживаетъ: онъ напрягаетъ волю, потому что импульсъ идей всегда слабѣе импульса желаній; онъ тормозитъ волю, не потому что ему приходится преодолевать сильныя стремленія, а потому что разсудочность преобладаетъ и заставляетъ его считаться съ обстоятельствами» (Рибо).

✓ Это проявленіе энергии, если сопоставить его съ дѣйствіемъ страсти, носитъ отпечатокъ истиннаго величія. «Люди кореннымъ образомъ заблуждаются, — говоритъ Карлейль: — когда считаютъ страстность силою. Нельзя признавать сильнымъ бѣсноватаго, хотя шестеро людей его съ трудомъ сдерживаютъ. Истинно сильный человѣкъ тотъ, кто можетъ идти впередъ, обремененный самою тяжкою ношею. Въ наше время шумныхъ выкриковъ нечего объ этомъ напоминать. Человѣкъ, не умѣющій молчать и выжидать, пока не наступитъ время говорить и дѣйствовать, не тотъ дѣятель, въ которомъ мы нуждаемся».

✓ Такимъ образомъ дѣятельно-созерцательныя природы взвѣшиваютъ, предусматриваютъ, владѣютъ собою, про-

являютъ рѣшительность, твердость, терпѣніе, выдержку, но онѣ часто—исключительны и властолюбивы.

Съ знаменитыми типами этого рода знакомить насъ исторія. Изъ числа государственныхъ людей мы назовемъ: Катона, Марка Брута, Григорія VII, Людовика XI, Карла V, Колиньи, Елизавету, Филиппа II, Вильгельма Молчаливаго, Ришелье, Людовика XIV (по словамъ Сень-Симона, не особенно способнаго, но очень прилежнаго), Лувуа, Фридриха II, Франклина, Веллингтона; изъ числа путешественниковъ — Колумба, между изобрѣтателями—Палиси, между ораторами—Кальвина, Боссюэ, между знаменитыми полководцами — Тюрена, между философами и учеными—Эпиктета и Коперника.

О Фридрихѣ Великомъ Сентъ-Бёвъ писалъ: «Характеристическая черта знаменитаго прусскаго короля — отсутствіе той непосредственности, которая составляетъ блестящее проявленіе природныхъ дарованій. Все въ немъ какъ бы изобличаетъ побѣду воли и разсудка, вліяющихъ въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря по обстоятельствамъ, на общую даровитость». Тотъ же Сентъ-Бёвъ еще пишетъ: «Фридрихъ Великій сложился медленно. Онъ долго начинаетъ, пробуетъ, терпитъ неудачи, съ неослабвующею энергіею снова принимается за дѣло. Это ясно проявилось въ двухъ первыхъ его силезскихъ войнахъ. Такъ продолжалось всю его жизнь, даже когда онъ составлялъ блестящіе свои планы во время семилѣтней войны... Исторія не представляетъ другого болѣе яркаго примѣра предвзятой мысли сдѣлаться великимъ государственнымъ человѣкомъ и твердой рѣшимости исполнить самымъ совершеннымъ образомъ обязанности короля».

✓ Если взять болѣе скромныхъ дѣятелей, то мы встрѣтимъ тѣ же черты у тѣхъ холодныхъ и упорныхъ людей, которые ничего не предоставляютъ случаю, никогда не унываютъ при неудачахъ и не теряютъ самообладанія при успѣхѣхъ.

✓ Созерцательно-впечатлительные или сентиментальные люди отличаются чрезвычайною воспріимчивостью въ связи съ тонкимъ, гибкимъ и пронизательнымъ умомъ. Что же касается до ихъ дѣятельности, то она имѣетъ

своимъ источникомъ не постоянный запасъ энергіи, а силу впечатлѣній, и поэтому она въ соотвѣтствіи съ ними то усиливается, то ослабѣваетъ. Такимъ образомъ они проявляютъ энергію только временно подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго импульса: художники творятъ только въ минуту вдохновенія, ораторы произносятъ блестящія рѣчи, когда они защищаютъ любимое свое дѣло.

✓ Обыкновенныя ихъ качества—чувство собственного достоинства, осторожность, скромность, доходящая иногда почти до робости. На низшей ступени стоятъ тутъ мистики, но не тѣ страстные историческіе дѣятели этого рода, о которыхъ мы уже говорили, а просто созерцательныя натуры, «живущія чисто-внутреннею жизнью, встрѣчающіяся всюду и во всѣ времена (разные сектанты, люди, посвятившіе себя служенію Богу), предающіеся благочестивому созерцанію, ничего не написавшіе и не сдѣлавшіе, прожившіе всю жизнь по собственному желанію, не оставивъ никакого слѣда». Выше стоятъ «аналитики въ чисто-субъективномъ смыслѣ, т. е. тѣ, которые упорно и тщательно предаются самоанализу, прилежно ведутъ свой дневникъ, занося въ него по часамъ всѣ мелкія перемѣны въ своей жизни, даже измѣненіе настроенія подъ дѣйствіемъ атмосферныхъ перемѣнъ». Такъ, Фулье пишетъ о Мэнѣ-де-Биранѣ: «Онъ самъ о себѣ говоритъ, что уже съ дѣтства какой-то инстинктъ побуждалъ его анализировать себя, чтобы знать, какъ быть съ самимъ собою и какъ жить. Тонкія женственныя черты его лица, голубые глаза, открытый взоръ, блѣдность и худоба, благородство всей его наружности указывали на созерцательный умъ, на сосредоточенность и доброжелательство. Въ немъ было непреодолимое стремленіе «предаваться обще-міровой жизни», воспринимать «собственныя впечатлѣнія, предоставляя событія ихъ естественному теченію». Блуждалъ ли онъ въ поляхъ, куда его постоянно тянуло, исполнялъ ли онъ служебныя обязанности, прикованный къ комнатѣ, онъ «мало дѣйствовалъ и больше наблюдалъ, какъ другіе дѣйствуютъ». Въ дѣловомъ мірѣ онъ, по собственному признанію, блуж-

далъ, какъ лунатикъ. Онъ былъ веселъ въ хорошую погоду, печаленъ, когда небо покрывалось тучами. Впечатлѣнія въ немъ смѣнялись, какъ волны, и онъ далеко не безучастно относился къ атмосфернымъ переменамъ». «Эта страсть къ самоанализу превратилась теперь въ болѣзнь подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго нервнаго возбужденія, ослабленія воли и умственной утонченности». Это говоритъ Рибо. Леметръ въ свое время писалъ: «Стэндалъ былъ одаренъ отъ природы сильною волей и замѣчательною наблюдательностью. Онъ полагалъ, что, пользуясь своими аналитическими способностями для укрѣпленія своей воли, онъ достигнетъ замѣчательныхъ результатовъ. Но случилось обратное. Постоянно наблюдая за собою, чтобы лучше дѣйствовать въ жизни, онъ утратилъ способность дѣйствовать». «Надо очень плохо знать себя, чтобы быть сильнымъ; надо, кромѣ того, не слишкомъ много анализировать другихъ. У Наполеона I были ясныя, но поверхностныя понятія о людяхъ. Бэйль говоритъ о самомъ себѣ: «Я находилъ слишкомъ большее удовольствіе въ анализѣ собственныхъ чувствъ... Я такъ хорошо знакомъ съ игрою страстей... что, предусматривая всѣ случайности, я собственно ни въ чемъ не увѣренъ».

Когда человекъ, вмѣсто того, чтобы предаваться самоанализу, сочувствуетъ всему человечеству или даже сливается съ природою, разсматриваемый нами типъ видоизмѣняется. Тогда мы получаемъ такихъ писателей, какъ Титъ Ливій, Паскаль, Дидро, Жанъ-Поль-Рихтеръ, Мишлэ, Тѣпферъ, Карлейль, такихъ поэтовъ, какъ Лукрецій, Виргилій, Петрарка, Шекспиръ, Расинъ, Самуиль Джонсонъ, такихъ мыслителей, какъ Аристотель, Эпикуръ, Бейль, Огюсть Контъ, такихъ художниковъ, какъ Моцартъ, Беллини, Веберъ, Шарденъ, Прюдонъ, Милье.

«Впечатлительность, — говоритъ Низаръ: — свойство одинаково присущее Титу Ливію и Виргилію. Они оба отличаются тою возвышенною и обаятельною способностью, благодаря которой поэтъ и историкъ любятъ самихъ себя менѣе, чѣмъ свои произведенія, и живутъ жизнью, которую они въ нихъ вдохнули. Виргилій страдаетъ вмѣ-

стѣ съ покинутою Дидоною и самъ скорбитъ не менѣе вдовы Гектора; онъ оплакиваетъ смерть молодого воина, сраженнаго копьемъ въ бѣлую грудь. Но этого мало: его нѣжность распространяется на все, что онъ видитъ и описываетъ. Его занимаетъ зарождающаяся травка, до-вѣрчиво распускающаяся при дуновеніи весенняго вѣ-терка; онъ сливается то съ невинною телкою, испускаю-щею послѣдній вздохъ у ясель, наполненныхъ кормомъ, то съ птицею, находящею смерть въ собственной сти-хій, умирающей среди тучи, то съ побѣжденнымъ бы-комъ, который заостряетъ рога объ дубъ для новой борьбы. Подобно *Виргилію*, *Титъ Ливій* сливается съ историче-скими дѣятелями, которыхъ онъ любитъ, сливается даже съ самимъ Римомъ въ его радостяхъ и печаляхъ, съ Ри-момъ, который поэтъ называетъ самымъ прекраснымъ твореніемъ на свѣтѣ, а историкъ, подчиняясь тому же нѣжному воодушевленію, — самымъ великимъ царствомъ послѣ царства боговъ. Благодаря своей впечатлитель-ности, *Титъ Ливій* лучше всего понимаетъ человѣческое сердце, и за это его хвалятъ даже наиболѣе строгій къ нему критикъ, ученый *Нибуръ*. Благодаря той же впе-чатлительности, онъ доходитъ до пониманія интересовъ и уясняетъ себѣ запутанныя государственныя дѣла... Почти то же можно сказать о *Виргиліи*, этомъ столь глу-бокомъ знатокѣ житейской науки. Чѣмъ болѣе я сравни-ваю этихъ двухъ людей, тѣмъ болѣе они мнѣ предста-вляются братьями; но *Виргилій* занимаетъ первое мѣсто, потому что его сердце, наиболѣе воспримчивое въ древ-ности, еще полнѣе откликалось на все человѣческое».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Уравновѣшенные типы.

Характеры, обусловливаемые различнымъ равновѣсіемъ трехъ способностей. — Типы уравновѣшенные. Ихъ отличительныя черты. Декартъ. Гёте. Другіе примѣры. — Аморфные типы. Ихъ распространенность. — Типъ апатичный. Отличительныя его черты Фонтенель.

Подъ характерами уравновѣшенными, аморфными и апатичными мы разумѣемъ три типа, имѣющіе то общее, что стремленія у нихъ такъ-сказать уравновѣшиваются, и отсюда получается поразительная гармонія въ дѣятельности, хотя богатство ихъ природы можетъ быть различно. У уравновѣшенныхъ натуръ чувство, умъ и воля соединены приблизительно въ одинаковой пропорціи.

Такъ, прежде всего ихъ чувства—будь они сильны или слабы—распространяются на большое число предметовъ. «Въ особенностяхъ у людей этого рода,—замѣчаетъ Пересь:—мы встрѣчаемъ цѣнную и исключительную способность безъ всякихъ усилій и преувеличенія, по выраженію Вольтера, интересоваться разнообразнѣйшими предметами. Ихъ можно назвать людьми въ истинномъ значеніи этого слова. Они живутъ, наслаждаются всѣмъ своимъ существомъ и чувствами, умомъ и сердцемъ, всѣми способностями, имъ присущими. Радость ихъ не опьяняетъ, горе ихъ не сокрушаетъ. Въ общемъ у нихъ характеръ ровный... Трезвость сужденія, разнообразіе наклонностей и привычекъ предохраняютъ ихъ отъ слишкомъ упорныхъ и исключительныхъ страданій. Они задаются самыми различными цѣлями въ жизни. Часто

трудно уяснить себѣ, что въ нихъ преобладаетъ: эстетическія, ученныя, сердечныя или нравственныя склонности. Несомнѣнно, что всѣ эти склонности въ нихъ соединяются... Будучи поэтами, моралистами, философами, писателями, художниками, они скоро научаются подчинять творческое свое воображеніе точнымъ законамъ мышленія. Иногда у нихъ недостаетъ глубины, но они всегда обладаютъ гибкостью, ясностью ума, широкимъ кругозоромъ, равновѣсіемъ и тонкостью чувствъ. Простота—существенная черта ихъ духа. Наконецъ, воля у нихъ всегда ясно обозначается въ своихъ проявленіяхъ, цѣляхъ, причинахъ и побужденіяхъ. Если не у всѣхъ она энергична и бурна, то она у всѣхъ упорна и сознательна, такъ какъ чувство у нихъ всегда находится подъ контролемъ размышленія и сдерживается разсудкомъ. Они знаютъ, чего хотятъ, почему хотятъ, и преслѣдуютъ свою цѣль съ выдержкою».

Этотъ типъ встрѣчается вовсе не такъ рѣдко, какъ можно было бы думать. «Мы всѣ знаемъ людей,—говоритъ Поланъ:—которые намъ нравятся, хотя они и не обладаютъ никакими выдающимися качествами души или ума. Они внушаютъ симпатію прелестью обращенія, свѣжестью, гармонією чувствъ и мысли, быть можетъ не дальновидной и неглубокой, въ особенности когда эти люди добры, хотя бы эта доброта и не превышала обыкновеннаго уровня, и когда къ душевной прелести присоединяется прелесть и уравновѣшенность физическая. Подобныя существа изобразилъ намъ Корреджіо, на примѣръ въ луврской св. Екатерины, и даже Рафаэль въ своихъ изображеніяхъ Богородицы. Они намъ раскрываютъ высшую натуру путемъ сообщенія ей чрезвычайной гармоніи въ цѣломъ и, если позволительно такъ выразиться, совершенства въ посредственности или, чтобы не вызвать недоразумѣній и лишитъ это слово всякаго неблагопріятнаго смысла, изображая среднее совершенство. Для контраста укажу на такія могучія личности, какихъ изобразилъ намъ Леонардо-да-Винчи въ своей знаменитой Лизѣ Джіокондѣ и въ своемъ Іоаннѣ или Рембрандтъ въ большей части своихъ картинъ. Прекрасный женскій пор-

треть въ луврскомъ Salon Carré, правда, изображаетъ только гармоническую личность безъ всякаго опредѣленнаго выраженія, но столь жизненную, что еслибы эта жизненность не была проявленіемъ геніальности художника, то изображенная имъ личность несомнѣнно превышала бы средній психологическій уровень. Та же уравновѣшенность придаетъ особенное обаяніе греческой скульптурѣ, хотя—я рѣшаюсь это высказать, несмотря на всѣ возраженія— послѣдняя приближается болѣе къ посредственности, чѣмъ къ совершенству, и слишкомъ походить на плохія подражанія, которыхъ она удостоилась. Есть головы молодыхъ дѣвушекъ или богинь, восхищающія выраженіемъ единства, ясности, нравственнаго равновѣсія и чистоты. Беллетристы и драматурги часто изображали или старались изобразить уравновѣшенные типы. Симпатичныя личности, такъ часто встрѣчающіяся, на примѣръ, въ пьесахъ Ожье, по большей части принадлежатъ къ натурамъ уравновѣшеннымъ, почти всегда лишеннымъ даже внѣшнихъ признаковъ жизненности. Шекспиръ создалъ нѣсколько чудесныхъ типовъ, также принадлежащихъ къ числу уравновѣшенныхъ натуръ. Онѣ встрѣчаются также и у Толстого».

Многіе выдающіеся люди принадлежатъ къ этому типу. «Олимпіецъ» Гёте съ его аккуратною жизнью и постояннымъ самообладаніемъ представляется намъ воплощеніемъ этой формы характера. «Выступалъ-ли онъ царедворцемъ, поэтомъ, историкомъ, министромъ, директоромъ театра, ученымъ критикомъ, свѣтскимъ человѣкомъ, мечтателемъ и отшельникомъ, онъ такъ умѣлъ соединять и уравновѣшивать всѣ основные элементы своей жизни, что въ ней никогда не приходилось наблюдать диссонанса или непослѣдовательности. Его спокойная и холодная душа избѣгала бурь и не принимала страстнаго участія въ событіяхъ: онъ всегда былъ спокойнымъ наблюдателемъ, относившимся къ окружающему, иногда съ легкою меланхоліею, по большей же части иронически или съ соболѣзнованіемъ... Онъ не участвовалъ въ политическихъ и религіозныхъ спорахъ современной ему Германіи. Если сильное впечатлѣніе угрожаетъ его спо-

койствію, онъ инстинктивно избѣгаетъ его, какъ тотъ цвѣтокъ, который закрывается, когда человекъ хочетъ къ нему прикоснуться. Въ молодости у него были моменты отчаянія отъ упадка силъ, отвращенія къ жизни; чтобы отдѣлаться отъ этого настроенія, онъ написалъ «Вертера». Отрѣшившись отъ этихъ бурныхъ мыслей, которыя поглотили и поработили бы его, если бы онъ по слабости увлекся ими, онъ возвратился къ обычному своему спокойствію и всецѣло подчинился одному лозунгу: равновѣсію. Его гибкій умъ безъ напряженія примѣнялся ко всему и могъ охватить нѣсколько специальностей, которыя рѣдко соединяются въ одномъ человекѣ. Всегда владѣя собою, онъ господствовалъ надъ своими душевными движеніями: онъ понималъ, какъ необходимо спокойствіе духа и тѣла, чтобы умъ могъ развернуться. Онъ создалъ себѣ методическую жизнь, усвоилъ себѣ правильныя привычки и не допускалъ ихъ нарушенія. Его дневныя занятія, бібліотека, бумаги, все было приведено въ строгій порядокъ. Его любовь къ порядку и опасенія послѣдствій страданія заставляли его подавлять свои чувства къ людямъ; поэтому его часто обвиняли въ эгоизмѣ. Онъ отказался принять участіе въ похоронахъ Виланда. Потерявъ сына, онъ началъ усиленно заниматься, чтобы разогнать горе; а когда умеръ его соперникъ и другъ Шиллеръ, онъ нашелъ себѣ утѣшеніе, сочиняя стихи» (Филаретъ Шаль).

Декартъ также представляетъ прекрасный образецъ уравновѣшенной натуры. Этотъ великій философъ былъ не только мыслителемъ, котораго знаетъ весь міръ. Одна изъ наиболѣе поразительныхъ чертъ его характера это, — говоритъ Жанз:—«его страсть къ путешествіямъ, очень рѣдкая въ его время, особенно между учеными. Можно сказать, что Декартъ объѣздилъ всю Европу, за исключеніемъ Россіи и Турціи. Онъ не достигъ еще совершеннѣтїа, какъ уже объѣздилъ Голландію, Баварію, Австрію, Венгрію и Богемію. Оттуда онъ отправился въ Польшу и Померанію, достигъ береговъ Балтійскаго моря и вдоль него проѣхалъ до Эльбы. Тутъ онъ на корабль отправился въ Фрисландію, вернулся въ Голландію по

Зюдерзее, заѣзжаетъ въ Брюссель и оттуда возвращается въ Парижъ. Но онъ не долго остается во Франціи. Вслѣдъ затѣмъ мы его видимъ въ Швейцаріи и Италіи; онъ посѣщаетъ Венецію и Римъ, снова возвращается во Францію, но вскорѣ избираетъ себѣ мѣстопробываніемъ Голландію. Оттуда онъ совершаетъ путешествія въ Англію и Данію, мечтаетъ о путешествіи въ Константинополь и наконецъ, слѣдуя приглашенію королевы Христины, пробирается въ Швецію, гдѣ однако слабая его грудь не выдерживаетъ суроваго климата, и онъ умираетъ. Можно было бы подумать, что во время своего многолѣтняго пребыванія въ Голландіи Декартъ успокоится. Нѣтъ, ему никогда не сидѣлось на мѣстѣ. Читая его біографію, мы поражаемся его любознательностью, которая далеко не совпадаетъ съ любознательностью ученаго. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые любятъ поглазѣть и съ особеннымъ удовольствіемъ присутствуютъ при большихъ и блестящихъ торжествахъ. Странно встрѣтить такую склонность у философа. Такъ онъ сѣлится во Франкфуртъ, чтобы присутствовать на коронаціи императора, по пышности своей затмившей другія торжества этого рода. Онъ отправляется въ Венецію, чтобы присутствовать на вѣнчаніи дожа съ Адриатическимъ моремъ. Въ Римъ его тянетъ празднованіе юбилея. Кромѣ того онъ по собственному сознанію любилъ видѣть «дворы и войска». Когда онъ вернулся изъ своего путешествія по Германіи, въ Гаагѣ аристократическое общество раздѣлилось между тремя маленькими дворами: чешской королевы, принца Оранскаго и генеральныхъ штатовъ. Декартъ посѣщаетъ всѣ три двора. Проѣздомъ изъ Гааги въ Парижъ, онъ останавливается въ Брюсселѣ, чтобы посѣтить дворъ принцессы Изабеллы. Наконецъ онъ прѣзжаетъ въ Парижъ, но узнаетъ, что дворъ находится въ Фонтенебло; онъ немедленно ѣдетъ туда... Тотъ же родъ любопытства побуждаетъ его отыскивать арміи принца Морица Нассаускаго и герцога Баварскаго. Изъ Парижа онъ ѣдетъ въ Ла-Рошель, чтобы присутствовать при достопамятной и грандіозной осадѣ этой крѣпости. Однако, не смотря на это видимое пристрастіе къ при-

дворной и военной жизни, его никакъ нельзя признать царедворцемъ и воиномъ. Нѣтъ, онъ—простой дилетантъ, наблюдатель, любознательный человѣкъ. Онъ никогда не добивался милостей у высокопоставленныхъ лицъ и даже не поддерживалъ дружескихъ съ ними отношеній, если не считать чисто-философскаго общенія, какъ напри- мѣръ, съ принцессою Елизаветою и затѣмъ съ короле- вою Христиною. Что касается до войскъ, то онъ ими интересовался также по своему. Онъ навѣщалъ воен- ныхъ теоретиковъ на бивуакахъ, предавался размышле- ниямъ въ одиночествѣ, впрочемъ, когда это требовалось, онъ принималъ участіе въ бою, отличаясь храбростью и умѣньемъ владѣть оружіемъ... Все это показываетъ намъ, что Декартъ вовсе не былъ, какъ мы привыкли думать, только философомъ; это былъ въ то же время смѣлый и рѣшительный человѣкъ, готовый встрѣтить всякую слу- чайность, хорошо знакомый со всѣми житейскими пере- петіями и умѣвшій найтись въ жизни».

Къ этой же группѣ надо повидимому отнести Сократа, Марка Аврелія, Людовика IX, канцлера л'Опиталь, Фе- нелона, Бюфона, г-жу Жофренъ, Леона Батиста Аль- берти, Леонардо Да-Винчи, Тиціана, Пуссена, Веласкеса и Рубенса. Возьмемъ характеристику Сократа: «Въ немъ соединялись необыкновенная снисходительность къ чу- жимъ недостаткамъ и чрезвычайная строгость къ самому себѣ, терпѣніе, подвергаемое его женою Ксантипою тя- желому испытанію, но никогда не измѣнявшее ему ни на мигъ, самоотверженіе, въ которомъ не сомнѣвались даже его враги, воздержность, умѣренность во всемъ, неизмѣнная ровность характера, ясность духа и глубо- кое уваженіе къ нравственному священнодѣйствію, воз- ложенному на него божествомъ. Таковы главныя черты характера Сократа. Что касается до его храбрости, то онъ представилъ блестящія доказательства ея въ своихъ различныхъ походахъ: во время осады Потидеи и не- счастливаго сраженія при Деліи. Его гражданское муже- ство не уступало его военной храбрости. Онъ проявилъ его, когда одинъ изъ всѣхъ притановъ воспротивился ярости обезумѣвшей толпы, съ громкими криками требо-

вавшей смерти побѣдителей въ морскомъ сраженіи у Аргенускихъ острововъ, потому что они вслѣдствіе наступившей бури не похоронили воиновъ, павшихъ въ бою». Біографы Рубенса говорятъ, что «въ его домѣ былъ установленъ такой строгій порядокъ жизни, какъ въ монастырѣ... Какъ человекъ, Рубенсъ отличался спокойнымъ нравомъ, положительностью и ловкостью въ дѣлахъ. Онъ никогда не проявлялъ нетерпѣнія или страстности. Его воображеніе (когда онъ не писалъ картинъ) бездѣйствовало, казалось угасшимъ. Взглядъ у него былъ ясный, увѣренный, какъ у дѣловаго человека».

√ Уравновѣшенность можетъ встрѣчаться столько же у посредственныхъ людей, какъ и у геніальныхъ натуръ. Но такъ какъ посредственныхъ людей несравненно больше, то въ жизни уравновѣшенность этого рода встрѣчается конечно чаще. Нѣкоторые люди, озабоченные только тѣмъ, чтобы поѣсть, попить и поспать, погулять, встрѣтиться съ друзьями, поиграть въ карты, усваиваютъ себѣ все это, какъ правильныя занятія. √ Тутъ уравновѣшенный характеръ равносильно отсутствію всякаго характера. √ Мы имѣемъ тутъ дѣло съ типами аморфными, такъ какъ людямъ этого рода нельзя приписать свойственной имъ формы характера. √ Настоящіе «маріонетки», они подчиняются только модѣ и чужому мнѣнію и по этому всегда находятся въ полной гармоніи съ окружающею ихъ средою. «У нихъ нѣтъ врожденныхъ свойствъ, нѣтъ и призванія; изъ нихъ можно лѣпить, что угодно. Они всецѣло являются продуктомъ условій, среды, воздѣйствія на нихъ людей и обстоятельствъ. Ими руководить кто-нибудь другой или за его отсутствіемъ въ нихъ живетъ и дѣйствуетъ окружающая ихъ общественная среда. √ У нихъ нѣтъ собственнаго голоса. Они представляютъ собою только эхо. Они могутъ быть тѣмъ или другимъ смотря по обстоятельствамъ. Случай рѣшаетъ вопросы объ ихъ профессіи, бракѣ и т. д.: разъ жизненное колесо ихъ зацѣпило, они живутъ, какъ всѣ» (Рибо).

Къ этой многочисленной категоріи можно примѣнить слова Детуша: «Наиболѣе распространенный характеръ это—отсутствіе характера».

✓ Съ уравновѣшеннымъ типомъ граничить другая форма характера, встрѣчаемая у людей апатичныхъ, лимфатичныхъ или флегматичныхъ. Состоитъ она въ извѣстной атоніи, чрезмѣрномъ пониженіи чувствъ и воли. Представители этого типа не поддаются чужому воздѣйствію, какъ аморфные типы, напротивъ, они не подчиняются чужому вліянію. ✓ Ихъ пассивность вызывается недостаткомъ впечатлительности. «Подъ флегматичною натурою—говоритъ Поланъ—мы разумѣемъ такую, у которой всѣ впечатлѣнія вызываютъ приблизительно аналогичныя послѣдствія. ✓ Эти натуры реагируютъ противъ чрезвычайнаго впечатлѣнія въ исключительныхъ случаяхъ такъ же слабо, какъ и противъ обыденнаго впечатлѣнія; напримеръ, люди этого типа, узнавъ, что въ домѣ вспыхнулъ пожаръ, встаютъ съ постели такъ же медленно, какъ они встаютъ ежедневно утромъ». ✓ Люди этого типа по большей части пассивны, спокойны, лѣнны, безпечны, эгоистичны, недоувѣрчивы, обходительны, иногда, смотря по своему общественному положенію, надуты или глуповаты.

Впрочемъ у этого типа умъ бываетъ очень развитъ. Примѣромъ можетъ служить Фонтенель, яркій его представитель. Природа дала ему выдающійся умъ, столь же гибкій, какъ и пронизательный, но она отказала ему въ душевной теплотѣ и силѣ. Вотъ почему по всей вѣроятности онъ прожилъ сто лѣтъ. «Родился онъ здоровымъ и никогда серьезно не хворалъ. Припадки подагры въ преклонномъ возрастѣ никогда не были сильны. Но все это не объясняетъ его долговѣчности. Не видимъ ли мы ежедневно, что очень крѣпкіе организмы подтачиваются и разрушаются тѣмъ врагомъ нашего тѣла, котораго мы называемъ душою? Душа Фонтенеля относилась съ крайнею заботливостію къ своей оболочкѣ, стѣсняла себя, чтобы не обезпокоить тѣла, сокращалась по возможности, чтобы ничѣмъ не нарушить дѣятельности и благополучія физическихъ органовъ. Однимъ изъ его основныхъ житейскихъ правилъ былъ девизъ, что надо давать работу желудку и усыплять сердце. Онъ строго придерживался этого правила, избѣгая всякихъ тягостныхъ жертвъ. Поэтому онъ уклонялся отъ обязанностей,

сопряженныхъ съ бракомъ или отцовствомъ. Требовательныхъ друзей онъ избѣгалъ. Онъ много вращался въ обществѣ, но тщательно оберегалъ свою личность. Имъ дорожили, потому что онъ былъ любезенъ, остроуменъ, умѣлъ слушать, говорить пріятныя вещи, никогда не обижалъ никого и никогда не ссорился, желая отстоять свое мнѣніе или вступить за кого-нибудь. Отъ своихъ противниковъ онъ отдѣлывался холодною пренебрежительностью. Если появлялись сатиры или эпиграммы на него, онъ бросалъ ихъ въ ящикъ, не читая. Отличаясь полнымъ безучастіемъ, онъ никогда не возбуждалъ другихъ къ ссорѣ, но и не мирилъ никого... «Все на свѣтѣ возможно»,—часто повторялъ онъ. Другимъ его изрѣченіемъ было: «Всѣ правы». Говорилъ онъ также: «Если бы у меня рука была полна истинъ, я и не подумалъ бы ее раскрыть». Поэтому онъ никогда не принималъ сторону одного изъ противниковъ, и его поразительная уравновѣшенность не измѣнила ему ни на секунду въ теченіе всей его долгой жизни. Безъ всякаго чванства или приниженія онъ совершенно просто признавался, что никогда въ жизни не плакалъ. Его спросили: смѣялся ли онъ? Онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, я никогда не выкрикивалъ: ха-ха-ха». Это могло бы повредить его организму. Кларендонъ говорилъ по поводу этого равнодушія Фонтенеля: «Мнѣ не нужны его сто лѣтъ; я ихъ переживаю въ четверть часа». Дѣйствительно, Руссо правъ, говоря, что больше жилъ не тотъ, кто существовалъ больше лѣтъ, а тотъ, кто вынесъ въ жизни болѣе сильныя впечатлѣнія. На 97-мъ году жизни Фонтенель говорилъ: «Вотъ уже 80 лѣтъ, какъ я приберегаю всѣ свои чувства для эклога». Это было самохвальство: въ его эклогахъ не больше чувства, чѣмъ въ его жизни. Г-жа Тенсанъ, хорошо понявшая его, какъ-то сказала ему, указывая на грудь: «У васъ тутъ не сердце, а мозгъ, какъ въ головѣ». Извѣстенъ рассказъ Гримма о спаржѣ на коровьемъ и прованскомъ маслѣ. «Къ Фонтенелю зашелъ аббатъ Терасонъ, любившій спаржу на коровьемъ маслѣ, и сказалъ, что онъ у него отобѣдаетъ. Фонтенель отвѣтилъ ему, что онъ уже распорядился приготовить половину

блюда на коровьемъ маслѣ, но что это—для него большая жертва. Хозяинъ и гость собрались сѣсть за столъ, но тутъ съ аббатомъ сдѣлалось дурно. Это былъ апоплексическій ударъ. Аббата уносятъ, а Фонтенель тотчасъ же спѣшить въ кухню, крича: Все на прованскомъ, все на прованскомъ!»

Другой менѣе извѣстный анекдотъ также его очень хорошо характеризуетъ: «Судьба распорядилась такъ, что его племянникъ, знаменитый Объ, былъ завзятый спорщикъ, вступалъ въ пререканія со всѣми, жилъ только спорами, безконечно затягивалъ, возобновлялъ и прекращалъ ихъ, только когда не было уже никакой возможности ихъ продолжать. Впрочемъ это былъ человѣкъ дѣятельный, услужливый, щедрый и любящій. Дядя говорилъ о немъ: «Съ моимъ племянничкомъ жить хорошо, но удовлетворить его трудно». Объ часто бранилъ Фонтенеля. Однажды, когда Фонтенель уже улегся спать, въ домѣ вспыхнулъ пожаръ. На халатъ философа пала искра, и онъ загорѣлся. Всѣ въ домѣ вскочили съ постелей, въ испугѣ мечутся по комнатамъ, кричатъ, наконецъ удается потушить огонь. Тутъ племянникъ принимается бранить дядю. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ: это съ вашей стороны странно. Вы чуть было насъ всѣхъ не сожгли. Какая невѣроятная разсѣянность. Кажется не трудно было стряхнуть искру съ халата». Тѣмъ временемъ Фонтенель опять спокойно улегся и, опускаясь на подушку, отвѣтилъ племяннику: «Объщаю тебѣ, милый другъ, что, если я опять подожду домъ, то примусь за дѣло иначе».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Неправильные типы.

Характеры, обусловливаемые неправильнымъ или перемежающимся дѣйствиемъ одного или нѣсколькихъ стремленій: неустойчивыя или безсвязныя натуры. Ихъ отличительныя черты. Вильонъ. Казанова. Другіе примѣры. — Нерѣшительныя натуры. Ихъ отличительныя черты. Кольриджъ. — Противорѣчивыя натуры. Ихъ изображеніе у Мольера. Разнообразіе этого типа. Примѣры.

Разсмотрѣнные нами разнообразныя характеры еще далеко не исчерпываютъ собою всю сложность челоѣвской натуры. Дѣйствительно, у многихъ людей стремленія не объединены и не дѣйствуютъ правильно, а проявляются лишь временно, постоянно замѣняя другъ друга, или непрерывно реагируютъ противъ внѣшнихъ вліяній. Это особенно ясно видно на натурахъ неустойчивыхъ, нерѣшительныхъ и противорѣчивыхъ.

Подъ неустойчивыми, безсвязными или импульсивными натурами мы разумѣемъ тѣхъ многочисленныхъ людей, которые, представляя безконечное разнообразіе, сходятся въ томъ, что они капризны и переменчивы, безпокойны, то молчаливы или веселы, то неподвижны или бурны въ зависимости отъ состоянія ихъ чувствъ, легко переходятъ отъ одной крайности къ другой, поступаютъ одинаково при разныхъ обстоятельствахъ и различно — при одинаковыхъ обстоятельствахъ, легкомысленны, непредусмотрительны, быстро забываютъ свои ошибки и свое горе и столь же быстро забываютъ и начинаютъ ненавидѣть то, что еще вчера они страстно любили. Такимъ

образомъ они составляютъ прямую противоположность уравнивающимъ типамъ.

У нихъ координація психическихъ элементовъ или единство ихъ замѣняется «самостоятельною дѣятельностью разныхъ элементовъ, желаній, страстей и вѣрованій, образующихъ человѣческой духъ. Эти элементы, вмѣсто того, чтобы соединяться въ общей гармоніи духа, могутъ дѣйствовать каждый самостоятельно и удовлетворять родственные элементы». Поэтому импульсивныя натуры «легко переходятъ отъ слезъ къ смѣху, отъ гнѣва къ ироніи, къ веселому настроенію, отъ дружбы къ равнодушію или ненависти. Такъ какъ всякое ихъ чувство или дѣйствіе, даже самое рѣшительное и существенное, часто служитъ проявленіемъ только одной стороны ихъ личности, то по большей части другія чувства или противоположныя дѣйствія могутъ зародиться въ ихъ душѣ или исходить отъ нихъ, если обстоятельства сколько-нибудь этому содѣйствуютъ. Ихъ настроеніе въ данный моментъ вызывается не всей совокупностью духовной жизни, а только той или другой ея стороною; и это настроеніе какъ и соотвѣтствующія ему дѣйствія измѣняются часто и притомъ довольно неожиданно. Несмотря на всѣ ихъ, иногда очень выдающіяся, качества, люди этого типа не всегда возбуждаютъ полное довѣріе, хотя бы все къ нему располагало. Нельзя сказать, чтобы они были фальшивы», но «подавленные желанія вскорѣ возрождаются съ непреодолимою силою. Малѣйшій поводъ нарушаетъ установившееся равновѣсіе и замѣняетъ его другимъ, не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго». Впрочемъ, они «способны на благородныя намѣренія, обрывки хорошихъ чувствъ, мимолетное остроуміе, бесплодные порывы. Если эти субъекты талантливы, то получается представитель богемы, иногда даже зарождается гениальная натура на этой подвижной почвѣ, и тогда получается наиболее совершенная форма рассматриваемаго нами типа». Таковъ былъ Вильонъ. Онъ «велъ очень беспорядочную жизнь и представлялъ собою странную смѣсь извращенности и туманнаго вдохновенія... То, что въ общежитіи называется фантазіями или странностями, составляетъ одну изъ

формъ проявленія импульсивности или безсвязности и можетъ быть удѣломъ выдающихся или самыхъ обыкновенныхъ людей. Вызывается оно послѣдовательнымъ и рельефнымъ преобладаніемъ разнообразныхъ и нѣсколько безсвязныхъ впечатлѣній» (Поланъ).

Прекрасное изображеніе неустойчиваго характера даетъ Лабрюйеръ: «Неровный человѣкъ, — говоритъ онъ, — совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей. Какъ только у него возникаетъ новый вкусъ, онъ становится другимъ человѣкомъ. Сегодня онъ одинъ, завтра — другой, а послѣзавтра — третій. Онъ можетъ быть такимъ, какимъ никогда не былъ. Различные люди смѣняются въ немъ. Не спрашивайте, какая у него натура, а сколько у него натуръ; или какого онъ нрава, а сколько у него различныхъ нравовъ. Не ошибаетесь ли вы? Дѣйстви-тельно ли вы говорите съ Иваномъ? Сегодня онъ къ вамъ холоденъ, какъ ледъ, а вчера еще онъ за вами ухаживалъ, онъ васъ обласкалъ, такъ что вы возбуждали зависть въ его друзьяхъ. Узнаетъ ли онъ васъ еще? Нѣтъ, лучше назовите ему сами себя».

Замѣчательнымъ типомъ непостояннаго человѣка былъ Казанова. Онъ то и дѣло путешествовалъ, вездѣ ухаживалъ за женщинами, былъ то студентомъ, то священникомъ, игрокомъ, большимъ бариномъ, воиномъ, скрипачемъ, фокусникомъ, мазурикомъ, ханжею, арестантомъ, искуснымъ политикомъ, ловкимъ финансистомъ и т. д. Можно назвать здѣсь еще Ватто, у котораго «не было другихъ враговъ, кромѣ его самого, и который всегда отличался непостоянствомъ, такъ что стоило ему только поселиться на квартирѣ, чтобы она перестала ему нравиться»; Делакруа, называвшаго самого себя «измѣнчивымъ, какъ барометръ», и писавшаго въ декабрѣ 1840 г. одному изъ своихъ друзей: «Я весь во власти нервнаго состоянія, словно я истеричный субъектъ; одиночество, душевное безпокойство и, какъ мнѣ кажется, какой-то внутренній кризисъ заставляютъ меня въ одно и то же время желать и не желать, и страшиться всякаго пустяка»; Эдгара Поэ, Сенъ Симона. Но сильнѣе всего типъ эксцентрика проявился въ древности въ лицѣ Діо-

гена, а въ болѣе близкое къ намъ время въ лицѣ сына Филиппа II, Дона-Карлоса, Сантѣйля, маркиза Брюнуа, лорда Эгертона и почти въ наше время—въ лицѣ маршала Кастелана. Дидро въ своемъ «Племянникѣ Рамо» изобразилъ намъ удивительно вѣрно этотъ типъ. Лабрюйеръ описываетъ намъ Сантѣйля слѣдующимъ образомъ: «Представьте себѣ человѣка обходительнаго, мягкаго, услужливаго, и вдругъ бурнаго, гнѣвнаго, страстнаго, капризнаго. Вообразите себѣ человѣка простаго, довѣрчиваго, наивнаго, вѣтреннаго, ребенка съ сѣдыми волосами. Но дайте ему сосредоточиться или лучше сказать предоставьте его силѣ, дѣйствующей въ немъ, какъ бы помимо его вѣдѣнія, и вдругъ—какое воодушевленіе, какой полетъ мысли, какіе образы, какая начитанность! Вы спросите,—говорю ли я объ одномъ и томъ же лицѣ? Да, о Феодасѣ, только о немъ. Онъ приходитъ въ безпокойство, кричитъ, валяется по полу; встаетъ, оборачивается къ вамъ, начинаетъ говорить и среди этого бурнаго порыва васъ вдругъ обдаетъ блестящими лучами, радующими ваше сердце. Скажемъ проще: онъ говоритъ, какъ сумасшедшій, но думаетъ, какъ мудрецъ; онъ высказываетъ истины въ смѣшномъ видѣ. Вы поражены, что среди этого шутовства, гримасъ, судорожныхъ движеній зарождается воплощенный здравый смыслъ. Что мнѣ еще прибавить? Онъ говоритъ и дѣйствуетъ какъ бы безсознательно; у него словно двѣ души, которыя другъ друга не знаютъ, не зависятъ другъ отъ друга, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой складъ или свою самостоятельную жизнь. Я упустилъ бы существенную черту, еслибы не сказалъ еще, что онъ страстно любить похвалы, ищетъ людей, которые слушали бы его, и въ сущности онъ всегда готовъ принять къ свѣдѣнію замѣчанія. Я самъ начинаю убѣждаться, что я нарисовалъ портреты двухъ совершенно различныхъ людей. Но можно было бы найти еще третьяго Феодаса, потому что онъ—хорошій человѣкъ, милый человѣкъ, прекрасный человѣкъ».

Нерѣшительные люди тѣ, у которыхъ два или нѣсколько противоположныхъ стремленій держать другъ

друга въ равновѣсіи, или поочереди — одно другое. ✓ По-
ставленные лицомъ къ лицу съ нѣсколькими противорѣ-
чивыми рѣшеніями, не зная, какое изъ нихъ принять,
они выжидаютъ, взвѣшиваютъ, соображаютъ и, опасаясь
поступить невѣрно, воздерживаются, долго колеблются и
часто кончаютъ глупостью. Дѣйствительно, желая скрыть
изъ самолюбія свои сомнѣнія и нерѣшительность, они
въ концѣ концовъ принимаютъ первое попавшееся рѣ-
шеніе, которое можетъ оказаться наихудшимъ. Такой
недостатокъ характера иногда доходитъ до полнѣйшей
неспособности принять какое-нибудь рѣшеніе.

✓ Къ этому классу можно причислить людей сварли-
выхъ, такихъ, которые сами не знаютъ, чего хотятъ,
затѣмъ и людей боязливыхъ, мелочныхъ, неувѣренныхъ,
которые, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ цѣли, оста-
навливаются на всякомъ пустякѣ, желая этимъ прикрыть
свои вѣчныя сомнѣнія.

Детушъ вывелъ такого нерѣшительнаго человѣка на
сценѣ. Отецъ настаиваетъ, чтобы онъ женился, и онъ
согласенъ, но никакъ не можетъ сдѣлать выбора между
двумя невѣстами. Наконецъ, онъ рѣшается жениться на
Юліи. Но едва только бракъ заключенъ, какъ онъ съ
сожалѣніемъ восклицаетъ: «Кажется, лучше было же-
ниться на Селименѣ». Эти слова представляютъ лучшую
характеристику нерѣшительнаго человѣка.

Кто не наблюдалъ вокругъ себя подобныхъ субъек-
товъ? Поланъ приводитъ примѣръ молодого человѣка,
которому приходится дать рѣшительный отвѣтъ. Онъ
идетъ на почту съ двумя письмами, изъ которыхъ одно
содержитъ утвердительный, другое отрицательный от-
вѣтъ, и долго сомнѣвается, какое изъ нихъ опустить въ
ящикъ. Наконецъ, онъ опускаетъ письмо съ утвердитель-
нымъ отвѣтомъ и вслѣдъ затѣмъ ѣдетъ по желѣзной до-
рогѣ, чтобы на словахъ дать отрицательный отвѣтъ.

Англійскій поэтъ Кольриджъ также служитъ замѣча-
тельнымъ образцомъ этого типа. «Не только въ его время,
но и вообще, — пишетъ Карпентеръ, — не было человѣка,
который въ такой высокой степени соединялъ бы въ
себѣ силу мышленія философа, воображеніе поэта и вдохно-

веніе пророка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно никогда не было другого лица, которое такъ мало воспользовалось своими замѣчательными дарованіями. Онъ былъ такъ слабъ характеромъ, что не могъ имъ дать примѣненія. Онъ всегда носился съ многочисленными и грандіозными планами, но никогда серьезно не принимался за ихъ осуществленіе. Такъ, въ самомъ началѣ своего поприща онъ натолкнулся на щедрого издателя, обѣщавшаго заплатить ему 30 гиней за стихотворенія, которыя онъ ему продекламировалъ, причемъ было условлено, что сумма эта будетъ уплачена сполна при врученіи рукописи. Но Кольриджъ предпочелъ еженедѣльно являться къ издателю и выпрашивать у него недостойнымъ образомъ гроши для покрытія своихъ неотложныхъ потребностей и не написалъ ни одной строки, а между тѣмъ онъ зналъ стихотворенія наизусть». Карлейль говоритъ о немъ: «Въ наружности и манерѣ держать себя Кольриджа, хотя онъ былъ любезенъ и добръ, чувствовалась дряблость, нерѣшительность, какая-то слабость, не исключавшая, однако, возможности силы. Онъ какъ бы качался на своихъ ногахъ, колѣнки у него подгибались, ходилъ онъ сгорбившись. Его походка была неопредѣленная, неправильная, и когда онъ гулялъ по аллеѣ парка, то не держался одной стороны, а постоянно переходилъ зигзагами съ одной стороны на другую... И его бесѣда отличалась нерѣшительностью; онъ не умѣлъ считаться съ условіями, воздерживаться, преслѣдовать ясно намѣченную цѣль; онъ подчинялся охватившему его теченію». Замѣтимъ еще, что его сынъ, наслѣдовавшій отъ него значительныя способности, былъ такъ же слабъ волею.

Не менѣе ясно обозначенную форму характера представляетъ духъ противорѣчія. Мы назовемъ людей этого рода натурами противорѣчивыми. Г-жа Ментенонъ называла ихъ умами дурно скроенными или умами наизнанку, и сильнѣе всего ихъ опасалась, думая о своемъ Сень-сирскомъ институтѣ. Однажды воспитанницы голубого класса попросили ее объяснить имъ, что такое «умъ наизнанку», противъ котораго она такъ сильно ополча-

лась. «Такіе люди, напримѣръ,—отвѣтила она,—не хотятъ подчиняться правиламъ того мѣста, гдѣ они находятся. Имъ все не понутру. Они не могутъ примириться ни съ тѣмъ, что имъ даютъ, ни съ тѣмъ, что имъ предлагаютъ. Они никогда не соглашаются съ чужимъ мнѣніемъ, не любятъ доставлять другимъ удовольствіе, а напротивъ, вѣчно причиняютъ имъ непріятности; эти люди упорные въ своихъ фантазіяхъ и вѣчно считающіе себя правыми; они совершенно неспособны примѣниться ко вкусу и настроенію лицъ, съ которыми имъ приходится жить,—ну, и многое въ этомъ родѣ». √ Дѣйствительно, противорѣчивыя натуры никогда не соглашаются съ чужимъ мнѣніемъ. √ У нихъ самихъ нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія, онѣ даже не хотятъ составить себѣ его и выбираютъ всегда то мнѣніе, съ которымъ не соглашаются другіе. Всякая мысль невѣрна и всякое чувство дурно, если оно не исходитъ отъ нихъ. Мало того, онѣ оспариваютъ даже собственныя мнѣнія и чувства, когда они выражены другими, а не ими. Когда они хотятъ что-нибудь сдѣлать, и другой ихъ къ этому поощряетъ, они внезапно измѣняютъ рѣшеніе. Поланъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ человѣкъ, взявшій уже конфетку изъ коробки, быстро положилъ ее назадъ, когда его пригласили отвѣдать конфектъ. Подобно тому, какъ безсвязныя натуры силятся дѣлать все не такъ, какъ другіе, противорѣчивыя натуры озабочены главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы никогда не думать такъ, какъ думаютъ другіе. √ Мольеръ ихъ описываетъ людьми, которые вѣчно противорѣчатъ, не хотятъ быть одного мнѣнія съ другими, полагаютъ, что онѣ унизили бы себя, еслибы придерживались чужого мнѣнія, изъ любви къ противорѣчію встаютъ противъ собственнаго мнѣнія, если его высказываетъ кто-нибудь другой. Это — чрезвычайно мѣткая характеристика. «У нѣкоторыхъ людей, говоритъ Азанъ,—этотъ духъ противорѣчія такъ силенъ, что съ ними просто невозможно бесѣдовать; они ни съ чѣмъ не соглашаются, привязываются ко всякому пустяку; если они не интеллигенты, то безъ всякой причины постоянно раздражаются, и о нихъ говорятъ, что они—бѣшеные; они ча-

сто переходятъ въ нападеніе, ищутъ ссоры безъ всякаго повода и со всякимъ встрѣчнымъ и очень походятъ на тѣхъ мосекъ, которыя бѣшено лаютъ на слона».

Эти люди не только находятъ поводы къ ссорѣ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ для другихъ, но противорѣчіе составляетъ для нихъ непреодолимую потребность. «Когда въ теченіе нѣкотораго времени никто мнѣ не противорѣчитъ, я какъ будто чувствую потребность сердиться и, мысленно по крайней мѣрѣ, бороться съ другою волею. Мнѣ достаточно малѣйшаго повода. Если я его не нахожу, то сдерживаюсь, и тогда я вижу ночью во снѣ, что мною овладѣваетъ страшный гнѣвъ. Это случалось уже неоднократно».

Впрочемъ «этотъ типъ,—говоритъ Полянъ,—даже въ довольно чистомъ своемъ видѣ не обуславливаетъ собою сравнительное умственное или нравственное несовершенство. Напротивъ люди такого рода иногда воодушевлены прекрасными чувствами и обладаютъ вѣрнымъ сужденіемъ. Въ этомъ случаѣ получаютъ часто весьма забавныя явленія. Человѣкъ, склонный къ противорѣчію, инстинктивно желая быть полезенъ своему собесѣднику или воздать ему должное, раздражется противъ него, иногда приписываетъ ему странныя мысли или дурныя чувства, чтобы доставить себѣ удовольствіе ихъ опровергнуть. Впрочемъ, грубый и въ то же время добрый человѣкъ—типъ довольно извѣстный». Старая тетка Гертруда, о которой рассказываетъ Денойе въ своихъ «Похожденіяхъ Роберъ-Робера», отличалась «только однимъ недостаткомъ: она всегда высказывалась противъ мнѣнія своего собесѣдника. Въ этомъ отношеніи она всѣмъ была непріятна, хотя и готова была пожертвовать собою, чтобы избавить другого отъ малѣйшей непріятности. Она постоянно ворчала, когда ее просили о какой-нибудь услугѣ и вполголоса клялась, что не окажетъ ее, хотя тутъ же торопливо исполняла просьбу».

Къ этому типу близко подходятъ и люди, которые любятъ дразнить другихъ. Примѣромъ можетъ служить Мюссэ. Въ его «Исповѣди сына вѣка» герой отмѣчаетъ удовольствіе, какое онъ испытывалъ, высказывая своей любов-

ницѣ обидныя для нея вещи. «Сперва я оставлялъ при себѣ мои наблюденія; но потомъ мнѣ было пріятно высказывать ихъ Бригиттѣ. Твое платье очень хорошенькое,—говорилъ я ей:—знакомка моя имѣеть, кажется, такое же».

✓ Нѣсколько выше стоитъ типъ, который можно назвать рыцарскимъ. ✓Характеристическимъ признакомъ,—говоритъ Поланъ,—является стремленіе жертвовать своими выгодами или удовольствіями ради какого-нибудь принципа, и притомъ такъ, чтобы противоположность между этимъ образомъ дѣйствія и болѣе утилитарнымъ бросалась въ глаза. Вотъ на примѣръ случай, происшедшій съ Шельхеромъ и сообщенный Легувэ. Шельхеръ составилъ для «общества отмѣны рабства» выдающійся трудъ, вызвавшій общій восторгъ и удивленіе. Ламартинъ всталъ, направился прямо къ нему и протянулъ ему руку. «Милостивый государь,—сказалъ онъ,—мы васъ не благодаримъ; Богъ одинъ можетъ вознаградить васъ за вашу самоотверженность».—«Богъ?—отвѣтилъ Шельхеръ холодно.—Милостивый государь, я не вѣрю въ Бога!» Общее сочувствіе тотчасъ же замѣнилось чувствомъ неловкости и неодобренія. Ламартинъ не отдернулъ руки, но смутился. Шельхеръ понялъ вызванное имъ чувство и конечно огорчился, потому что очень дорожилъ одобреніемъ людей, которыхъ онъ уважаетъ. Отчего же онъ такъ отвѣтилъ?... Онъ сдѣлалъ это признаніе не только потому, что оно могло ему повредить, но именно потому, что оно могло ему повредить. ✓Встрѣчаются люди съ возвышенными чувствами и надменные, которые любятъ совершать подобнаго рода подвиги, правда свидѣтельствующіе о высокоуміи, но извиняемые, потому что въ нихъ чувствуется опасеніе, что молчаніе можетъ быть равносильно злоупотребленію сочувствіемъ».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Патологическіе типы.

Патологическія формы характера. Ипохондрія. Ея сущность. Жанъ-Жакъ Руссо. Другіе примѣры.—Меланхолія. Ея сущность. Чѣмъ она отличается отъ ипохондріи? Ея жертвы. Геранъ. — Истерія. Ея сущность. Г-жа Бовари.

Уже послѣднія изъ разсмотрѣнныхъ нами формъ характера могутъ быть признаны полуболѣзненными. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о формахъ вполне патологическихъ. Но мы разсмотримъ здѣсь только общія болѣзни характера, такія, которыя, по выраженію д-ра Бурдэ, «подобно организаціи, темпераменту и тому, что мы называемъ расположеніемъ тѣла къ болѣзнямъ, придаютъ поступкамъ человѣка своеобразный отпечатокъ, специальную окраску, вліяющую на умъ, чувства и движенія человѣка и устанавливающую между ними реакцію, не всегда одинаково мучительную». Слѣдовательно, мы устранимъ здѣсь значительное нарушеніе характера, вызываемое душевными болѣзнями, т. е. такимъ состояніемъ души, которое не имѣетъ ничего общаго съ изучаемымъ нами вопросомъ. Равнымъ образомъ мы только укажемъ на временныя или подчасъ даже продолжительныя измѣненія въ характерѣ, обусловленныя вліяніемъ органическихъ функцій (возмужалости, половыхъ процессовъ, пищеваренія), хроническихъ болѣзней (мрачнаго настроенія у людей страдающихъ ракомъ, печальнаго и раздражительнаго настроенія у чахоточныхъ), органическихъ недуговъ (злобнаго настроенія у горбатыхъ), по-

врежденія мозга, падучей болѣзни, отравленія нѣкоторыми ядами, болѣзни сердца, печени, желудка или мочеполювыхъ органовъ, дурныхъ привычекъ и т. д. Мы будемъ говорить только о трехъ болѣзняхъ: ипохондрии, меланхолии и истеріи.

Названіе ипохондрии, какъ извѣстно, греческаго происхожденія. Характеристическимъ признакомъ ея является робость, крайняя воспримчивость, болѣзненно настроенное воображеніе, такъ что человѣкъ считаетъ себя обиженнымъ не только невинными словами, но даже и молчаніемъ, явною любезностью или упущеніемъ ея по забывчивости, видитъ въ простомъ замѣчаніи горькій упрекъ или оскорбительное порицаніе, въ неудачѣ—порозоръ или вопіющую несправедливость.

Бурдэ говоритъ объ этой болѣзни слѣдующее: «Различныя ея ступени заключаются въ общемъ нервномъ разстройствѣ, чрезмѣрной впечатлительности, заставляющей больного жаловаться, находить удовольствіе въ своемъ угнетенномъ состояніи и въ постоянныхъ размышленіяхъ надъ угрожающими ему болѣзнями. Больному достаточно прочесть болѣе или менѣе основательную медицинскую книгу, чтобы впасть въ преувеличеніе своихъ болѣзненныхъ ощущеній и безконечно ими заниматься... Ипохондрикъ до такой степени любитъ прибѣгать къ лекарствамъ, что въ этомъ пристрастіи обыкновенно усматриваютъ одинъ изъ симптомовъ этой болѣзни. Больные безусловно, хотя и мимолетно, довѣряютъ разнымъ лечебнымъ средствамъ, постоянно ихъ разочаровывающимъ. Воображаемый больной Мольера служитъ врядъ ли преувеличеннымъ типомъ жертвы этой болѣзни». Эта чрезмѣрная впечатлительность, о которой говоритъ Бурдэ, поддерживаетъ въ ипохондрикѣ вѣчное недовольство своею судьбою: когда онъ холостъ, онъ жалуется на свое одиночество; когда онъ женатъ,—на тяжелыя обязанности, возлагаемыя на него семьею.

Вотъ въ какихъ чертахъ Бертонъ описываетъ ипохондрика: «Если двое въ его присутствіи бесѣдуютъ, перешептываются, шутятъ или что-нибудь рассказываютъ, онъ тотчасъ же предполагаетъ, что рѣчь идетъ о немъ,

и примѣняетъ всякое слово къ своей личности. Если же они непосредственно обращаются къ нему, то онъ истолковываетъ всякую фразу въ дурномъ смыслѣ. Онъ не переноситъ, чтобы на него смотрѣли въ упоръ или обращались съ нимъ съ нѣкоторою фамиллярностью, или смѣялись, или шутили, или указывали на него пальцемъ, кашляли, плевали и т. д. Онъ думаетъ, что къ нему относятся недостаточно уважительно, что его проводятъ, избѣгаютъ или смѣются надъ нимъ. Когда кто-нибудь пристально на него смотритъ, онъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, и его бросаетъ въ потъ отъ гнѣва и страха. Онъ долго размышляетъ надъ нанесенной ему обидой или находитъ въ полномъ замѣшательствѣ, когда воображаетъ, что надъ нимъ смѣялись». Когда подобный недостатокъ совпадаетъ у мыслителя съ большимъ даромъ наблюденія, онъ придаетъ ему исключительное направленіе. «Между выдающимися талантами,—говоритъ Моро, ипохондрики встрѣчаются довольно часто. Они разрабатываютъ главнымъ образомъ такіе вопросы, которые даютъ имъ возможность проявить свое дурное расположеніе духа. Они очень любятъ преувеличивать, какъ преувеличиваютъ все, касающееся ихъ здоровья. Чрезвычайно снисходительные къ себѣ, они копаются въ чужихъ недостаткахъ. Ихъ вниманіе всецѣло поглощено дурными сторонами человѣческой природы».

Нѣкоторые ипохондрики пользуются всеобщою извѣстностью, между прочимъ Тимонъ Человѣконенавистникъ, Свифтъ, Цимерманъ, Бетховенъ, живописцы Лемуанъ и Тернеръ. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи Ж. Ж. Руссо. «Истинною болѣзнью Руссо и источникомъ безконечныхъ для него страданій,—говоритъ Мармонтель,—было его роковое недовѣріе, легкость, съ какою онъ не только заподозрѣвалъ своихъ друзей, но вѣрилъ, что они совершили по отношенію къ нему гнусность или подлость, приписывалъ имъ низости, коварство, основываясь исключительно на игрѣ своего мрачнаго воображенія, затемнявшаго его мысли и отравлявшаго отношенія къ лучшимъ его друзьямъ, наконецъ бредъ затуманеннаго ума, робкаго, запуганнаго несчастіемъ. Онъ то

и дѣло порывалъ самымъ недостойнымъ образомъ связь съ людьми глубоко ему преданными, обвиняя ихъ въ томъ, что они подъ него подкапываются, что они шпионяютъ, готовы совершить измѣну и продать его врагамъ. Мнѣ извѣстны невѣроятные случаи этого рода». Въ свою очередь Карлейль пишетъ: «Однажды провинціалъ съ положеніемъ въ обществѣ, часто его навѣщавшій и привыкшій останавливаться у него и всегда относившійся къ нему съ большою любовью и уваженіемъ, заѣхалъ навѣстить его и засталъ въ самомъ ужасномъ настроеніи. «Вы, сударь,—говоритъ ему Руссо, гнѣвно сверкая глазами,—зачѣмъ собственно пріѣхали? Вы хотите убѣдиться въ моей нищетѣ, вы хотите знать, что я тамъ варю въ горшкѣ? Ну, и загляните въ этотъ горшокъ. Вы тамъ найдете полфунта мяса, одну морковку и три луковицы,—вотъ и все. А затѣмъ оповѣщайте весь міръ объ этомъ».

✓ Отличительный признакъ меланхоліи—все усиливающаяся печаль и мрачная окраска характера. Она встрѣчается главнымъ образомъ у людей нѣжнаго тѣлосложенія и пассивныхъ, которые перенесли продолжительную борьбу, незаслуженныя несчастія, рядъ разочарованій или безнадежную любовь. Тогда эти несчастные, убѣдившись въ тщетѣ своихъ усилій и въ крушеніи своихъ надеждъ, не знаютъ, какъ справиться съ собою, ищутъ уединенія и часто желаютъ только смерти.

Бурдэ мѣтко указываетъ на различіе между меланхоліей и ипохондріей. «Ипохондрикъ,—говоритъ онъ,—любитъ свое настроеніе и упорно возвращается къ мыслямъ, вызваннымъ у него тѣми или другими впечатлѣніями. Такъ какъ онъ постоянно занятъ своею личностью, то избѣгаетъ всего, что можетъ лишить его удовольствія думать о себѣ; онъ—угрюмъ и безпокоенъ, но онъ не печаленъ и не экспансивенъ... Меланхоликъ на него не походитъ. Его страданія можно назвать болѣе благородными, если вѣрно, что страданіе, когда его переносятъ съ достоинствомъ, облагораживаетъ человѣка. Во всякомъ случаѣ его страданія менѣ эгоистичны и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣ органичны, чѣмъ страданія ипохондрика. Меланхолики распространяютъ свою любовь на окружаю-

щую ихъ нравственную среду, и когда они обладаютъ способностями, они часто создаютъ прекрасныя литературныя произведенія, поражающія насъ своею печальною красотою».

Примѣры этого рода представляютъ Гамлетъ, Вертеръ, Ренэ, Оберманъ. «Въ началѣ трагедіи мы видимъ Гамлета въ припадкѣ меланхоліи: смерть отца, внезапный бракъ королевы ввергли его въ состояніе глубокой печали... На этой почвѣ то и дѣло зарождаются мрачныя мысли: все въ мірѣ скверно, жизнь невыносима... Правда, уже до смерти отца Гамлетъ по натурѣ своей былъ болѣе склоненъ размышлять, чѣмъ дѣйствовать. Это былъ философъ, обученный въ Витенбергѣ софистическому искусству, какъ видно изъ сцены съ могильщикомъ. Это былъ умъ мало способный противиться разрушительному вліянію печали. Но со времени смерти отца онъ уже дѣйствительно боленъ, и меланхолія подавляетъ его духъ и тѣло» (Дюма). Настроеніе Ренэ и романтиковъ хорошо извѣстно. «Это было, — говоритъ Леметръ, — горестное сознаніе полного несоотвѣтствія между стремленіями и волею, къ которому примѣшивались мечты, иллюзіи, смутныя вѣрованія и то, что называютъ меланхоліею». И Жанъ Жакъ Руссо былъ сперва меланхоликомъ, если судить по слѣдующимъ словамъ его «Исповѣди»: «Такъ я достигъ шестнадцати лѣтъ. Безпокойство, недовольство всѣмъ въ мірѣ и собою, нерасположеніе къ своимъ занятіямъ и къ развлеченіямъ своего возраста, бурный наплывъ желаній безъ опредѣленной цѣли, безпричинныя слезы и вздохи, пламенная любовь къ своимъ мечтамъ, потому что все окружающее не стоило моей любви, — вотъ чѣмъ наполнена была моя юность». Оберманъ «самъ не знаетъ ни себя, ни чего онъ желаетъ или что любить; онъ жалуется безъ причины, чего-то жаждетъ и чувствуетъ только, что онъ не на мѣстѣ, что его окружаетъ пустота, что онъ безконечно томится».

Независимо отъ этихъ поэтическихъ образовъ, и исторія представляетъ намъ наглядные примѣры жертвъ меланхоліи: Юнга, Чатертонъ, Купера (Вильяма), бѣднаго мечтателя Моро, Робера, Герэна.

Жизнь послѣдняго не представляет особеннаго интереса по своему драматизму, но раскрываетъ намъ очень типичное душевное состояніе. Онъ былъ Веніаминомъ своей семьи и отличался «слабымъ здоровьемъ и тою безотчетною печалью, которая иногда наблюдается у людей, которымъ суждено рано умереть». Его сестра Евгенія «изображаетъ его ребенкомъ преждевременно развитымъ, мечтательнымъ, съ пылкимъ воображеніемъ. Семейныя несчастія уже въ раннемъ возрастѣ усилили его нервную впечатлительность. «Шести лѣтъ, — пишетъ онъ, — я лишился матери. Я видѣлъ, какъ мой отецъ убивался, какъ печаль царяла въ домѣ, и я самъ привыкъ быть печальнымъ. Мы жили съ семьей въ деревнѣ, и меня окружало одиночество. Я никогда не знавалъ ни игръ, ни шумнаго веселья дѣтства и юности. Я былъ единственнымъ ребенкомъ въ домѣ, и впечатлѣнія, которыя я выносилъ, не изглаживались играми и развлеченіями въ обществѣ товарищей однолѣтокъ. Я ихъ всецѣло хранилъ въ душѣ, и они давали свои плоды». Въ такомъ настроеніи онъ сосредоточивался въ себѣ, искалъ уединенія, сидѣлъ подъ какимъ-нибудь деревомъ, глядя вдаль. Тринадцати лѣтъ его опредѣлили въ гимназію. Онъ былъ прилежнымъ, серьезнымъ, сдержаннымъ воспитанникомъ, хотя свѣдѣній объ его пребываніи въ гимназіи сохранилось немного. Любилъ онъ преимущественно изучать древность, былъ очень робкаго характера, такъ что терялся передъ товарищами и неохотно говорилъ. Но тѣмъ не менѣе онъ не былъ лишенъ гордости, и уже тогда его мучило чувство собственнаго безсилія, испортившее ему жизнь. «Я полагаю, — пишетъ онъ, — что причина моихъ страданій — гордость... болѣе воспримчивая къ презрѣнію, чѣмъ ко всякой другой обидѣ. Но на ряду съ этимъ недостаткомъ Провидѣніе дало мнѣ не менѣе сильное и глубокое чувство, — собственнаго ничтожества. Борьбою между этими двумя противоположными элементами обусловливается доля моихъ страданій. Никто хуже меня самого обо мнѣ не думаетъ». — Его воображеніе, возбужденное усиленнымъ трудомъ, рисовало ему часто самыя мрачныя

картины. Во снѣ онъ видѣлъ могилы, мертвецовъ; наяву онъ опасался ошибиться, не удовлетворить ни себя, ни своихъ учителей. Все это вызвало въ немъ потребность довѣриться кому-нибудь, и онъ вспомнилъ о своей сестрѣ Евгеніи, которую не видѣлъ съ пяти-лѣтняго возраста... Вотъ тутъ и началась между ними переписка, прерванная только смертью... Онъ пишетъ ей о нерѣшительности своего характера, объ устрашающей его житейской борьбѣ, о своемъ уваженіи къ ней. Онъ спрашиваетъ у нея совѣтовъ, поддержки, разъясняетъ, почему онъ остановился на ней. «Во всей нашей семьѣ,— пишетъ онъ,— ты больше всего подходишь къ моему характеру, насколько я могъ себѣ его уяснить изъ твоихъ стиховъ, полныхъ тихой мечтательности, нѣжнаго чувства, меланхолии, которая, какъ мнѣ кажется, составляетъ сущность и моего характера».— По окончаніи гимназическаго курса онъ посвятилъ себя изученію юриспруденціи, нѣсколько разъ прерывалъ свои занятія ею, снова возвращался къ ней, но въ общемъ она его не удовлетворяла. Ему стукнуло двадцать лѣтъ, когда его прельстилъ пламенный католицизмъ Ламенэ. Онъ отправился къ знаменитому проповѣднику, сгорая отъ желанія успокоиться въ тихомъ уединеніи. Онъ весь предался молитвѣ. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ онъ велъ благочестивую жизнь, предаваясь размышленіямъ, изученію богословскихъ вопросовъ, выходя изъ своей кельи только для общенія съ товарищами или для длинныхъ пѣшихъ прогулокъ въ лѣсу. Но монастырь былъ закрытъ, и онъ снова вернулся въ парижскую сутолоку. Онъ пробовалъ принять участіе въ журналистикѣ, но не могъ зарабатывать перомъ себѣ хлѣбъ, затѣмъ получилъ мѣсто учителя, и когда его лишился, сдѣлался репетиторомъ. И измученный этой борьбою, онъ уже безъ сопротивленія, какъ самъ въ этомъ сознается, переносилъ возрожденіе надежды и разочарованія, и былъ счастливъ, когда могъ стаканомъ воды утолить жажду, а кускомъ хлѣба голодь. Къ тому же нѣжныя письма сестры поддерживали, ободряли его. Въ одномъ изъ этихъ писемъ она пишетъ: «Говори, объяснись, раскройся мнѣ; я хочу

знать, какъ и почему ты страдаешь. Иногда мнѣ кажется, что всѣ твои страданія вызываются только тою мрачною грустью, которая таится въ нашемъ сердцѣ и заставляетъ насъ страдать, когда она усиливается. Надо отъ нея отдѣлаться, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что этотъ ядъ дѣйствуетъ быстро и сводитъ насъ съ ума или превращаетъ насъ въ животное... Всякая страсть насъ оскотиниваетъ. И печаль — такая же страсть: она сокрушаетъ, увы! многихъ людей. Когда она нами овладѣваетъ, она насъ губитъ, не даетъ намъ исполнять нашихъ обязанностей. Если мы видимъ, что человекъ печаленъ, мы требуемъ отъ него только того, что онъ самъ склоненъ сдѣлать по своему настроенію». Это значило коснуться большого мѣста. Рожденная и непреодолимая печаль, — вотъ истощавшій его недугъ. Однажды, желая вкратцѣ изложить смыслъ своей жизни, онъ ее опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: попеременныя порывы и припадки слабости, подъемъ воображенія и душевная прострація, пламенные, безумныя мечты и полное охлажденіе. Это опредѣленіе вѣрно: пустяки его смущали, стѣсняли, разстраивали... онъ поминутно жалуется на свое безсиліе... Слабое дитя охотнѣе сильнаго ищетъ ласкъ матери. На ея груди оно чувствуетъ себя сильнѣе: бодрость матери ему передается. Для Герэна матерью была природа. Уже съ раннихъ лѣтъ она его прельщала и опьяняла. Онъ съ особенною силою чувствуетъ ея врачующее вліяніе... Это неопреодолимое стремленіе къ природѣ было и его слабостью, и его силою, — слабостью, потому что страсть къ ней продиктовала ему десять вдохновенныхъ страницъ извѣстнаго «Центавра», въ которомъ онъ соединилъ все, что онъ чувствовалъ, зналъ, чѣмъ былъ и чѣмъ могъ быть. Но послѣ того, какъ онъ далъ міру свою созрѣвшую мысль, ему оставалось только, по его же выраженію, завянуть, умереть, подобно безплодному цвѣтку. Дѣйствительно спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ, не достигнувъ еще тридцати лѣтъ, палъ жертвою грудной болѣзни, давно подтачивавшей его силы».

Истерію нѣкоторые признаютъ рѣзко выраженнойю

формою женскаго характера. Такъ на примѣръ Ришэ пишетъ: «Легкая форма истеріи является одною изъ разновидностей женскаго характера. Можно даже сказать, что истеричная женщина — настоящая женщина: чувства ея мимолетны и живы, воображеніе подвижно и блестяще, кромѣ того она неспособна подчинять ихъ разуму». Но правильнѣе считать истерію преувеличеннымъ типомъ непостоянства, подобно тому, какъ ипохондрики и меланхолики являются преувеличенными типами впечатлительныхъ или созерцательно-впечатлительныхъ натуръ. Дѣйствительно, вотъ какъ описываютъ доктора Аксенфельдъ и Гюшаръ эту форму характера, встрѣчаемую впрочемъ только у женщинъ: «Одна изъ основныхъ чертъ ихъ характера—подвижность. Со дня на день, съ часа на часъ, даже съ минуты на минуту онѣ съ необычайною быстротою переходятъ отъ радости къ печали, отъ смѣха къ слезамъ. Непостоянныя, причудливыя и капризныя, онѣ говорятъ иногда съ неизменною поспѣшностью, а въ другое время становятся мрачными и молчаливыми, ко всему безучастными или погружаются въ свои мечты; тогда ими овладѣваетъ чувство смутной и неопредѣленной тоски, сопровождаемое разными ощущеніями вродѣ сжиманія въ горлѣ, поднимающагося шарика, тяжести въ желудкѣ. Онѣ раздражаются рыданіями или плачутъ въ уединеніи. Но эти слезы смѣняются иногда неумѣреннымъ смѣхомъ безъ всякой видимой причины. Они ведутъ себя — говоритъ Ришэ—какъ маленькія дѣти, которыя громко хохочутъ, когда еще слезы не высохли на ихъ щекахъ. Ихъ характеръ представляетъ настоящій калейдоскопъ, такъ что Сиденгэмъ могъ о нихъ сказать, что наиболѣе постоянно въ нихъ—непостоянство. Вчера еще онѣ были игривы, любезны, граціозны; сегодня онѣ въ дурномъ расположеніи духа, обидчивы, раздражительны, ворчливы, недовольны своею судьбою, сердятся изо всякаго пустяка, ничто ихъ не интересуеть, все имъ наскучиваетъ. Имъ внушаетъ живѣйшую антипатію человѣкъ, котораго еще вчера онѣ любили и уважали, или наоборотъ. Недавно онѣ еще окружали человѣка своею заботливостью

и нѣжностью, а смотришь — теперь преслѣдуютъ его своею ненавистью... Иногда онѣ воодушевляются пустякомъ, въ то время какъ относятся довольно безучастно къ крупнымъ фактамъ. Большое несчастіе ихъ повидимому не трогаетъ, но непонятое слово заставляетъ ихъ проливать слезы, приводитъ ихъ въ отчаяніе, легкая шутка представляется имъ кровною обидою... Онѣ бываютъ и смиренны и заносчивы, — говоритъ Моро, — и нѣжны и жестоки, до крайности впечатлительны, рѣдко могутъ подавить первое душевное движеніе, неспособны противодѣйствовать самымъ противоположнымъ впечатлѣніямъ и представляютъ собою недостатокъ равновѣсія между высшими нравственными способностями, волею, совѣстью и низшими инстинктами, страстями и желаніями. Азанъ говоритъ въ свою очередь: женщина, вчера еще охотно смотрѣвшая на казнь преступника, завтра съ поразительнымъ самоотверженіемъ будетъ ухаживать за раненымъ или за холернымъ. Эта необычайная подвижность ихъ ума и сердца, эта неустойчивость характера объясняютъ, почему онѣ не могутъ долго сосредоточить вниманія на книгѣ или какомъ-нибудь другомъ занятіи. Всѣ указанные измѣненія происходятъ съ большою быстротою. Побужденія тотчасъ же превращаются въ дѣйствія. Вотъ почему мы видимъ внезапный гнѣвъ и негодованіе, безотчетное воодушевленіе, бурное отчаяніе, бѣшеную радость, сильные порывы любви или припадки вспыльчивости, во время которыхъ онѣ, какъ избалованныя дѣти, колотятъ ногами, ломаютъ мебель, испытываютъ непреодолимую потребность побить... Онѣ подчиняются страсти. Всѣ эти разнообразныя формы характера и душевнаго состоянія могутъ быть выражены слѣдующею краткою формулою: онѣ не желаютъ, не умѣютъ, не могутъ хотѣть». Дѣйствительно, именно потому, что ихъ воля всегда колеблется и имъ измѣняетъ, потому что она никакъ не можетъ придти въ равновѣсіе, потому что она вѣчно вертится, какъ флюгарка, истеричныя проявляютъ такую подвижность, такое непостоянство въ своихъ желаніяхъ, мысляхъ и привязанностяхъ. Но, не смотря на эту подвижность и стреми-

тельность, истеричные не отличаются откровенностью. ✓ Всѣ они болѣе или менѣе лгутъ, и притомъ не столько по расчету, сколько просто, чтобы солгать. ✓ Они любятъ ложь или вѣрнѣе обманъ. ✓ Имъ очень нравится вводить другихъ людей въ заблужденіе, рассказывать что нибудь невѣрное или даже невѣроятное, приписывать себѣ то, чего они не дѣлали, или разукрашивать то, что они сдѣлали, небывалыми подробностями. ✓ Все это говорится прямо, рѣзко, съ хладнокровіемъ, которое васъ озадачиваетъ. Прибавимъ къ этой картинѣ еще преувеличеніе дѣйствительныхъ страданій, воображаемая страданія, непреодолимую потребность вызвать въ другихъ жалость или сочувствіе, столь же сильное, какъ сильны дѣйствительныя или воображаемая страданія. ✓ Всѣ эти характеристичныя черты истеріи встрѣчаются болѣе или менѣе у женщинъ, пораженныхъ ею не особенно сильно, и насъ здѣсь занимаетъ только этотъ случай. Но онѣ еще рѣзче выражены и сопровождаются полною или мѣстною нечувствительностью, судорогами, даже бредомъ у женщинъ съ сильно развитою истеріею. Такъ напримѣръ, больныя въ Сальпетриерѣ страдаютъ такою сильною нервною воспримчивостью, что онѣ сами вызываютъ въ себѣ состояніе гипноза при мысли, что ихъ собираются усыпить. Изъ всего этого видно, что истерія и сумасшествіе далеко не одно и то же. При сумасшествіи болень умъ; истерія представляетъ собою скорѣе форму характера, чѣмъ болѣзнь ума. Въ этомъ и заключается психологическій интересъ истеріи. Умъ блестящій, память прекрасная, фантазія богатая. Въ душевной жизни замѣчается только одинъ недостатокъ, именно неспособность воли подчинить себѣ страсти. Дѣйствительно, воля кажется намъ одною изъ самыхъ нѣжныхъ частей душевнаго механизма, и какъ только ядовитое вещество нарушаетъ правильное отправленіе умственныхъ функцій, дѣло всегда начинается съ того, что воля не подчиняетъ себѣ движеній страсти» (Ришэ).

✓ Въ легкой формѣ истерія встрѣчается очень часто, потому что именно ее-то и называютъ «нервами» у женщинъ. Вотъ почему наши беллетристы не рѣдко изобра-

жали ее, преимущественно съ тѣхъ поръ, какъ стали смѣшивать искусство и патологию. Очень вѣрное изображеніе истеріи дали намъ главнымъ образомъ Октавъ Фелье, Анатоль Франсъ, Альбертъ Дельпи и братья Гонкуры («Жермини Ласертэ»).

Но изъ всѣхъ истеричныхъ, изображенныхъ намъ беллетристами, наиболѣе реальна г-жа Бовари, это замѣчательное твореніе Флобера. Воспитанная въ монастырѣ среди дѣвушекъ богаче ея, Эмма Руо выходитъ замужъ за скромнаго деревенскаго врача, Шарля Бовари, тупого малаго, бѣдность и провинціальныя манеры котораго разрушаютъ ея иллюзіи. вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней обнаруживается нервозность. «Эмма становится необходимою, капризною; ежедневно она заказываетъ исключительно для себя кушанья, которыхъ потомъ не ѣсть: сегодня она пьетъ только одно молоко, завтра поглощаетъ кофе въ огромномъ количествѣ. Часто случалось, что она то упорно сидитъ дома, то ей не хватаетъ воздуха, она раскрываетъ окна, одѣвается легко... Она начинаетъ выказывать презрѣніе ко всему и ко всѣмъ, иногда говорить очень странныя вещи, порицаетъ то, что другіе хвалятъ, и одобряетъ безнравственные поступки... Будетъ ли эта бѣдность вѣчно продолжаться? Неужели нѣтъ выхода? Вѣдь она не хуже другихъ, живущихъ въ довольствѣ. И вотъ она начинаетъ роптать на несправедливость Творца. Она прислоняется головою къ стѣнѣ и плачетъ, завидуя тѣмъ, кто живетъ бурно, проводитъ ночи въ маскарадахъ, предаваясь нескромнымъ удовольствіямъ, которыхъ она сама не знала... Она по временамъ блѣднѣла и страдала припадками сердцебіенія... Иногда она болтала съ лихорадочною поспѣшностью, но это вдругъ смѣнялось состояніемъ полной неподвижности и молчаливостью... Она купила себѣ скамеечку для молитвы въ готическомъ стилѣ, израсходовала въ теченіе одного мѣсяца четырнадцать франковъ на лимоны для чистки ногтей, выбрала у Лёрё самый красивый поясъ, надѣла его сверхъ капота и, закрывъ ставни, съ книгою въ рукахъ лежала на диванѣ въ этомъ своеобразномъ нарядѣ. Ей захотѣлось выучиться по-итальянски: она на-

купила словарей, грамматику, много писчей бумаги. Она пыталась заниматься серьезнымъ чтеніемъ, изучать исторію, философію... Она иногда находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи, что ее легко было заставить совершить какую-нибудь глупость. Однажды она поспорила съ мужемъ, что выпьетъ полъ-стакана водки, и такъ какъ Шарль имѣлъ неосторожность въ этомъ усомниться, то она дѣйствительно это сдѣлала, выпивъ водку до послѣдней капли».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сравнительная оцѣнка разныхъ характеровъ.

Относительныя преимущества существенныхъ типовъ характера. Достоинства и недостатки типовъ эмоциональнаго, разсудочнаго и созерцательно-дѣятельнаго. Превосходство уравновѣшеннаго типа. Это — идеальный типъ, въ которому воспитатель долженъ стремиться.

Хотя различныя формы характера и не могутъ переходить одна въ другую, онѣ, какъ мы видѣли, имѣютъ то общее между собою, что всѣ обуславливаются преобладаніемъ или соединеніемъ въ различной степени трехъ существенныхъ психическихъ элементовъ: чувства, ума и воли. Чтобы рѣшить занимающій насъ вопросъ, т. е. выяснить, какой характеръ слѣдуетъ считать идеальнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на что должны быть направлены усилія воспитателя, мы должны теперь установить относительное достоинство каждаго изъ характеровъ, въ которомъ преобладаетъ одинъ изъ указанныхъ элементовъ, равно какъ и сравнительное достоинство характера, содержащаго въ себѣ всѣ три элемента почти въ равной степени.

Прежде всего спросимъ себя, чего мы должны опасаться или ожидать со стороны характера съ рѣшительнымъ преобладаніемъ впечатлительности? На этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ Маріонъ. «Сильная впечатлительность, — говоритъ онъ, — составляетъ помѣху для правильной дѣятельности, если она не подчинена разуму. Она удесятеряетъ наши силы, если не для совершенія

добра, то для совершенія зла. Тутъ середины нѣтъ. Люди съ сильною впечатлительностью, способные на такія же сильныя увлеченія, не могутъ быть нравственными посредственностями. Я даже не исключаяю того случая, когда чрезвычайная впечатлительность заставляеть человѣка растрачивать свои силы по пустякамъ: вѣдь и это уже составляетъ важный недостатокъ въ нравственномъ отношеніи». Маріонъ добавляетъ: «Ничто такъ не вредить уму, какъ тревога сердца. Уже Монтэнъ замѣтилъ: «Вліяніе страстей нельзя признать поверхностнымъ; оно распространяется на разумъ, заражаетъ и портитъ его».

✓Отсутствіе мѣры и разсудительности, — вотъ опасности, угрожающія страстному человѣку. Но есть, правда, и положительная сторона, которою нельзя пренебрегать. «При совершенно равныхъ условіяхъ, — говоритъ тотъ же Маріонъ, — впечатлительная душа болѣе способна къ совершенствованію. Она стоитъ неизмѣримо выше, если воодушевлена добромъ. Тогда дѣйствительно оправдывается прекрасная мысль Паскаля, что сердце — своего рода чувствительный разумъ, болѣе пронидательный и могущественный». Дж. Ст. Милль высказывается въ томъ же смыслѣ. «Сильная впечатлительность, — говоритъ онъ: — служить орудіемъ и условіемъ возможности въ высокой степени владѣть собою. Но къ этому она должна быть подготовлена. Тогда она создаетъ не только героевъ перваго душевнаго движенія, но и героевъ владѣющей собою воли». Исторія и опытъ подтверждаютъ, что наиболѣе страстные люди проявляютъ и наибольшую устоячивость въ сознаніи своего долга, когда страсть ихъ направлена въ эту сторону».

Таковы въ общемъ достоинства и недостатки эмоціональнаго типа. Посмотримъ теперь, каковы соотвѣтственные аргументы за и противъ разсудочнаго типа.

✓«Все, что на свѣтѣ сдѣлано прочнаго и великаго, — говоритъ одинъ видный психологъ: — принадлежитъ созерцательнымъ умамъ, мыслителямъ. Плодотворная работа человѣчества совершена спокойно, безъ шума и торопливости тѣми мыслителями, «которые проваливаются въ колодезь, наблюдая за звѣздами». Шумливые, безпо-

койные люди, политическіе дѣтели, завоеватели, наполняющіе исторію своими глупостями, если взглянуть на нихъ со стороны, въ сущности очень мало сдѣлали для человѣческаго прогресса. Когда исторія, такъ, какъ она понимается теперь, т. е. въ смыслѣ собранія анекдотовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія любопытства нѣсколькихъ наивныхъ читателей, будетъ замѣнена исторіею, написанною мыслителями для мыслителей, люди будутъ поражены, какъ мало дѣятельность «кричащихъ знаменитостей» измѣнила широкое теченіе цивилизаціи. Истинные герои исторіи, т. е. великіе инициаторы въ области науки, искусства, литературы, философіи, промышленности займутъ по праву принадлежащее имъ мѣсто главныхъ дѣтелей. Бѣдные мечтатели вродѣ Ампера, никогда не умѣвшаго зарабатывать деньги, служившаго посмѣшищемъ для своей привратницы, больше сдѣлали своими открытіями для измѣненія общественнаго строя и даже для современнаго веденія войнъ, чѣмъ Бисмаркъ и Мольтке, вмѣстѣ взятыя. Жоржъ Виль больше сдѣлалъ и еще сдѣлаетъ для сельскаго хозяйства, чѣмъ послѣдовательныя усилія пятидесяти министровъ земледѣлія».

Взглядъ этотъ представляется мнѣ совершенно вѣрнымъ. Но вотъ оборотная сторона медали. Прежде всего люди созерцательные подвергаются той опасности, что могутъ утратить всякое сочувствіе, всякій интересъ къ вопросамъ, не касающимся предмета ихъ созерцанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дойти до полного безучастія къ требованіямъ жизни. Бальзакъ представилъ намъ поразительный примѣръ этого рода эгоизма въ лицѣ своего Балтазара Кляэса, совершенно поглощеннаго единственною своею страстью къ наукѣ и доходящаго до того, что онъ забываетъ о женѣ, дѣтяхъ, о самомъ себѣ, истощаетъ всѣ свои средства и кончаетъ нищетою, всецѣло занятый своимъ «Ислѣдованіемъ абсолюта».

Кромѣ того, этого рода созерцательныя натуры рискуютъ утратить всякую рѣшительность и энергію. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу извѣстный критикъ о Раблѣ. «Этому великому библіофилу казалось, что

міръ созданъ для книгъ, а не книги для міра. Это — отличительный признакъ монашескаго по существу ума, неизлѣчимо сосредоточеннаго на созерцаніи и изученіи, неспособнаго къ дѣятельности, чуждаго практической жизни. Когда человѣкъ любитъ литературу для нея самой, онъ становится равнодушнымъ къ жизни, на самомъ дѣлѣ только искусно отражаемой литературою, и человѣческія дѣла, какой бы оборотъ они ни принимали, представляются ему только болѣе или менѣе любопытнымъ зрѣлищемъ. Вотъ почему Раблэ восторгается книжною торговлею Сень-Виктора и безконечно наслаждается каталогомъ всѣхъ этихъ схоластическихъ глупостей. Однимъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ его товарищей монаховъ противъ Раблэ было то, что онъ назначалъ деньги, выручаемыя имъ проповѣдью, не на общую трапезу, а расходовалъ ихъ на содержаніе большой бібліотеки, въ которой онъ проводилъ большую часть своего времени, перелистывая книги. Вотъ почему онъ въ очень интересномъ мѣстѣ своего «Пантагрюэля» подъ предлогомъ повиновенія монарху противопоставляетъ бездѣйствіе и пассивность героическимъ наклонностямъ своего донъ-Кихота, сбѣжавшаго изъ монастыря кавалера Дезентаюра. Этотъ бравый и предприимчивый товарищъ, снѣдаемый жаждою дѣятельности, сокрушающій враговъ, ведущій борьбу съ бурей, пашущій, защищающій угнетаемыхъ, хотѣлъ бы уничтожить огнемъ и мечемъ всѣхъ притѣснителей по примѣру Геркулеса, убивавшаго разбойниковъ и чудовищъ для освобожденія народа отъ тираній. «Идемъ», — говоритъ онъ, — и братъ Жанъ уже поднимаетъ руку, когда братъ Францискъ тихонько останавливаетъ его за рукавъ. «Конечно, мы могли бы поступить, какъ Геркулесъ, — возражаетъ онъ; но мы вѣдь не получили приказанія отъ Евристея». Евристей это — Пантагрюэль, который ко всему присматривается, иногда съ грустью, по большей части съ улыбкою на устахъ, но проходитъ мимо, ничѣмъ не помогая людскому горю».

Карлейль въ оригинальной формѣ указываетъ на опасность, вызываемую чрезмѣрнымъ анализомъ, раз-

счетливостью, разсудительностью. «Еслибы лисица,—говорить онъ,— проводила все свое время въ меланхолическихъ и желчныхъ размышленіяхъ надъ своею несчастною судьбою, надъ тѣмъ, что и природа, и злой рокъ, и другія лисицы такъ дурно обращаются съ нею, еслибы она не обладала отвагою, быстротою, практическою сноровкою и другими свойствами, присущими ея породѣ, то она не поймала бы ни одного гуся».

Поэтому на ряду съ людьми идеи должны встрѣчаться и люди дѣла, и эта роль скорѣе принадлежит натурамъ энергическимъ. ✓ «Сила воли,—говорить Бальмесъ:—дѣлаетъ людей во время сраженія храбрыми, она поддерживаетъ бодрость духа при страданіяхъ, преодолеваетъ всѣ препятствія, не унываетъ при неудачахъ, переноситъ самые сильные удары; она остается сегодня тѣмъ, чѣмъ была вчера, чѣмъ будетъ завтра; безъ нея нѣтъ возможности окончить труднѣе и сложное предпріятіе; она составляетъ отличительную черту тѣхъ людей, которые оставили послѣ себя слѣды, которые продолжаютъ жить въ памятникахъ, ими воздвигнутыхъ, въ учрежденіяхъ, ими созданныхъ, въ переворотахъ, ими совершенныхъ или предотвращенныхъ; ею обладали основатели имперій или новыхъ религій, смѣлые путешественники, открывшіе новыя части свѣта, изобрѣтатели, посвящающіе всю свою жизнь какой-нибудь идеѣ, государственные люди, желѣзною рукою перестроившіе общество, наложившіе на него печать, которую вѣка не могли изгладить. Она создала изъ простыхъ монаховъ Сикста V и Хименеса... Въ обыкновенной жизни можетъ быть она требуется въ меньшей степени, но тѣмъ не менѣе она всегда очень полезна и часто необходима въ извѣстной мѣрѣ, соотвѣтствующей общественному положенію даннаго лица. Нѣкоторые люди обязаны ей своимъ превосходствомъ въ умѣнн вести дѣла, и мы должны признать, что полное ея отсутствіе совпадаетъ съ полнымъ безсиліемъ».

✓ Но и тутъ есть обратная сторона медали: сильная воля, не руководимая разумомъ, легко превращается въ упрямство, которое можно признать крупнымъ недостаткомъ».

комъ, потому что оно дѣлаетъ насъ глухими къ чужимъ совѣтамъ, порабощаетъ насъ нашимъ чувствамъ, страстямъ и рѣшеніямъ, вопреки всѣмъ соображеніямъ справедливости или благоразумія.

И такъ, всѣ три существенныя формы характера имѣютъ свойственныя имъ преимущества, но въ то же время и свои недостатки, вызываемые слабостью или отсутствіемъ элементовъ, необходимыхъ для того, чтобы восполнить или проявить главный свой элементъ или дать ему надлежащій противовѣсъ. Въ виду всего этого наиболее желательнымъ характеромъ представляется намъ тотъ, въ которомъ различныя способности встрѣчаются если не въ совершенно равной степени, то по крайней мѣрѣ въ гармоническомъ сочетаніи, а это можно сказать о характерѣ уравнишенномъ. Но умъ долженъ быть руководителемъ. Какъ замѣтилъ еще Платонъ, внутренняя гармонія обуславливается подчиненіемъ страстей волѣ. воли—разуму, а разума—нравственному закону.

Поланъ прекрасно выясняетъ преимущества уравнишеннаго характера: Самъ по себѣ и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ уравнишенный характеръ представляетъ собою преимущество, потому что для даннаго психологическаго организма онъ обладаетъ наивысшею степенью относительной систематизаціи, наибольшимъ совершенствомъ, совмѣстнымъ съ его сущностью. Его достоинство будетъ въ значительной степени зависѣть отъ достоинства совмѣщающихся въ немъ стремленій. Прибавимъ еще, что уравнишенный характеръ, не встрѣчающійся никогда въ чистомъ видѣ, потому что вполнѣ уравнишенныхъ людей не существуетъ, а всякій человѣкъ болѣе или менѣе уравнишенъ, представляетъ много прелести, когда онъ сильно развитъ, даже въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ зауряднымъ. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ общая гармонія нарушается, превосходство ослабѣваетъ... Общая гармонія стремленій выражается, смотря по обстоятельствамъ, въ разныхъ чертахъ характера. Такъ на примѣръ, мягкость нрава является результатомъ равновѣсія способностей и чувствъ, насколько она способствуетъ раздражительности,

вспыльчивости, свидѣтельствующимъ о преобладаніи, иногда чисто временномъ, но очень опредѣленномъ, одного какого-нибудь чувства и впечатлѣнія. Прямота въ поведеніи и въ мысляхъ служитъ проявленіемъ того же свойства: точность, ясность въ мысляхъ и чувствахъ противодѣйствуетъ беспорядочности и смятенію, вызываемымъ столкновеніемъ мыслей, или обрывковъ мыслей, плохо усвоенныхъ даннымъ индивидомъ, вкусовъ и пристрастій, которые онъ не въ состояніи примирить. Степенность, серьезность бываютъ иногда послѣдствіями общаго духовнаго равновѣсія человѣка, который, предвидя будущее и уясняя себѣ возможныя опасности, не легко поддается экспансивности и чувству радости. Съ другой стороны, если опасеній нѣтъ или если самое стремленіе къ уравновѣшенности вызываетъ временное ихъ забвеніе, то духовное равновѣсіе, особенно когда оно сопровождается физическимъ, вызываетъ въ человѣкѣ умѣренную веселость. Другія свойства вызываются особенною формою общей гармоніи, смотря по стремленіямъ, присущимъ данной личности и болѣе или менѣе въ равной мѣрѣ совмѣстимымъ съ уравновѣшенностью, каковы: твердость, правдивость, гибкость и т. д.»

Можетъ ли воспитатель достигнуть такого выгоднаго равновѣсія психическихъ элементовъ у своихъ воспитанниковъ и, если можетъ, то какими средствами располагаетъ онъ для этого,—вотъ вопросъ, къ обсужденію котораго мы теперь приступаемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Воспитаніе характера.

Противорѣчивые взгляды философовъ на роль воспитанія: Гельвецій и Спиноза. Успѣшность воспитанія. Примѣръ герцога Бургундскаго. Благопріятное мнѣніе нѣкоторыхъ физиологовъ. Важное значеніе самовоспитанія. Примѣры. Необходимость установленія идеала. Приемы воспитателя. Воздѣйствіе на темпераментъ. Методъ воздѣйствія на стремленія, заключающійся, смотря по давнему случаю, въ поощреніи и развитіи или въ подавленіи и борьбѣ. — Воспитаніе чувствъ: во-первыхъ, надо пробудить въ ребенкѣ симпатію, уясняя ему чужія страданія, проявляя къ нему самому расположеніе и прибѣгая къ соотвѣтственнымъ разсказамъ; во-вторыхъ, бороться противъ апатіи; въ-третьихъ, упорядочить впечатлительность, подавляя склонность къ гнѣву и гордости, духъ противорѣчія и непостоянство. — Воспитаніе воли. Его необходимость, но съ двумя предосторожностями: во-первыхъ, надо уважать самостоятельность ребенка; во-вторыхъ, не уступать всѣмъ его капризамъ. Польза разумной дисциплины. Вліяніе регулярнаго труда на развитіе воли. Вниманіе и привычка. Средства увеличенія энергій: во-первыхъ, возбудить въ ребенкѣ довѣріе къ себѣ; во-вторыхъ, пробудить въ немъ чувства, облегчающія ему усилія, направленныя къ достиженію цѣли; въ-третьихъ, приводить ему примѣры изъ жизни великихъ благодѣтелей человѣчества; въ-четвертыхъ, устранить изъ класснаго преподаванія все, что можетъ вести къ обезсиленію воспитанниковъ и наоборотъ пользоваться предметами преподаванія для того, чтобы упрочить мужество; въ-пятыхъ, воспользоваться физическимъ воспитаніемъ. — Внушеніе, какъ средство нравственнаго воспитанія. — Заключение.

Мыслители расходятся во взглядахъ на роль воспитанія въ эволюціи нравственности. «Въ прошломъ вѣкѣ, — говоритъ Гюйо: — значеніе воспитанія преувеличивалось до того, что Гельвецій могъ наивно спрашивать, — не вызывается ли вся разница между людьми образованіемъ и средою, и нельзя-ли путемъ воспитанія сдѣлать чело-вѣка талантливымъ и добродѣтельнымъ? Въ наши дни люди, руководствуясь изслѣдованіями законовъ наследственности, бросились въ противоположную крайность.

Многіе ученые и философы теперь убѣждены, что воспитаніе совершенно безсильно сколько-нибудь значительно измѣнить темпераментъ и характеръ даннаго народа. По ихъ мнѣнію, человѣкъ рождается преступникомъ, какъ онъ рождается поэтомъ (такъ думаетъ Ломброзо, утверждающій, что общество имѣетъ право держать въ тюрьмѣ въ теченіе всей ихъ жизни людей, совершившихъ преступленіе, будь это простая кража или убійство). Эти ученые и философы полагаютъ, что вся судьба ребенка опредѣляется уже въ утробѣ его матери и потомъ развивается съ роковою неизбѣжностью. Нѣтъ средства для исцѣленія недуга, общаго всѣмъ неуравновѣшеннымъ натурамъ, сумасшедшимъ, преступникамъ, поэтамъ, галлюцинатамъ, истеричнымъ женщинамъ, — недуга, который мы называемъ неврастеніемъ; народы одновременно спускаются по лѣстницѣ жизненныхъ силъ и нравственности, но никогда по ней снова не поднимаются».

Такъ думалъ уже Спиноза. По его мнѣнію, характеръ представляетъ собою теорему, которую можно съ математическою точностью вычислить, руководствуясь вліяніями окружающей среды. Такъ позднѣе думали Галь, Шопенгауэръ, Тэнъ, Спенсеръ и даже Рибо. Спенсеръ допускаетъ только, что характеръ можетъ съ теченіемъ вѣковъ измѣниться подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ и условій. Однако онъ съ другой стороны допускаетъ и то, что если и нельзя искоренить прирожденные недостатки дѣтей, то можно ихъ по крайней мѣрѣ ослабить. Далѣе, оспаривая мнѣніе, что совершенная система воспитанія можетъ дать идеальныхъ людей, онъ прибавляетъ: «Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ сочувствовать лицамъ, раздѣляющимъ эти розовыя надежды. Энтузіазмъ, даже доведенный до фанатизма, служить хорошею двигательною силою, быть можетъ, даже силою необходимою... Поэтому можно сказать, что преувеличенныя надежды, возлагаемыя нѣкоторыми людьми на нравственное и умственное воспитаніе, какъ на панацею, могутъ принести пользу, и надо признать благотворнымъ обстоятельствомъ, что это довѣріе трудно поколебать». Такимъ образомъ Спенсеръ во всякомъ случаѣ признаетъ усилія воспитателей

не лишними. Рибо также дѣлаетъ широкую уступку лицамъ, которыя, по его выраженію, питають слѣпое довѣріе къ всемогуществу воспитанія. «Поставимъ,—говоритъ онъ,—съ одной стороны рѣзко опредѣленные типы, которые я называлъ чистыми. Ихъ ничто не измѣняетъ: хороши ли они или дурны, они тверды, какъ алмазь. Съ другой стороны поставимъ типы аморфные; изъ нихъ можно лѣпить все, что угодно. Между этими двумя крайними типами мы расположимъ всѣ формы характера, такъ, чтобы можно было незамѣтнымъ образомъ перейти отъ однихъ типовъ къ другимъ. Очевидно, что по мѣрѣ того, какъ мы будемъ приближаться къ аморфнымъ типамъ, индивидъ болѣе доступенъ вліянію среды и что соотвѣтственно увеличивается и возможность воздѣйствовать на характеръ». Но въ общемъ Рибо признаетъ, что «истинные характеры не измѣняются».

Такого впрочемъ мнѣнія придерживался и Вольтеръ. «Можно ли,—спрашивалъ онъ,—измѣнить свой характеръ? Да, если можно измѣнить тѣло. Такъ человѣкъ, родившійся непоколебимымъ, бурнымъ, задорнымъ, когда съ нимъ случится въ старости ударъ, превращается въ плаксиваго, робкаго и смиреннаго ребенка. Его тѣло измѣнилось. Но пока его нервы, кровь и мозгъ сохраняются въ прежнемъ состояніи, его натура столь же мало измѣнится, какъ инстинктъ волка или куницы.... Если вы ужъ непременно хотите измѣнить характеръ человѣка, то прописывайте ему ежедневно слабительныя, пока вы его не убьете. Когда Карль XII на пути въ Бендеры заразился гнилостною лихорадкою, онъ пересталъ быть прежнимъ человѣкомъ; имъ распоряжались, какъ ребенкомъ... Еслибы можно было измѣнить характеръ, люди выбирали бы самый совершенный, и человѣкъ сталъ бы властелиномъ природы. Нѣтъ, это невозможно. Заставьте лѣнтяя послѣдовательно и долго работать, превратите бурнаго человѣка въ флегматика, попробуйте возвратитъ зрѣніе слѣпорожденнымъ!» Руссо высказывается почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. «Всякій человѣкъ,—говоритъ онъ,—уже рождается съ свойственнымъ ему характеромъ и способностями... Чтобы измѣнить

духъ, надо измѣнить внутреннюю организацію; чтобы измѣнить характеръ, надо измѣнить темпераментъ. Видѣли ли вы когда-нибудь, чтобы вспыльчивый человекъ сталъ флегматичнымъ, и чтобы холодный и методичный умъ сталъ мечтательнымъ? Что касается до меня, то я полагаю, что столь же легко сдѣлать блондина брюнетомъ или глупаго человека умнымъ».

Такой взглядъ на характеръ заставилъ бы насъ признать, что нравственность бессильна и бесполезна. Но къ счастью, ему противорѣчатъ дѣятельность всего человечества, опытъ воспитателей и наше собственное внутреннее чувство.

Дѣйствительно, стремленія могутъ быть измѣнены; можно, на примѣръ, подавить или усилить чувство смотря по тому, насколько оно удовлетворяется. Наши склонности развиваются, когда мы имъ потворствуемъ, но когда мы ихъ подавляемъ или просто ими пренебрегаемъ, они ослабѣваютъ и угасаютъ; нѣкоторыя же изъ нихъ могутъ быть цѣликомъ искусственно вызваны, какъ на примѣръ склонность или даже иногда страсть къ куренію табаку или къ употребленію спиртныхъ напитковъ и другихъ наркотиковъ. Самъ Вольтеръ признаетъ силу привычки, прибавляя къ вышеприведеннымъ словамъ слѣдующую мысль. «Мы совершенствуемъ, смягчаемъ, скрываемъ то, что дала намъ природа». Тутъ, значитъ, открывается широкое поле для дѣятельности воспитателя. Къ тому же, еслибы всѣ раздѣляли это мнѣніе, то никто не заботился бы о воспитаніи своихъ дѣтей: эта подчасъ очень неблагодарная задача была бы предоставлена самой природѣ.

✓ На самомъ дѣлѣ природа человека можетъ быть значительно усовершенствована путемъ воспитанія, какъ показываетъ примѣръ внука Людовика XIV. «Онъ, — какъ удостовѣряетъ Сень-Симонъ въ своихъ «Запискахъ», — былъ отъ природы жестокъ и до того вспыльчивъ, что съ яростью набрасывался даже на вещь; нравъ у него былъ бѣшеный, онъ не переносилъ ни малѣйшаго противодѣйствія, даже со стороны стихій и времени, приходилъ подчасъ въ такую ярость, что можно

было опасаться, что онъ нанесетъ самъ себѣ вредъ; упрямство его не знало границъ, и онъ съ увлеченіемъ предавался всякаго рода сладострастію... Не менѣе онъ любилъ вино, хорошій столъ; охотникомъ онъ былъ отчаяннымъ, музыка приводила его въ восторгъ, въ играхъ онъ не могъ допустить, чтобы его побѣдили, и потому съ нимъ было очень опасно играть. Наконецъ, преданный всѣмъ страстямъ и удовольствіямъ, онъ часто бывалъ свирѣпъ, жестокъ, беспощадно вышучивалъ людей, чрезвычайно мѣтко подмѣчая смѣшныя стороны. Онъ взиралъ на людей съ высоты своего величія, какъ на ничтожныя былинки, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго. Онъ развѣ допускалъ мысль, что его братья могутъ служить посредниками между нимъ и остальными людьми».

Воспитаніе такого человѣка, конечно, представляло большія трудности. Тѣмъ не менѣе герцогъ Бовилье при содѣйствіи Фенелона, аббата Флери и даже перваго камердинера Моро, «человѣка просвѣщеннаго, принялись за исправленіе этого ужаснаго характера, и затѣмъ съ Божьею помощію, когда герцогъ достигъ 18-лѣтняго возраста, дѣло было завершено, и міръ увидѣлъ принца благосклоннаго, мягкаго, человѣчнаго, умѣреннаго, терпѣливаго, скромнаго, совѣстливаго и иногда даже вопреки требованіямъ своего положенія смиреннаго и суроваго по отношенію къ самому себѣ». Извѣстно, что для того, чтобы бороться съ недостатками своего воспитанника Фенелонъ составилъ свои «Басни» и «Диалоги» съ ихъ глубоко-нравственнымъ содержаніемъ. «Почти всѣ они, — говоритъ біографъ Фенелона, кардиналь Боссэ, — вызваны были тѣмъ или другимъ только-что происшедшимъ случаемъ, который нельзя было обойти молчаніемъ. Это было такъ сказать зеркало, въ которомъ принцъ не могъ себя не узнать, и которое отражало его въ свѣтѣ иногда очень невыгодномъ для его самолюбія. Если наставникъ хотѣлъ внушить ему мягкость, онъ предполагаетъ, «что солнце щадитъ сонъ молодого принца, чтобы его кровь могла освѣжиться, желчь успокоиться, чтобы онъ могъ зацѣлиться здоровьемъ и силами и пріобрѣсти отсутствующую, можетъ быть, въ немъ мягкость. Если

наставникъ хотѣлъ заставить его относиться строже къ ошибкамъ въ устной или письменной рѣчи, онъ изображаетъ его подъ видомъ молодого Бахуса, которому Фавнъ проницательно указываетъ на его промахи. Какъ ты смѣешь насмѣхаться надъ сыномъ Юпитера?—спрашиваетъ ребенокъ-богъ.—А какъ сынъ Юпитера смѣетъ дѣлать ошибки?—отвѣчаетъ Фавнъ. Равнымъ образомъ въ одной прекрасной баснѣ герцогу Бургундскому пришлось прочитать точное изображеніе всѣхъ неровностей своего характера и своей вспыльчивости».

Уже одинъ этотъ примѣръ могъ бы служить опроверженіемъ вышеупомянутыхъ теорій, еслибы ученые, сильнѣе всего напорающіе на вліяніе темперамента, т. е. физиологи, не указывали бы въ то же время сами съ особенною настойчивостью на большое значеніе воспитанія. Изучая одну изъ вышеразсмотрѣнныхъ болѣзненныхъ формъ характера, Нимейеръ пишетъ: «Организація и темпераментъ не оказываютъ особенно ощутительнаго вліянія на большее или меньшее предрасположеніе къ истеричности. Наоборотъ сильное вліяніе на это предрасположеніе имѣютъ образъ жизни и воспитаніе. Если дѣти не приучены владѣть собою, если всѣ ихъ малѣйшія желанія исполняются или имъ позволяютъ предаваться неумѣренному горю по поводу испорченной игрушки, если опасаются прибѣгать къ розгамъ, когда они при малѣйшемъ разочарованіи или отказѣ предаются взрывамъ отчаянія и гнѣва, топчутъ ногами и катаются по полу, въ такомъ случаѣ они легко могутъ въ послѣдствіи сдѣлаться истеричными, ибо истерія вызывается не внѣшними условіями, а тѣмъ, какъ индивидъ реагируетъ противъ этихъ условій. Лучшими средствами для предотвращения истеричности служитъ приученіе дѣтей съ ранняго дѣтства къ труду, добросовѣстности, самообладанію, запрещеніе дѣвушкамъ-подросткамъ сидѣть по цѣлымъ днямъ за рукодѣльемъ или за другими занятіями, которыя позволяютъ имъ предаваться своимъ думамъ и грезамъ, устраненіе такого чтенія, которое чрезмѣрно возбуждаетъ фантазію». Съ своей стороны Делинъ и Пико пишутъ: «Цѣлесообразнѣе всего бороться противъ

истеричности, которую слѣдуетъ признавать главнымъ образомъ душевною болѣзнью, педагогическими средствами, дѣйствующими на характеръ ребенка, и притомъ бороться надо съ появленіемъ первыхъ признаковъ болѣзни, надо ихъ даже предупреждать у предрасположенныхъ субъектовъ. Вѣ этихъ видахъ надо правильною гигиеною укрѣплять тѣло ребенка, развивать его умственные способности и препятствовать всему, что можетъ преждевременно вызвать въ немъ чрезмѣрную нервную впечатлительность. Это значить, что надо прибѣгать къ гимнастикѣ, водолеченію и т. д., устранять чтеніе, чрезмѣрно возбуждающее фантазію, и особенно воздерживаться отъ баловства, отъ удовлетворенія всѣхъ капризовъ ребенка». Отсюда логически слѣдуетъ, что если нецѣлесообразное воспитаніе можетъ причинить вредъ нормальному отъ рожденія характеру, то правильное воспитаніе можетъ его усовершенствовать. Никто не отрицаетъ вреднаго вліянія дурныхъ примѣровъ, но въ такомъ случаѣ можно ли оспаривать благотворное вліяніе хорошихъ?

Мы видимъ слѣдовательно, что воспитаніе вліяетъ на характеръ. Даже самыя неподатливыя формы въ извѣстной степени доступны внѣшнему воздѣйствію. «Нравственное вліяніе начальства, — пишетъ Поланъ, — правильность, даже рутинная обычная жизнь, вѣрованія и постановленія религіи, страхъ передъ полиціею, забота о будущемъ заставляютъ многихъ людей не нарушать нравственнаго кодекса». Но если таково значеніе воспитанія, то отсюда слѣдуетъ, что каждый человекъ, если онъ этого пожелаетъ, можетъ въ большей или меньшей степени измѣнить свою натуру. Къ привычкамъ, пріобрѣтеннымъ нами безсознательно, мы можемъ присоединить привычки, свободно нами усвоенныя, и постоянно противодѣйствуя нашимъ страстямъ, мы можемъ, если не совершенно измѣниться, то по крайней мѣрѣ значительно повліять на наше нравственное существо. Это самовоспитаніе должно быть признано особенно плодотворнымъ и успѣшнымъ, потому что оно требуетъ съ нашей стороны усилій и оставляетъ глубокой отпечатокъ въ нашей душѣ. Прежде всего надо слѣдовать совѣту Сократа и познать

себя, т. е. уяснить себѣ, какія стремленія, хорошія или дурныя, въ насъ преобладаютъ. Тогда мы будемъ знать, съ чѣмъ намъ надо бороться или, наоборотъ, что намъ надо въ себѣ поддерживать и укрѣплять. Задача наша, значитъ, состоитъ въ томъ, чтобы уяснить себѣ наши естественныя склонности и по возможности руководить ими. ✓ Какъ ни трудна эта задача и эта побѣда надъ самимъ собою, — онѣ тѣмъ не менѣе возможны. Рахиль фонъ-Варнгагенъ, Джонсонъ, Генриетта Мартино, напримѣръ, родились меланхоликами. Это были печально настроенные люди, которымъ хотѣлось убѣжать изъ жизни и сказать сердцу: перестань биться. Но умъ и воля заставили ихъ сдѣлать усиліе надъ собою; они преодолѣли органическую свою склонность къ унынію и въ концѣ концовъ одержали побѣду надъ скрытымъ врагомъ душевнаго своего покоя» (Фулье).

Въ этомъ случаѣ необходимъ идеаль, какъ вспомогательное средство и руководитель. Надо поставить себѣ возвышенную цѣль и къ ней стремиться. ✓ Понять, что хорошо, — говорить тотъ же Фулье, — значитъ обладать средствомъ осуществить хорошее въ жизни... Нашъ умъ старается все устроить для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Но такъ какъ большинство этихъ цѣлей безразлично, а имѣютъ нравственное значеніе, то характеръ представляется намъ съ этой высшей точки зрѣнія въ видѣ душевнаго строя, приуроченнаго къ достиженію определенной цѣли или, по выраженію Эммерсона, нравственнаго строя, сложившагося въ данномъ индивидѣ путемъ воздѣйствія его разумной воли. Такимъ образомъ точное пониманіе нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, допуская постоянную эволюцію характера, содѣйствуетъ постоянному прогрессу самой нравственности... Не говоря уже объ основателяхъ религій, развѣ Сократъ не сообразовалъ свою жизнь, какъ и смерть съ своими принципами, не смотря, по собственному его свидѣтельству, на нѣкоторыя склонности своего темперамента? Не сознается ли онъ самъ, что онъ былъ чрезвычайно склоненъ къ сладострастію, хотя и провелъ жизнь такъ цѣломудренно? Не соглашался ли онъ съ фи-

зіономистомъ Зопиромъ, что у него было много грубыхъ наклонностей, которыя онъ, однако, въ себѣ подавилъ? И развѣ Кантъ не подчинилъ всей своей жизни категорическому императиву? «Я спалъ, — говоритъ онъ, — и мнѣ снилось, что жизнь — красота; я проснулся и увидѣлъ, что она — долгъ». Что же его разбудило, если не идея? Трудно сосчитать примѣры полнаго господства нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій надъ человѣкомъ. Августинскій монахъ, также склонный по своему темпераменту ко всякаго рода наслажденіямъ, тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ сознанныаго идеала, велъ такую нравственную жизнь, что былъ причисленъ къ лику святыхъ».

Какими же средствами располагаетъ воспитатель, чтобы измѣнить, смотря по надобности и пользѣ, различные характеры и дать дѣтямъ возможность впослѣдствіи самимъ заботиться о своемъ усовершенствованіи?

Сперва мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, на сколько темпераментъ можетъ быть измѣненъ. «Человѣческій духъ, — писалъ Декартъ, — до такой степени зависитъ отъ темперамента и состоянія органовъ тѣла, что, если возможно найти средство сдѣлать людей болѣе мудрыми и искусными, чѣмъ они были до сихъ поръ, то, какъ я полагаю, его слѣдуетъ искать въ медицинѣ». Эти слова во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательны, и мы придаемъ имъ тѣмъ больше вѣса, что они высказаны однимъ изъ главныхъ представителей спиритуалистической философіи. Дѣйстви-тельно надо искать въ медицинѣ и гигиенѣ средства пріучить человѣка съ самаго начала къ хорошимъ привычкамъ, искоренить пороки въ ихъ органическомъ источникѣ и превратить человѣческое тѣло въ послушнаго слугителя разума. Таково было мнѣніе и двухъ другихъ мыслителей, Паскаля и Руссо; таково же мнѣніе и современнаго философа Фулье, полагающаго, «что многія заблужденія разума были бы устранены, многіе пороки искоренены, еслибы можно было заставить физическую нашу организацію содѣйствовать нравственному строю, такъ часто ею нарушаемому», — словомъ, еслибы признана была «необходимость въ нравственности, приспособленной къ жизни чувства и сердца, дѣйствующей не при помощи

отвлеченныхъ правилъ, а путемъ конкретнаго воздѣйствія на физическую сторону нашего существа».

Такъ, медицина совѣтуетъ, на примѣръ, прибѣгать къ пищѣ, содѣйствующей образованію крови и желчи для измѣненія лимфатическаго темперамента; она предписываетъ кромѣ того, тепло и моціонъ, особенно гимнастику и игры. При нервномъ и желчномъ темпераментахъ она, наоборотъ, совѣтуетъ слизистую пищу, употребленіе воды вмѣсто другихъ напитковъ, прохладу, отдыхъ и т. д. Всѣмъ извѣстно какъ дѣйствуетъ вино; вліяніе кофе на нѣкоторыхъ людей также весьма значительно, оно приближаетъ ихъ къ разсматриваемому нами типу. Сень-Сансъ пришелъ къ убѣжденію, что чашка чая, которую онъ выпивалъ послѣ завтрака для пищеваренія, вызывала въ немъ сварливость. «Ежедневно,—разсказываетъ онъ:—я садился завтракать съ твердымъ намѣреніемъ не раздражаться, но всѣ мои усилія ни къ чему не приводили, дѣло непременно кончалось тѣмъ, что наступалъ припадокъ безъ всякаго повода съ чьей бы то ни было стороны» (Поланъ). Надо ли еще напоминать читателю, что въ пенитенціарной системѣ Соединенныхъ Штатовъ прибѣгаютъ къ кровопусканію, купаньямъ, послабляющимъ напиткамъ, растительной пищѣ и успокоительнымъ работамъ для того, чтобы смягчить необузданный нравъ преступниковъ.

Мы ограничимся этими указаніями. Непосредственное воздѣйствіе на нравственную сторону человѣческаго существа проявляется сильнѣе и нагляднѣе. Поэтому мы на немъ остановимся подробнѣе. Не касаясь здѣсь умственнаго развитія, мы займемся вопросомъ, какими средствами располагаетъ воспитатель, чтобы вліять на впечатлительность и волю дѣтей.

Прежде всего ему надо уяснить себѣ форму характера воспитанника. «Чтобы руководить ребенкомъ, надо прежде всего его знать, а чтобы его знать, надо приучить его къ полной откровенности путемъ прямого, привѣтливаго обращенія, понятно, однако, безъ всякой угодности. Изъ всѣхъ недостатковъ лицемѣріе—самый существенный, потому что независимо отъ вреда, который

тельные склонности и подавлять всѣ антипатичныя и жестокия страсти, не только сводящія чувствительность къ нулю, но и превращающія ее въ отрицательную силу и служащія источникомъ страданія человѣка».

Мы вполне присоединяемся къ этому взгляду съ одной лишь оговоркой: Руссо говоритъ о «юношѣ», потому что нравственное воспитаніе слѣдуетъ, по его мнѣнію, начинать только съ 15-лѣтняго возраста. Мы же думаемъ наоборотъ, что его надо начинать по возможности раньше, потому что въ раннемъ дѣтствѣ человѣческая натура болѣе всего поддается воздѣйствію, а вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное чувство можетъ легче всего быть обогащено надлежащими впечатлѣніями. Но, повторяемъ, въ общемъ соображеніи Руссо представляются намъ совершенно вѣрными. Подтверждаетъ ихъ и опытъ. Послѣ болѣзни дѣти нерѣдко становятся болѣе сердечными. Тутъ дѣйствуютъ не только страданія, но и другая причина: нѣжность и заботливость, которою ихъ окружаютъ во время болѣзни, смягчаютъ ихъ сердце, потому что любовь заразительна. Поэтому другое и прекрасное средство вызвать въ ребенкѣ чувство симпатіи заключается въ томъ, чтобы всегда относиться къ нему самому сочувственно. Проявленіе нѣжности возбуждаетъ желаніе платить тѣмъ же, и сердце постепенно раскрывается. При этомъ надо остерегаться безучастнаго отношенія къ словамъ или дѣйствіямъ, въ которыхъ проявляется чувство симпатіи, потому что нельзя вѣрнѣе его подавить, какъ равнодушнымъ отношеніемъ къ его проявленію. Наоборотъ, показывать ребенку, что это чувство доставляетъ намъ большое удовольствіе, значитъ вызвать въ немъ желаніе возобновить благоприятное впечатлѣніе. Однако всякія преувеличенія тутъ неумѣстны, потому что они могутъ подѣйствовать неблагоотворно на дѣтей съ живымъ воображеніемъ, приучить ихъ къ непріятной или лицемерной сентиментальности. «Надо съ удовольствіемъ принимать ласки нашихъ дѣтей, — замѣчаетъ миссъ Эджвортъ, — но затѣмъ осторожно охлаждать ихъ пылкость, чтобы не вызвать афектаціи... При воспитаніи дѣвушекъ надо очень умеренно пользоваться чувствительными и романтическими разска-

зами, такъ какъ этотъ родъ чтенія разслабляетъ характеръ и вызываетъ равнодушiе къ будничнымъ удовольствiямъ, которыя въ своей совокупности занимаютъ выдающееся мѣсто въ нашемъ счастьѣ». Г-жа Ментенонъ была воплощеннымъ благородiемъ, но ея солидность, какъ называлъ ее Людовикъ XIV, страдала недостаткомъ чувствительности и нѣжности. Если ея сухой нравъ объясняется отчасти безотраднымъ дѣтствомъ, то и воспитанiе играло тутъ роль: ея мать только дважды поцѣловала ее въ лобъ, и то послѣ довольно продолжительной разлуки.

Чтобы возбудить чувство симпатiи въ дѣтяхъ, можно пользоваться еще маленькими сценами, почерпнутыми изъ басенъ, исторiи или дѣйствительной жизни и такъ подобранными, чтобы рельефно выступала неприглядная сторона злобы и жестокости, напримѣръ подавленiя слабого сильнымъ. Дѣти, не отдающiя себѣ отчета въ страданiяхъ, которыя они сами причиняютъ, легко уясняютъ себѣ зло, когда его совершаютъ другiе. Дѣтей, которыя не сочувствовали бы ягненку въ баснѣ Лафонтэна, не возмущались бы софизмами волка, найдется не много. Воспитатель не только долженъ вызывать и поощрять подобныя чувства, но и дать дѣтямъ понять, что люди, ихъ не испытывающiе, представляютъ собою на свѣтѣ печальное исключенiе. Г-жа Неккеръ де-Сосюръ рассказываетъ объ одномъ мальчикѣ, находившемся въ саду, гдѣ ручная перепелка бѣгала на свободѣ вокругъ клѣтки хищной птицы, и что вдругъ мальчику пришла фантазiя схватить перепелку и дать ее хищной птицѣ на съѣденiе. Самъ герой этого маленькаго происшествiя рассказываетъ о постигшемъ его наказанiи слѣдующее: «За обѣдомъ въ этотъ день собралось много гостей, и хозяинъ дома началъ сообщать о моемъ проступкѣ спокойно, безъ всякихъ поясненiй, но при этомъ назвалъ меня. Когда онъ кончилъ, на минуту водарилось общее молчанiе, и всѣ смотрѣли на меня съ своего рода ужасомъ. Затѣмъ гости перемолвились между собою нѣсколькими словами, и хотя никто ко мнѣ непосредственно не обращался съ наставленiемъ, я почувствовалъ, что произвожу на всѣхъ впечатлѣнiе нравственнаго урода».

Нельзя сомнѣваться, что этотъ урокъ подѣйствовалъ на ребенка, и что вообще подобные уроки могутъ оказать пользу.

Всѣми вышеуказанными средствами воспитатель не только разовьетъ въ дѣтяхъ чувствительность и замѣнитъ эгоистическія стремленія безкорыстными, но въ то же время искоренитъ въ нихъ апатію, если они къ ней склонны. Чтобы достигнуть послѣдней цѣли, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣетъ дѣло съ очень безучастными и сонливыми натурами, надо поощрять и возбуждать въ нихъ чувства вродѣ соревнованія, честолюбія и т. п. «Эгоистическія побужденія, — пишетъ Селли, — могутъ быть такъ слабы, что съ ними не стоитъ бороться. Бываютъ дѣти безучастныя, какъ бы вѣчно находящіяся въ летаргическомъ снѣ: въ нихъ надо укрѣплять личность. Въ этомъ случаѣ можетъ быть даже желательно вызвать чувство гордости, честолюбія и въ крайнихъ случаяхъ антиобщественное чувство соперничества, удовольствія взять верхъ надъ другими. Когда же этого рода чувства не отсутствуютъ, дѣло воспитателя заключается въ томъ, чтобы ихъ направлять на достойныя цѣли. Облагораживая ихъ, онъ ихъ видоизмѣняетъ. Такъ, его усилія должны быть направлены къ тому, чтобы ребенокъ страшился не физической, а нравственной боли, чтобы онъ соперничалъ съ другими не въ физическомъ, а въ умственномъ отношеніи, чтобы онъ дорожилъ не столько матеріальными, сколько духовными благами».

Въ то же время воспитатель долженъ регулировать впечатлительность ребенка и содѣйствовать выработкѣ ровнаго характера. Онъ обусловливается извѣстною мягкостью, снисходительностью, готовностью придти на помощь другимъ и нѣкоторою стойкостью, благодаря которой человекъ въ состояніи выносить ежедневно повторяющіяся маленькія неприятности. Поэтому лучшимъ средствомъ выработки ровнаго характера можетъ служить укрѣпленіе воли, — вопросъ, къ которому мы еще вернемся, — и подавленіе склонности къ гнѣву. «Когда человекъ любитъ только себя, — говоритъ Руссело: — онъ вообще мало склоненъ сохранять по отношенію къ дру-

гимъ безучастный нейтралитетъ. Въ зрѣломъ возрастѣ при большомъ житейскомъ опытѣ своего рода практической скептицизмъ можетъ привести къ этому результату, но дѣти тотчасъ же подчиняются своимъ влеченіямъ, даже когда они хитрятъ. Ребенокъ ненавидитъ то, что его стѣсняетъ; онъ часто бьетъ невоодушевленные предметы, животныхъ и даже людей. Это въ первые годы жизни всегда сопровождается взрывами гнѣва... Къ тому же ребенокъ легко привыкаетъ сердиться, и вотъ раздражительность превращается въ постоянный его недостатокъ, во-первыхъ, потому что онъ самостоятельно не въ силахъ бороться съ этою страстью, а во-вторыхъ, и потому, что хотя взрыву гнѣва и предшествуютъ непріятныя ощущенія, но онъ сопровождается и нѣкоторымъ удовольствіемъ. Спросите ребенка, который злится, кричитъ, кидаетъ и ломаетъ вещи, подвертывающіяся ему подъ руку, — не находитъ ли онъ нѣкотораго облегченія въ своихъ бурныхъ поступкахъ? Если это удовольствіе будетъ достаточно сильно, чтобы уравновѣсить непріятности, естественно вызываемыя подчиненіемъ себя преобладающей страсти, то мы получимъ натуру невоздержную, порывистую, разсудокъ омраченный страстью, волю никогда не владѣющую собою. Поэтому надо во что бы то ни стало не допустить, чтобы гнѣвъъ выродился въ привычку: тутъ необходимы всевозможныя усилія родителей и воспитателей. Однимъ ихъ присутствіемъ дѣлу помочь нельзя, такъ какъ нельзя быть постоянно при ребенкѣ. Къ тому же и въ ихъ присутствіи могутъ происходить взрывы гнѣва, и ребенокъ всегда найдетъ случай избавиться отъ надзора. Противодѣйствовать слѣдуетъ прежде всего молчаливымъ неодобреніемъ и выжиданіемъ: ничто такъ не озадачиваетъ вспыльчиваго человѣка, какъ хладнокровіе окружающихъ лицъ, особенно, если это хладнокровіе носитъ оттѣнокъ тягостнаго удивленія и молчаливаго порицанія, граничащаго съ презрѣніемъ. Когда гнѣвъъ не поддерживаютъ упреками, когда на него отвѣчаютъ только молчаніемъ, онъ теряется въ пустомъ пространствѣ и самъ собою прекращается. Дѣятельное вмѣшательство умѣстно только послѣ вспышки. Наиболѣе

употребительнымъ средствомъ служить и тутъ порицаніе, затѣмъ можно возбуждать чувство собственнаго достоинства, указывать на роковыя послѣдствія этой страсти. Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ служить возбужденіе чувствъ симпатіи и расположенія къ другимъ людямъ. Раздражительности лучше всего противодѣйствуетъ настроеніе, побуждающее насъ забывать зло, предполагаемое или дѣйствительно намъ причиненное, и помнить только зло, которое мы сами причинили другимъ».

Но не одна склонность къ гнѣву мѣшаетъ выработкѣ ровнаго характера. Кромѣ того, надо имѣть въ виду заносчивость и тщеславіе, — недостатки, которыми болѣе всего обуславливается противорѣчивая натура. Если человѣкъ постоянно и во что бы то ни стало оспариваетъ чужія мнѣнія и дѣйствія, то потому, что онъ считаетъ себя или хочетъ казаться лучше и умнѣе другихъ, или потому, что, какъ полагаютъ, лучшее средство выгодно отличаться отъ другихъ состоитъ въ томъ, чтобы не быть съ ними одного мнѣнія. Бальмесъ замѣчаетъ по этому поводу: «тщеславіе — основной недостатокъ подобныхъ людей. Ложное самолюбіе заставляеть ихъ во всемъ обособляться, и, не желая думать и говорить такъ, какъ другіе, они незамѣтно доходятъ до того, что вступаютъ въ борьбу со здравымъ смысломъ. Упорный ихъ разладъ со всѣми служитъ уже доказательствомъ, что они руководствуются не ошибочнымъ сужденіемъ, а смѣшнымъ желаніемъ быть оригинальными. Еслибы тутъ дѣйствовало ошибочное сужденіе, то они не противорѣчили бы всѣмъ и во всемъ. Нельзя не отмѣтить того страннаго явленія, что ихъ вѣрнѣе всего можно заставить разсуждать правильно, поддерживая въ ихъ присутствіи ошибочный взглядъ. Я охотно допускаю, что подобные субъекты по большей части не отдають себѣ отчета въ своемъ поведеніи, что они не сознають тщеславія, которымъ одержимы, но тѣмъ не менѣе они руководствуются именно этимъ чувствомъ. Если они это сознають наконецъ, то зло можетъ быть предотвращено, предполагая, конечно, что годы, общественное положеніе, дѣлъ не извратили окончательно ихъ сужденій. Часто злоупотребленіе своими умственными

способностями приводить ихъ къ горькимъ разочарованіямъ и къ тягостному униженію. Когда они подавлены несчастіемъ, страданіями и умудрены опытомъ, на нихъ находятъ свѣтлыя промежутки, которыми можетъ воспользоваться искренній другъ. Но когда дѣйствительность ихъ еще не урезонила, не оказывайте имъ сопротивленія... Вѣдь оппозиція возможна только, когда есть противники. Поэтому неисправимые спорщики перестаютъ раздражаться, входятъ въ себя и извиняются за свою вспыльчивость, когда ихъ окружаетъ молчаніе. Пылкіе и безпокойные люди, склонные къ противорѣчію и нуждающіеся въ томъ, чтобы имъ противорѣчили, успокаиваются, когда борьба прекращается, въ особенности когда они приходятъ къ сознанію, что они имѣютъ дѣло не съ рѣшительнымъ противникомъ, всегда готовымъ дать отпоръ, а съ людьми, которые добровольно жертвуютъ собою, подчиняясь ихъ прискорбному недостатку». Паффе въ свою очередь говоритъ: «Роль критика требуетъ превосходства знаній и ума. Поэтому, тщеславный человѣкъ охотно принимаетъ ее на себя. Онъ, конечно, не можетъ исправить ближнихъ и выяснитъ ихъ ошибки; потому что онъ на это неспособенъ и не задается этою цѣлью. Ему хочется только покрасоваться и окружить себя обаяніемъ penetrating and умнаго человѣка». Надо бороться противъ этого нежелательнаго стремленія тотчасъ же, какъ оно обнаружилось, научая дѣтей оцѣнивать вѣрно себя и другихъ и развивая въ нихъ скромность. Тѣмъ болѣе надо избѣгать всего, что можетъ вызвать въ ребенкѣ это стремленіе. Такъ, ему не надо противорѣчить безъ надлежащей причины и слѣдуетъ устранять отъ него людей, склонныхъ его дразнить. Если не искоренить этого стремленія безотлагательно, то впоследствии это очень трудно сдѣлать. Между тѣмъ оно составляетъ истинное несчастіе для человѣка, потому что общество менѣе всего терпитъ недостатки, которые всѣхъ оскорбляютъ; тогда оно даетъ дружный отпоръ. Съ другой стороны ровный характеръ наоборотъ дѣлаетъ человѣка всѣмъ пріятнымъ. Какъ не любить и не дорожить обществомъ того, кто всегда привѣтливъ и встрѣчаетъ всякаго съ улыбкою на устахъ.

Регулируя впечатлительность ребенка, мы достигнемъ еще и другого результата: онъ перестанетъ быть капризнымъ, взбалмошнымъ, словомъ, неустойчивымъ. Бюзарэнгъ говоритъ: «подавая примѣръ постоянства, мы предупреждаемъ въ ребенкѣ непостоянство; онъ естественно подражаетъ тѣмъ, кого любитъ и уважаетъ. Если наставникъ проявляетъ твердость и выдержку, самъ ребенокъ пріобрѣтаетъ эти качества. Перемѣны должны у него вызываться постоянствомъ. Такъ, его впечатлѣнія и занятія должны быть разнообразны, чтобы онъ не находился въ зависимости отъ нихъ. Но добиваясь независимости, мы не должны смѣшивать ее съ непостоянствомъ. Иное приходится сказать о ребенкѣ, который, не смотря на желаніе, не можетъ послѣдовательно окончить начатое и сегодня ненавидитъ то, что вчера любилъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ребенокъ — рабъ своей подвижности; въ первомъ же онъ переходитъ отъ одного занятія къ другому, чтобы не подчиниться той или другой привычкѣ. Пріостановить какую-нибудь работу, чтобы впослѣдствіи вернуться къ ней, не значитъ разлюбить и покинуть ее навсегда. Ребенокъ, возвращающійся къ начатой работѣ, если онъ вынужденъ былъ прервать ее, проявляетъ больше постоянства, чѣмъ тотъ, который не прерываетъ ее. Все это можно примѣнить не только къ дѣйствіямъ, но и къ мнѣніямъ. Надо, чтобы воспитанникъ твердо держался взглядовъ разъ усвоенныхъ, если только умъ или чувство не заставятъ его отречься отъ нихъ, и въ послѣднемъ случаѣ чтобы это отреченіе было болѣе или менѣе продолжительно, чтобы онъ не могъ тотчасъ же вернуться къ оставленному взгляду, не подвергаясь упрекамъ и не слыша вопроса: на долго ли?» Прибавимъ еще, что если ребенку угрожаютъ наказаніемъ или сулятъ награду, то надо сдержать слово: внезапная перемѣна рѣшенія не должна озадачивать ребенка и дать ему поводъ думать, что награда или наказаніе — произвольны и зависятъ отъ каприза.

Итакъ, чтобы пріучить ребенка сдерживать гнѣвъ, подавлять тщеславіе, искоренить въ немъ духъ противорѣчія или непостоянства, надо дѣйствовать и на его

волю. Успѣхъ можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если ребенокъ настолько укрѣпитъ свою волю, чтобы, вступивъ въ борьбу съ самимъ собою, проявлять въ ней выдержку. Воспитателю слѣдовательно предстоить задача научить его хотѣть и хотѣть сильно. Задача это—нелегкая... Пейо говоритъ въ своей книгѣ «Воспитаніе воли»: «Нравственная свобода, т. е. способность человѣка владѣть собою и подчинять свои инстинкты благороднымъ чувствамъ и нравственнымъ стремленіямъ, такая свобода, какъ и свобода политическая и вообще все, что имѣетъ нѣкоторую цѣну въ жизни, должна добываться путемъ упорной борьбы, никогда не прерывающейся. Она служитъ наградою для людей сильныхъ, ловкихъ, упорныхъ. Только тотъ свободенъ, кто заслуживаетъ быть свободнымъ. Свобода—не право, не фактъ; она—награда, высшая награда, наиболѣе обезпечивающая счастье. Она для человѣческой жизни то, что солнечный свѣтъ для пейзажа. Кто ее не завоеуетъ, тотъ будетъ лишенъ въ жизни глубокихъ и прочныхъ наслажденій». Теперь намъ надо разсмотрѣть, путемъ какихъ приемовъ можно поддерживать и укрѣплять волю у дѣтей, обладающихъ ею, а у тѣхъ, которыя ея лишены, вызвать желаніе ею обладать и постепенно ея создавать.

Въ своей «Автобіографіи» Дж. Ст. Милль, говоря о себѣ, замѣчаетъ, что у энергичныхъ людей дѣти рѣдко бываютъ энергичныя, потому что родители постоянно руководили ими. Это очень цѣнное указаніе для воспитателей. Они должны заботиться о томъ, чтобы не подавлять въ своихъ воспитанникахъ духъ инициативы, самостоятельности, замѣняя ихъ волю своею и требуя пассивнаго послушанія. Поступая такъ, они готовятъ только дряблыхъ людей, неспособныхъ идти самостоятельною дорогою въ жизни и очень склонныхъ къ разнаго рода увлеченіямъ. «Надо помнить,—пишетъ Спенсеръ,—что цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы подготовить существа, способныя управлять собою, а не такихъ, которыя способны подчиняться чужому управленію. Если ребенокъ долженъ быть рабомъ, то надо приучить его къ рабству съ раннихъ лѣтъ. Но

если ему суждено стать свободнымъ человѣкомъ, если онъ въ жизни будетъ лишень постоянныхъ руководителей, вы должны приучать его управлять собою, пока онъ еще находится у васъ на глазахъ... Въ наше время, когда человѣку нечего страшиться другихъ, когда его счастье и несчастье обуславливаются единственно его собственными поступками, подчиненными силѣ вещей, онъ долженъ приобрести надлежащій опытъ уже съ раннихъ лѣтъ, уяснивъ себѣ благопріятныя или неблагопріятныя послѣдствія, которыми естественно сопровождается тотъ или другой поступокъ. Поэтому, надо стараться, чтобы родительская власть по возможности раньше замѣнилась тою властью надъ самимъ собою, которая вытекаетъ изъ разумѣнья послѣдствій. Въ раннемъ дѣтствѣ сильная доза абсолютизма необходима. Трехъ-мѣсячный ребенокъ, играющій съ раскрытою бритвою, не можетъ быть предоставленъ одному сознанию послѣдствій, потому что они въ данномъ случаѣ слишкомъ серьезны. Но по мѣрѣ того, какъ умъ его развивается, рѣшительное вмѣшательство можетъ и должно происходить все рѣже, такъ чтобы оно совершенно прекратилось въ возмужаломъ возрастѣ. Всякій переходъ представляетъ опасность, а самый опасный изъ нихъ это — внезапный переходъ отъ родительскаго принужденія къ полной свободѣ. Этимъ и обуславливается важное значеніе предлагаемой нами тактики (системы естественныхъ послѣдствій придерживался и Руссо). Приучая юношу владѣть собою, постепенно увеличивая случаи проявленія самообладанія безъ всякой посторонней поддержки, она ослабляетъ по большей части внезапный и опасный переходъ отъ отрочества, когда человѣкомъ руководятъ извнѣ, къ возмужалости, когда онъ самъ собою руководитъ... Не сожалѣйте о томъ, что вашъ ребенокъ имѣетъ свою волю... Самостоятельный ребенокъ-англичанинъ будетъ завтра отцомъ новаго самостоятельнаго гражданина. Содержатели пансіоновъ въ Германіи утверждаютъ, что имъ легче справиться съ дюжиною воспитанниковъ нѣмцевъ, чѣмъ съ однимъ воспитанникомъ англичаниномъ. Можно ли желать, чтобы наши дѣти отличались нѣмецкимъ по-

слушаніемъ и чтобы они впоследствии были столь же порабощены въ политическомъ отношеніи, какъ нѣмцы? И не лучше ли примириться съ тѣми чувствами, которыя создаютъ изъ нихъ свободныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ ли намъ придерживаться и соотвѣтственныхъ методовъ воспитанія?»

Но если необходимо позаботиться о сохраненіи воли, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы воспитатель, впадая въ противоположную крайность, удовлетворялъ всѣмъ капризамъ своего воспитанника: потворствовать ему въ этомъ отношеніи не значитъ пріучать его владѣть собою впоследствии. Нельзя отождествлять воли и каприза: первая вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать все, что намъ нравится, только потому, что намъ нравится, а въ томъ, чтобы подчинить свою дѣятельность разуму. Этимъ объясняется и польза дисциплины: сопротивляться ребенку значитъ научить его сопротивляться самому себѣ. Когда онъ привыкнетъ къ послушанію, но не къ вынужденному послушанію, въ основѣ котораго лежитъ страхъ, а къ свободному послушанію, основанному на внутреннемъ сознаніи, онъ впоследствии окажется способнымъ руководствоваться исключительно разумомъ.

Вотъ почему упорядоченный трудъ, правильныя школьныя занятія такъ сильно содѣйствуютъ развитію и укрѣпленію воли. Они готовятъ ребенка къ будущей борьбѣ, требуя отъ него упорныхъ усилій и преодоленія многихъ трудностей. «Работать — говорить Рибо — значитъ быть внимательнымъ. Къ несчастію, вниманіе не можетъ считаться состояніемъ неизмѣннымъ, устойчивымъ. Его нельзя уподобить вѣчно натянутой струнѣ. Оно скорѣе состоитъ изъ цѣлаго ряда усилій, слѣдующихъ одно за другимъ съ большею или меньшею быстротою. При изощренномъ и сильномъ вниманіи они слѣдуютъ такъ быстро другъ за другомъ, что производятъ впечатлѣніе непрерывности, и эта кажущаяся непрерывность можетъ длиться нѣсколько часовъ въ день. Задача слѣдовательно состоитъ въ томъ, чтобы придать этимъ усиліямъ вниманія надлежащую напряженность и устойчивость. Несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ результатовъ воздѣй-

ствія на способность челоуѣка владѣть собою служить ежедневно повторяющаяся готовность мужественно преодолѣвать затрудненія, въ общемъ довольно тягостныя, но благодаря привычкѣ постепенно утрачивающія этотъ тягостный характеръ и даже превращающіяся въ потребность. Усилія, сперва тягостныя, постепенно требуютъ при своемъ повтореніи меньшей затраты энергіи и въ концѣ концовъ напряженіе воли становится незамѣтнымъ. Нѣтъ, этого мало. Оно превращается въ потребность и, въ началѣ непріятное, со временемъ удовлетворяетъ собственнымъ нашимъ желаніямъ: воздержаніе отъ усилія становится непріятнымъ. Какой это цѣнный союзникъ для всѣхъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій, и какъ быстро онъ превращаетъ трудную тропинку, которую мы всячески избѣгали, въ широкую и удобную дорогу. Онъ незамѣтно приводитъ насъ къ цѣли, которой мы хотѣли достигнуть, но которая насъ страшила вслѣдствіе присутствующей намъ лѣни» (Пейо).

Задавая ребенку опредѣленный урокъ, мы добиваемся еще другого существеннаго результата, заставляемъ его немедленно исполнить трудъ, котораго онъ избѣгаетъ. Такимъ образомъ мы предохраняемъ его отъ безсильнаго желанія, побуждающаго его откладывать на завтра то, что должно быть сдѣлано немедленно; въ то же время мы исцѣляемъ его отъ нерѣшительности. Мало того, если урокъ никогда не превышаетъ его силъ, если ребенокъ такимъ образомъ можетъ съ успѣхомъ исполнить то, чего желаетъ, то мы его убѣждаемъ, что онъ не безсиленъ, внушаемъ ему довѣріе къ самому себѣ, т. е. чувство, которое впослѣдствіи позволитъ ему преодолѣвать очень большія препятствія. Дѣйствительно, не слѣдуетъ забывать, что сознаніе возможности добиться того, чего мы сильно хотимъ, придаетъ челоуѣку большой запасъ энергіи.

Кромѣ того не бесполезно возбуждать въ ребенкѣ чувства, придающія обаяніе труду. «Всякій знаетъ и нерѣдко напимѣръ повторяетъ, что трудъ даетъ челоуѣку многообразныя наслажденія. Прежде всего онъ удовлетворяетъ самолюбіе, затѣмъ онъ даетъ увѣренность въ своихъ силахъ, пріятное сознаніе, что мы радуемъ своихъ

родителей, подготовляемъ себѣ лучшую будущность и т. д.». Но воспитатель не можетъ довольствоваться простымъ перечисленіемъ всѣхъ этихъ пріятныхъ сторонъ труда, потому что это одни отвлеченныя слова, которыя пока не находятъ отзвука во внутренней жизни ребенка. Онъ долженъ уяснить ему во всѣхъ подробностяхъ образы, скрывающіеся подъ этими словами. Напримѣръ, вмѣсто простой фразы, что родители будутъ довольны, надо живо представить ребенку отца, какъ онъ радуется всякому успѣху сына, принимаетъ поздравленія друзей семейства, изобразить гордость матери и т. д. Другими словами, воспитатель вызоветъ въ представленіи ребенка точную картину всѣхъ подробностей родительскаго счастья, счастья людей, которые, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, несутъ тяжелыя жертвы ради своего сына, лишаютъ себя многого въ жизни, чтобы обезпечить его счастье, и возлагаютъ на себя тяжелое бремя, чтобы облегчить ему жизненный путь. «Если ребенокъ вдумался во всѣ эти подробныя соображенія, проникался долго и часто ихъ обаятельностью, онъ не можетъ не преисполниться спокойнымъ и мужественнымъ воодушевленіемъ, которое оживотворить его волю» (Спенсеръ).

Чтобы усилить это воодушевленіе, надо знакомить ребенка съ подвигами великихъ работниковъ на пользу человечества. Разсказъ объ ихъ борьбѣ и усиліяхъ возбуждаетъ невольное удивленіе и вызываетъ порывъ мужественнаго одушевленія. «Помнится — рассказываетъ Мишле — что въ эти несчастные дни, когда я былъ лишенъ всего, будущее меня страшило, и враги издѣвались надо мною, я однажды, — это было въ четвергъ утромъ, — собрался наконецъ съ силами: въ холодной комнатѣ (все было покрыто снѣгомъ), не имѣя куска хлѣба, лишенный всякой надежды, подчиняясь чисто стоическому чувству, я ударилъ рукою, потрескавшеюся отъ мороза, по дубовому моему столу и почувствовалъ, какъ душа моя наполняется молодою, мужественною радостью. Кто вызвалъ во мнѣ этотъ порывъ? Тѣ, съ кѣмъ я постоянно жилъ: мои любимые авторы. Меня все болѣе влекло въ ихъ избранное общество». Пусть еще наставники, для усиленія

благотворнаго воздѣйствія жизнеописанія этихъ работниковъ, снабжаютъ своихъ учениковъ книгами, въ которыхъ разсказывается жизнь людей энергическихъ и предприимчивыхъ, ведущихъ упорную борьбу съ непреодолимыми на видъ препятствіями, въ родѣ знаменитаго Робинзона Крузе, или описаній подвиговъ великихъ путешественниковъ, и все это конечно укрѣпитъ энергію подрастающаго поколѣнія.

Надо ли прибавлять, что съ другой стороны слѣдуетъ устранить все, способствующее его обезсиленію. «Никогда еще не чувствовалась такая потребность готовить людей здоровыхъ, сильныхъ, предприимчивыхъ и склонныхъ къ жертвамъ. Поэтому воспитатели должны исключить изъ класснаго преподаванія все то въ современныхъ книгахъ, что носитъ слѣды изысканности, склонности къ софизмамъ, безсильной и бодѣзненной притязательности. Въ особенности надо избѣгать тѣхъ книгъ, которыя вызываютъ духъ скептицизма и ироніи,—къмъ бы онѣ ни были написаны. Этотъ умственный порокъ можетъ найти себѣ оправданіе развѣ у разочарованныхъ стариковъ, находящихъ себѣ успокоеніе въ скептицизмѣ и отраду въ насмѣшкахъ. Но было бы очень печально, еслибы имъ прониклись въ настоящее время молодые люди, для которыхъ жизнь только еще начинается. Воспитатель, предлагающій изъ легкомыслія или болѣе чѣмъ смѣшнаго диллетантства своимъ воспитанникамъ прочесть хотя бы только одну страницу, подрывающую ихъ нравственную энергію и обезсиливающую ихъ руку, нарушаетъ этимъ самый священный свой долгъ... Молодое поколѣніе во Франціи преисполнено доброй воли, благородныхъ чувствъ, оно воспримчиво и послушно... Его слѣдуетъ закалить противъ равнодушія, скептицизма, недовѣрія къ собственнымъ силамъ и опаснаго мнѣнія, будто бы индивидъ ничего не значитъ и индивидуальныя усилія ни къ чему привести не могутъ. Напротивъ, въ немъ всячески слѣдуетъ поддерживать духъ дѣятельнаго почина... Учитель долженъ указывать ученикамъ на его плодотворность, прибѣгая къ надлежащимъ примѣрамъ, разсказывая, какъ въ то или другое время одинъ

человѣкъ или группа людей измѣняли ходъ исторіи... Географія также вызываетъ склонность къ дѣятельности и возвеличиваетъ энергію. Когда мы перечислимъ все, въ чемъ нуждается человѣкъ, намъ достаточно будетъ перевернуть страницу, чтобы показать его торжествующимъ надъ враждебными силами, «добывающимъ изъ земли постояннымъ выдержаннымъ трудомъ благополучіе, образованность, нравственность. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы наполнять умъ дѣтей печальною и унижительною исторіею борьбы человѣка съ человѣкомъ и картиною безконечныхъ жертвъ этой борьбы и сопряженнаго съ нею кровопролитія, мы обратимъ ихъ умственные взоры на утѣшительное зрѣлище человѣчества, ведущаго борьбу съ природою, духа, подчиняющаго себѣ матерію» (Манёврие).

Наконецъ и физическое воспитаніе содѣйствуетъ воспитанію воли. «Энергическая, настойчивая воля предполагаетъ возможность продолжительныхъ усилій. Но послѣднія немислимы безъ здоровья. Слѣдовательно, здоровье составляетъ существенное условіе нравственной энергіи. Никто не войдетъ сюда, если онъ не геометръ,— говорилъ Платонъ; а мы замѣтимъ, что только тотъ можетъ обладать нравственною энергіею, кто соблюдаетъ окончательно установленные законы гигіены. Воля образуется изъ ряда мелкихъ усилій, а здоровье обусловливается соблюденіемъ мелкихъ гигіеническихъ правилъ, касающихся пищи, воздуха, кровообращенія. Оно предполагаетъ отдыхъ и правильныя физическія упражненія. Если душа—какъ говорилъ Боссюэ—властвуетъ надъ тѣломъ, ею оживотворяемомъ, то власть эта непродолжительна, когда тѣло подвергается разрушенію. Въ такомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать героическое усиліе, но оно не будетъ сопровождаться дальнѣйшими усиліями, потому что и первое окончательно истощитъ человѣка. А въ жизни, созданной цивилизаціею, къ подвигамъ рѣдко представляется случай, такъ рѣдко, что мы должны готовиться не къ нимъ, а къ мелкимъ усиліямъ, повторяемымъ ежедневно, ежечасно. Къ тому же воля, закаленная въ этихъ постоянныхъ усиліяхъ, будетъ болѣе подготовлена и къ подвигамъ, когда часъ для нихъ наста-

нетъ. Но эти мелкія усилія называются постоянствомъ, выдержкою, а настойчивость обусловливается непрерывнымъ развитіемъ физическихъ силъ. Люди рѣдко отдають себѣ точный отчетъ въ громадномъ значеніи знаменитой мысли, что только въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровая душа. Будемъ же заботиться о нашемъ здоровьѣ, будемъ доставлять волѣ надлежащій запасъ физической энергіи, безъ которой всякаго рода усилія не могутъ дать желательныхъ результатовъ» (Пейю).

Въ заключеніе мы не можемъ еще не коснуться одного практическаго средства нравственнаго воспитанія, которое за послѣдніе годы примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ, но которому повидимому предстоитъ разыграть важную роль въ воздѣйствіи на характеръ. Мы говоримъ о гипнотическомъ внушеніи.

Чтобы уяснить себѣ значеніе этого средства, мы прежде всего коснемся вопроса, какъ вліяетъ внушеніе въ состояніи бодрствованія. «Внушеніе состоитъ въ томъ, что мы вселяемъ въ человѣка ту или другую мысль, которая сама осуществляется. Такимъ образомъ искусство нравственнаго внушенія состоитъ въ томъ, что мы измѣняемъ человѣка, убѣждая его, что онъ другой человѣкъ или можетъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ. Это искусство служить однимъ изъ важныхъ средствъ воспитанія. Можно даже сказать, что всякое воспитаніе должно стремиться къ этой цѣли, т. е. должно убѣждать ребенка, что онъ способенъ на добрые поступки и неспособенъ на дурные, а вмѣстѣ съ тѣмъ на самомъ дѣлѣ добиться этого результата, убѣдить его, что у него сильная воля, чтобы дѣйствительно дать ему сильную волю, внушить ему вѣру, что онъ существо свободное въ нравственномъ отношеніи, можетъ распоряжаться собою, чтобы идея нравственной свободы сама прогрессивно осуществлялась... Весьма часто достаточно говорить или дать понять воспитаннику, что въ немъ предполагаютъ то или другое качество, чтобы онъ старался оправдать это мнѣніе. Наоборотъ, если мы въ немъ предполагаемъ дурныя чувства, дѣлаемъ ему незаслуженные упреки, обращаемся съ нимъ несправедливо, то получается противоположный результатъ. Не безъ

основанія утверждали, что лучше всего справляется съ воспитанниками тотъ, кто считаетъ ихъ такими хорошими, какъ онъ желалъ бы ихъ видѣть. Загипнотизированному субъекту внушаютъ, что онъ — свинья, и онъ тотчасъ же начинаетъ валяться по полу и хрюкать, какъ свинья. То же происходитъ въ переносномъ смыслѣ съ людьми, которые имѣютъ очень низкое мнѣніе о себѣ; они дѣйствуютъ въ жизни немногимъ лучше, чѣмъ думаютъ о себѣ. Это самовнушеніе. Тѣ же начала подтверждаются и въ дѣлѣ управленія людьми. Многочисленные факты изъ тюремной практики убѣждаютъ, что полупреступника мы прямо поощряемъ совершить преступленіе, обращаясь съ нимъ, какъ съ преступникомъ. Поднять человѣка въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ общества можетъ считаться лучшимъ средствомъ, чтобы дѣйствительно его поднять. Молодой адвокатъ подаль руку человѣку, провинившемуся десятый разъ въ кражѣ, и это такъ сильно подѣйствовало на вора, что онъ до сихъ поръ не забылъ этого нравственнаго урока. Проявлять уваженіе—это одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ внушенія. Наоборотъ, обращаться съ кѣмъ-нибудь презрительно значить въ большинствѣ случаевъ сдѣлать человѣка хуже, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. При воспитаніи дѣтей слѣдуетъ придерживаться правила, что лучше предполагать въ воспитанникѣ добрую волю. Если мы высказываемъ воспитаннику въ лицо свое мнѣніе о немъ, то это равносильно внушенію. Фразы въ родѣ: «это нехорошій ребенокъ... онъ лѣнивъ... онъ того или другого не сдѣлаетъ...»—имѣютъ очень вредное вліяніе. Сколько недостатковъ порождено такимъ образомъ, независимо отъ законовъ наследственности, а просто плохимъ воспитаніемъ... Ребенку не слѣдуетъ внушать ясное сознаніе его недостатковъ: это ихъ только усиливаетъ и поощряетъ ребенка къ дурнымъ поступкамъ. Иногда этимъ путемъ даже прямо создаются недостатки. Вотъ почему мы предлагаемъ воспитателямъ слѣдующее важное правило: насколько полезно привести ребенка къ сознанію своихъ хорошихъ наклонностей, настолько опасно привести его къ сознанію дурныхъ, если они въ немъ еще не укоренились.» (Гюйо).

Если простое внушеніе даетъ такіе важные результаты, то тѣмъ большихъ слѣдуетъ ожидать отъ гипнотическаго внушенія. Извѣстно, въ чемъ оно состоитъ. Когда мы при помощи разныхъ приѣмовъ погрузили даннаго субъекта въ состояніе сомнамбулизма или гипноза, онъ лишается своей воли и всецѣло подчиняется экспериментатору. Тогда внушеніе совершается легко. Бываетъ оно двоякаго рода: одно можетъ быть названо положительнымъ и вызываетъ активное или импульсивное явленіе, на примѣръ ощущеніе боли, галлюцинацію, то или другое дѣйствіе; другое можетъ быть названо задерживающимъ и вызываетъ паралитическое явленіе, на примѣръ безсиліе какого-нибудь члена организма, утрату памяти или чувствительности.

Вотъ примѣръ внушенія перваго рода. Женщинѣ говорятъ: «Смотрите, у васъ птица въ передникѣ». Какъ только произнесены эти слова, она видитъ птицу, чувствуетъ ее подъ своими пальцами, иногда даже слышитъ, какъ она поетъ.

Приведемъ примѣры внушенія втораго рода сперва систематизированной нечувствительности. Субъекту говорятъ: «Когда вы проснетесь, г. Х. перестанетъ для васъ существовать. Вы не будете его ни слышать, ни видѣть, ни осязать. Онъ будетъ стоять передъ вами, но онъ для васъ исчезнетъ. Субъектъ просыпается и видитъ всѣхъ окружающихъ его лицъ, за исключеніемъ г. Х. Когда тотъ говоритъ, больной не отвѣчаетъ на его вопросы; онъ кладетъ ему руку на плечо, больной этого не чувствуетъ; онъ становится ему поперекъ дороги, больной прямо идетъ на него и пугается, что натолкнулся на невидимое препятствіе. А вотъ примѣръ паралича двигательныхъ нервовъ. Можно внушить усыпленному субъекту, что у него рука парализована. Для этого стоитъ только нѣсколько разъ съ должнымъ авторитетомъ повторить: «у васъ рука не дѣйствуетъ», — и дѣйствительно рука обезсилена. Субъектъ дѣлаетъ отрицательный знакъ, пробуетъ поднять руку, и это ему удается. Но ему продолжаютъ повторять: «Вы не можете поднять руку; она у васъ опускается», — и вскорѣ постепенно

наблюдаются явления паралича, распространяющіяся на всю руку. Субъектъ не можетъ уже ею двигать: безсиліе оказывается полное.

Но бываютъ явленія еще болѣе изумительныя: путемъ тѣхъ же приемовъ достигается полное превращеніе данной личности. Такъ, Жанэ послѣдовательно внушаетъ больной, что она полководецъ, старая баба, великосвѣтская дама; Ришэ подобнымъ же образомъ превращаетъ г-жу А., почтенную мать семейства, въ крестьянку, актрису, епископа, монахиню и т. д., причемъ больные съ полнымъ убѣжденіемъ разыгрываютъ внушенныя имъ роли, подражая осанкѣ, жестамъ, рѣчи изображаемыхъ ими лицъ.

У мало воспримчивыхъ и новыхъ субъектовъ сила внушенія сохраняется только во время гипнотическаго сна. Но она можетъ быть продолжена, если ее упрочить внушеніемъ другого рода. Усыпленному субъекту внушаютъ галлюцинацію и затѣмъ ему говорятъ: «Когда вы проснетесь, вы все еще будете видѣть этотъ предметъ», и этого внушенія по большей части достаточно, чтобы оно сохраняло свою силу и послѣ пробужденія больного. Бернгеймъ наблюдалъ фактъ дѣйствительности внушенія по прошествіи 63 дней, Бони — по прошествіи 72 дней, а Льежуа — по прошествіи года.

Вотъ эти факты наиболѣе существенны съ нашей точки зрѣнія. Если мнимое превращеніе личности сохраняется и послѣ пробужденія, то «вполнѣ логично предположить, что внушеніе, какъ вѣрно замѣчено, составляетъ дѣйствительное средство воздѣйствія на нѣкоторые характеры и темпераменты и измѣненія ихъ. Такимъ образомъ получились чрезвычайно поучительные опыты, произведенные за послѣдніе годы и, конечно, заслуживающіе полнаго вниманія. Мы приведемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ: докторъ Льебо сообщаетъ, что изъ 77 подростковъ, страдавшихъ неспособностью задерживать ночью мочу, въ 1886 г. 56 выздоровѣли благодаря гипнотическому внушенію, 13 почувствовали значительное облегченіе въ своей болѣзни и только 8 не выздоровѣли; докторъ Берильонъ утверждаетъ, что онъ вылечилъ нѣсколькихъ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ

отъ нервныхъ болей, склонности ко лжи и воровству и даже отъ болѣе опасныхъ привычекъ. Докторъ Льебо превратилъ завѣдомаго лѣнтяя въ хорошаго работника. Однородные опыты произведены надъ взрослыми людьми и привели къ не менѣе благопріятнымъ результатамъ, т. е. къ выздоровленію отъ лѣни, морфиноманіи и т. д. «Жанна Ш., особа 22 лѣтъ, отличавшаяся склонностью къ воровству, сквернословію, нечистоплотности и тунеядству, была при помощи гипнотическаго внушенія превращена г. Буазеномъ въ Сальпетріерѣ въ особу послушную, покорную, честную, трудолюбивую и опрятную. До внушенія она чуждалась всякой книги, а исцѣленная, охотно заучивала цѣлыя страницы наизусть, добрыя чувства воскресли въ ней, и въ концѣ концовъ она получила мѣсто въ богоугодномъ заведеніи, гдѣ отличается образцовымъ поведеніемъ. Вообще въ Сальпетріерѣ такіе случаи нравственнаго исцѣленія не рѣдки. Буазень утверждаетъ, что и въ частной практикѣ ему удавалось путемъ внушенія превратить женщину съ несноснѣйшимъ характеромъ въ тихую особу, преданную своему мужу и совершенно недоступную взрывамъ гнѣва» (Гюйо).

Понятно, что, въ виду этихъ изумительныхъ результатовъ, возникъ вопросъ, — нельзя ли воспользоваться гипнотическимъ внушеніемъ при воспитаніи дѣтей и создать такъ называемую нравственную ортопедію? Это предложеніе встрѣчаетъ на ряду съ горячими сторонниками и многочисленныхъ противниковъ. Несомнѣнно, — говорятъ Бинэ и Ферэ, — что «было бы очень опасно подвергать правильнымъ внушеніямъ дѣтей съ нормальной организаціею; ихъ можно этимъ путемъ превратить въ автоматовъ, а это не должно быть цѣлью воспитанія». Но примѣненіе гипнотическаго внушенія къ дѣтямъ по природѣ своей порочнымъ можетъ скорѣе быть допущено. «Если гипнотизмъ служить единственнымъ средствомъ ихъ исправленія, то неужели мы должны ему противиться во что бы то ни стало и выждать, чтобы серьезный проступокъ заставилъ насъ подвергнуть виновныхъ заточенію во избѣжаніе вреда, который они могутъ причинить другимъ? Говорятъ, что надо уважать

свободу. Но дѣйствительно ли свободны эти несчастные люди, которые порочны отъ рожденія и слѣпо подчиняются своимъ дурнымъ инстинктамъ?.. Можетъ быть наоборотъ: гипнотизмъ въ извѣстныхъ случаяхъ содѣйствуетъ освобожденію ребенка, обезпечивая правильное дѣйствіе центральной нервной системы и зависящихъ отъ нея умственныхъ способностей. Слѣдовательно, напередъ уже отвергать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, услугу, которую въ этомъ отношеніи можетъ оказать педагогикѣ медицина, значитъ отвергать одновременно и права науки, и права подростающаго поколѣнія». Сдѣлаемъ еще слѣдующія два замѣчанія. «Во-первыхъ, гипнотическое внушеніе можетъ быть не только дѣйствительное, но и вполне законное; во-вторыхъ, право прибѣгать къ нему должно быть предоставлено лишь специалистамъ. Воспитатели не могутъ пользоваться имъ въ качествѣ педагогическаго средства; впрочемъ это воспрещено и закономъ» (Томá).

Въ заключеніе еще два слова. Изслѣдуя средства измѣненія характера, мы касались только психологическихъ законовъ. Но воспитатели ни въ какомъ случаѣ не должны забывать, что еще недостаточно просвѣщать умъ, развивать впечатлительность и укрѣплять волю людей. Надо еще дать извѣстное направленіе этимъ силамъ. Есть идеальный строй, къ которому они должны быть направлены, потому что онъ одинъ устанавливаетъ гармонію душевной жизни. Мы говоримъ о долгѣ. Когда ребенокъ пойметъ, что такое добро, когда онъ будетъ желать и искать его, когда онъ приобрѣтетъ силу его осуществлять, тогда его нравственное воспитаніе будетъ совершенно: его душа, открытая для благородныхъ мыслей, великодушныхъ чувствъ, мужественныхъ рѣшеній, будетъ способна на высшую добродѣтель, на подвиги самоотверженія.

Перечень сочинений, на которыя ссылается авторъ.

- Stuart Mill.—Système de logique déductive et inductive, Trad. de
I. Peisse. Paris.
- Cabanis.—Rapports du physique et du moral.
- Bourdet.—Les maladies du caractère.
- Fourcault.—Tempérament. (Dictionnaire de la Conversation).
- Alf. Fouillée.—Le tempérament physique et moral d'après la bio-
logie contemporaine (Revue de deux mondes 15 juillet 1893).
- Muller.—Physiologie. Trad. française.
- Kant.—Anthropologie. Trad. française.
- Calmeil.—Lypémanie. (Diction encycl. des sciences méd.).
- Wundt.—Psychologie physiologique. Trad. franç.
- Henle.—Antropologische Vorträge, 1877.
- Azam.—Hypnotisme et double conscience.
- Pérez.—La caractère de l'enfant à l'homme. 1891.
- Lavater.—L'art de connaître les hommes par la physionomie.
- Delestre.—La physionomie.
- Michon, abbé.—Système de graphologie.
- Crépieux-Jamin.—L'écriture et le caractère.
- Darwin.—L'expression des émotion chez l'homme et chez les
animaux.
- Piderit.—La mimique et la physiognomonie.
- Mantegazza.—La physiognomie et l'expression des senniments.
- Ribot.—Sur les diverses formes du caractère (Revue philosophique,
novembre 1892).
- Fr. Paulhan.—Les caractères, 1894.
- Fr. Paulhan.—L'activité mentale et les éléments de l'esprit.
- Maudsley.—Pathologie de l'esprit.—Trad. par Garmont.
- Lagrange.—L'hygiène de l'exercice chez les enfants et les jeunes gens.
- Collineau.—L'hygiène à l'école.
- Alfred Fouillée.—Le caractère et l'intelligence. (Revue des deux
mondes, février 1894).
- Al. Fouillée.—Tempérament et caractère selon les individus, les
sexes et les races. Libr. Alcan.
- Bahnsen.—Charakterologie.
- Le Bon.—Notes sur l'étude du caractère (Revue philosophique, IV).
- Alex. Stewart.—Our tempéraments. Londres, 1892.
- Pilo.—Les études nouvelles sur le caractère. Milan, 1892.
- Greenstreet.—Le développement du caractère. (Educational Review
nov. 1894).

- La Scola.—Observations sur l'origine et les manifestations du caractère. Palerme 1894.
- M. R. Thamin.—De puerorum indole quaedam notantur. 1895.
- De la Hautière.—Cours de psychologie appliqué à l'éducation.
- M. H. Marion.—Leçons de psychologie appliquée.
- La Bruyère.—Les caractères.
- Bain.—L'esprit et le corps.
- Catrin.—Le paludisme chronique.
- Ribot.—L'hérédité psychologique.
- Voltaire.—Caton. (Dict. philosophique).
- E. Deschanel.—Physiologie des écrivains et des artistes.
- Taine.—Philosophie de l'art.—De l'idéal dans l'art.
- Le Bon.—Lois psychologiques de l'évolution des peuples.
- Fouillée.—La psychologie des peuples et l'anthropologie. (Revue des Deux Mondes, 15 mars 1895).
- Marion.—De la solidarité morale.
- Helvétius.—De l'esprit.
- Montaigne.—Essais.
- Fénélon.—L'éducation des filles.
- Pérez.—Education morale dès le berceau.
- Wundt.—Hypnotisme et suggestion.
- J. J. Rousseau.—Emile.
- Virey.—Caractère. (Dict. de la Conversation).
- M-me Laure Surville.—Balzac, sa vie et ses œuvres.
- Letourneur.—Physiologie des passions. Passions intellectuelles.
- Huet.—Histoire de la vie et des ouvrages de Bardas-Demoulin.
- J. Bourdeau.—Le socialisme allemand et le nihilisme russe.
- Michelet.—Histoire de la Révolution Française.
- Ribot.—Les maladies de la volonté.
- Carlyle.—Les héros. Trad. française.
- G. Boisier.—Cicéron et ses amis.
- Sainte-Beuve.—Causerie de lundi.
- Bertrand.—La psychologie de l'effort.
- Sensier.—La vie et l'oeuvre de J. F. Millet.
- Philarète Chasles.—Goethe. (Dict. de la Conversation).
- Paul Janet.—Les maîtres de la pensée moderne.
- Pierre Janet.—L'automatisme psychologique.
- A. Michiels.—Rubens et l'école d'Anvers.
- Arréat.—La psychologie du peintre.
- Paul Albert.—La littérature française au dix-huitième siècle.
- Philarète Chasles.—Notice sur Fontenelle.
- F. Thomas.—La suggestion, son rôle dans l'éducation.
- Casanova.—Mémoires.
- Caylus.—Eloge de Watteau.
- Carpenter.—Mental physiologie.
- Carlyle.—The life of Sterling.
- Gréard.—M-me de Maintenon: Extraits de ses lettres, entretiens et proverbes sur l'éducation.
- Molière.—Le Misanthrope.

- Legouvé.—Soixante ans de souvenirs.
Maudsley.—Pathologie de l'esprit.
Ribot.—Les maladies de la personnalité.
Democritus Junior.—Anatomy of melancoly. Oxford, 1621.
Moreau (de Tours).—La psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire.
Marmontel.—Mémoires.
Binet et Féré.—Le magnétisme animal.
G. Dumas.—Les états intellectuels dans la mélancolie.
J. J. Rousseau.—Confessions.
Camille Selden.—Eugénie et Maurice de Guérin.
Richet.—L'homme et l'intelligence.
Axenfeld et Huchard.—Traité des névroses.
Jaccoud.—Traité de pathologie interne.
Flaubert.—Madame Bovary.
Marion.—Essais.
Marion.—La solidarité morale.
Stuart Mill.—Assujettissement des femmes.
Nourisson.—Tableau des progrès de la pensée humaine depuis Thalès jusqu' à nos jours.
Payot.—L'éducation de la volonté.
Ribot.—Psychologie de l'attention.
P. Stapfer —Rabelais.
Balmès.—L'art d'arriver au vrai.
Lombroso.—L'homme criminel.
Guyau.—L'éducation et hérédité.
Spencer.—De l'éducation intellectuelle, morale et physique.
Voltaire.—Caractère (Dict. philosophique).
J. J. Rousseau.—La Nouvelle Héloïse.
Bausset (cardinal).—La vie de Fénelon.
Niemeyer.—Eléments de pathologie et de thérapeutique. Trad. franç.
Espine et Picot.—Manuel pratique des maladies de l'enfance.
Descartes.—Discours de la méthode.
Saint-Saëns.—Le Métronome et l'espace celeste. (Revue bleu, août 1890).
Gueyrat.—L'imagination et ses variétés chez l'enfant.
Gueyrat.—Abstraction et son rôle dans l'éducation intellectuelle.
Gréard.—L'éducation des femmes.
Jussieu.—Exposé analytique des méthodes de l'abbé Gaultier.
Miss Edgeworth.—Essais sur l'éducation pratique.
Paul Janet.—Traité de philosophie.
Sully.—Outlines of psychology.
Compayré.—Cours de pédagogie théorique et pratique.
Rousselot.—Pédagogie à l'usage de l'enseignement primaire.
Mlle de Sauvan.—Cours normal des institutrices.
Giron de Buzareingues.—Education des garçons.
Maneuvrier.—Instructions, programmes et règlement de l'enseignement secondaire.

